

ISSN 2500-3216

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2022

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юр. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юр. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юр. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юр. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юр. наук, проф., Уральский государственный юридический
университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Миллюков*, д-р юр. наук, проф.,
Российский государственный университет им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*,
д-р юр. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
О. В. Попова, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный
университет; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., Московская государственная
юридическая академия им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф.,
РАНХиГС при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф., Саратовский
государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 30.03.2023 г.

© БФУ им. И. Канта, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Илюхина В. А.</i> Проблемные аспекты выделения принципов неcodифицированных отраслей права	5
<i>Назаров М. В.</i> О роли результатов оперативно-розыскной деятельности в современном уголовном процессе	16
<i>Маткова Н. В.</i> Тактико-психологические проблемы поддержания государственного обвинения в суде присяжных	24

История. Исторические науки

<i>Таньшина Н. П.</i> Образ России как следствие политической конъюнктуры, или Метаморфозы аббата Прадта	33
<i>Баранова Е. В.</i> Культурно-досуговая деятельность в Калининградской области во второй половине 1940-х — 1980-х годах	46
<i>Манкевич Д. В.</i> Достижения и проблемы калининградского здравоохранения в период «развитого социализма»	59
<i>Фостова С. А.</i> Форт №5 в исторической памяти калининградцев	70

Общество и политика

<i>Кропинова К. А., Кропинова Е. Г.</i> Охрана объектов культурного наследия в России и Германии: основные проблемы и подходы к их решению	83
<i>Комлева Н. А.</i> Геополитическая безопасность современной России: сущность, структура, основы мониторинга	102

CONTENTS

State and law

<i>Iliukhina V. A.</i> Some allocation issues of the principles of uncodified branches of law	5
<i>Nazarov M. V.</i> On the role of the results of operational search activities in contemporary criminal proceedings	16
<i>Matkova N. V.</i> Tactical and psychological problems of maintaining public prosecution in jury trial	24

History. Historical sciences

<i>Tanshina N. P.</i> The image of Russia as a result of a political conjuncture, or The Metamorphosis of Abbé de Pradt	33
<i>Baranova E. V.</i> Cultural and leisure activities in the Kaliningrad region in the second half of 1940s—1980s	46
<i>Mankevich D. V.</i> Achievements and challenges in the Kaliningrad healthcare system during “real socialism”	59
<i>Fostova S. A.</i> Fort №5 in the historical memory of Kaliningrad residents	70

Society and politics

<i>Kropinova K. A., Kropinova E. G.</i> Cultural heritage protection in Russia and Germany: challenges and solutions	83
<i>Komleva N. A.</i> Geopolitical security of contemporary Russia: essence, structure, fundamentals of monitoring	102

В. А. Илюхина

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ
НЕКОДИФИЦИРОВАННЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА**

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

Научный центр Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию 04.11.2022 г.

Принята к публикации 27.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-1

5

Для цитирования: Илюхина В. А. Проблемные аспекты выделения принципов неcodифицированных отраслей права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 5 – 15. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-1.

Принципы права рассматриваются в рамках позитивистского правопонимания как нормативно закрепленные основополагающие идеи каждой отрасли. Обращается внимание на то, что общеправовые принципы, закрепленные в Конституции РФ, непосредственно действуют как в кодифицированных, так и в неcodифицированных отраслях независимо от того, продублированы они в отраслевом законодательстве или нет. Освещаются проблемы, связанные с выделением принципов неcodифицированных отраслей права. Во-первых, далеко не всегда ясно, является ли конкретное правовое образование именно отраслью права или нет. Особенно это сложно определить в отношении неcodифицированных отраслей права. Во-вторых, при выделении принципов неcodифицированных отраслей права не работают некоторые критерии распознавания принципов права, характерные для кодифицированных отраслей. В-третьих, в кодифицированных отраслях права отраслевые принципы закреплены только в Конституции РФ и (или) в отраслевых кодексах. В неcodифицированных отраслях к источникам закрепления принципов права относятся Конституция РФ и отраслевое неcodифицированное законодательство, представляющее собой совокупность нормативных правовых актов. В этой ситуации уместен вопрос: принципы соответствующей отрасли могут закрепляться в любом нормативном правовом акте или только в некоем основополагающем акте, заменяющем акт кодифицированный? Наконец, если признавать возможность закрепления принципов права в различных нормативных правовых актах, то возникает проблема иерархии и соотношения принципов из разных нормативных актов. В статье намечаются пути решения поставленных проблем.

Ключевые слова: принципы права, отрасли права, неcodифицированные отрасли права, принципы неcodифицированных отраслей права, общеправовые принципы, позитивистское правопонимание

Введение

Для правовых систем государств романо-германской правовой семьи, как известно, характерно деление права на отрасли. В основе каждой отрасли, как, впрочем, и всего правового регулирования, лежат определенные базовые, исходные идеи, которые принято называть принципами права. Эти принципы характеризуют сущность и специфику правовой системы в целом и отдельных отраслей права, составляют идейное ядро права.

Понимание принципов права отличается в разных типах правопонимания. Внимание принципам права уделяется в рамках и естественно-правовой концепции в варианте Р. Дворкина [3; 4], и либертарно-правовой теории В.С. Нерсесянца и его последователей [22; 25–27], и так называемого интегративного правопонимания [1; 2; 5; 19; 35]. Наиболее адекватно отражающим правовую реальность и практически ориентированным нам представляется позитивистский подход к принципам права [6–8; 14; 16; 23].

В соответствии с позитивистским правопониманием не все идеи, даже кажущиеся основополагающими, являются принципами права. Главный признак принципов права — их нормативная закреплённость. Идеи, не закреплённые в текстах нормативных правовых актов, не являются принципами права, не играют и не могут играть непосредственной роли в правовом регулировании общественных отношений. От принципов права как таковых следует отличать доктринальные принципы права, сформулированные учеными, практиками, политиками в научных трудах, выступлениях на конференциях и в публикациях средств массовой информации. Доктринальные принципы — это, конечно, идеи, но они лежат не в сфере права, а в сфере правосознания. Они могут быть составляющей правовой политики, влиять на нормотворчество, но не на правовые отношения.

В научной литературе достаточно много внимания уделяется принципам кодифицированных отраслей права [12; 15; 18; 28–32; 34; 36; 39]. При этом позиции отдельных ученых могут различаться по поводу количества и сущности отдельных принципов, но в целом они сходятся в том, что принципы права находят нормативное выражение в Конституции Российской Федерации и (или) в кодифицированных правовых актах. Однако с выделением принципов некодифицированных отраслей права возникает целый комплекс проблем. Их выявлению и, отчасти, определению путей решения и посвящена данная статья.

Закрепление принципов права в Конституции Российской Федерации

Поскольку, как мы отметили выше, определяющим признаком принципов права является их нормативная закреплённость, следует рассмотреть, как работает соответствующий механизм на конституционном и отраслевом уровнях. Конституция Российской Федерации является Основным законом России, обладает прямым действием, поэтому большинство норм в ней представляют собой нормы-принципы, содержащие и закрепляющие основополагающие идеи государственного

устройства и базовые идеи, лежащие в основе правового регулирования общественных отношений. То, что, в отличие, например, от действующей Конституции Республики Армения, в Конституции РФ статьи не имеют названия, а в самом ее тексте не используется слово «принцип» (в значении «принцип права», кроме принципов международного права), несомненно, осложняет формулировку названия того или иного принципа на уровне доктрины. Однако сущность самих основополагающих идей не теряет ясности, а их ценность никоим образом не снижается.

В Конституции Российской Федерации нашли закрепление как общеправовые, так отраслевые и межотраслевые принципы права. Одна из наших работ была специально посвящена данному вопросу [20], поэтому сейчас мы на нем не останавливаемся. Акцентируем внимание на двух моментах: 1) общеправовые принципы в силу их специфики действуют во всех сферах общественных отношений, во всех отраслях права; 2) в Конституции закреплены отраслевые и межотраслевые принципы как кодифицированных, так и некодифицированных отраслей.

По большому счету для Основного закона нет разницы, в каких отраслях права действуют закрепленные в нем принципы — важно, что общественные отношения урегулированы конституционными нормами-принципами. По сути, в этом контексте совершенно не имеет значения, к каким отраслям права на уровне доктрины будут отнесены те или иные нормы-принципы. Нормы права объективны, а вот деление права на отрасли — доктринально и, хотя и отражает некие реалии, все же субъективно. То, что один ученый считает какое-то правовое образование отраслью права, а другой таковой ее не признает, никоим образом не влияет на эффективность правового регулирования в конкретной сфере общественных отношений. В этом контексте некоторые сомнения ряда авторов в целесообразности деления права на отрасли не выглядят совершенно беспочвенными [37, с. 56—57]. Тем не менее, по нашему мнению, представления об отраслевом строении права вовсе не устарели. Это деление имеет значение для правотворческой деятельности и в учебных целях. Что касается правоприменения, то для него более важно, чтобы соответствующие нормы права успешно реализовывались, а не то, к какой отрасли права их относит тот или иной ученый.

Обратим внимание, что конституционные принципы права могут быть продублированы или не продублированы в отраслевом законодательстве, однако статуса общеправовых, межотраслевых или отраслевых принципов они от этого не теряют. Нам представляется более предпочтительным вариант, когда конституционные принципы права дублируются в отраслевом законодательстве. Это не снижает их значения, но является более удобным для правоприменителя.

Механизм закрепления принципов права в некодифицированных отраслях права

В российской практике в настоящее время существует несколько моделей закрепления принципов права в текстах кодифицированных актов [17]. Не вдаваясь в детали, отметим, что в любом случае принципы закреплены в кодексах не хаотично, а сконцентрированы в начальной

их части и маркированы особым образом (оптимальный вариант — использование слова «принцип» в названии глав и статей). Соответственно, мы не разделяем позицию авторов, полагающих, что принцип может быть расположен в любой части нормативного акта или может быть не прямо сформулирован в тексте, а выведен учеными путем толкования нормативного правового акта. В первом случае выделение «принципов» по всему тексту не согласуется с замыслом законодателя, маркировавшего основные идеи в соответствующих главах и (или) статьях. Во втором случае мы имеем дело с доктринальной интерпретацией, толкованием, но не с четко выраженной волей законодателя.

8

Значительно более сложная ситуация складывается, когда речь идет о некодифицированных отраслях права. Здесь возникает целый комплекс проблем, связанных с выделением принципов права соответствующей отрасли. Первая проблема заключается в том, какие правовые образования относятся к некодифицированным отраслям права. В последние два десятилетия в научной среде активно идет процесс выделения новых отраслей права. Формирование новых правовых образований, в том числе отраслей права, носит объективный характер, связанный с необходимостью урегулирования общественных отношений, возникших после распада СССР и возникающих в связи с изменениями, происходящими в обществе. Однако выделение отраслей права на уровне доктрины во многих случаях субъективно и связано не только с методологической позицией ученого, но и с желанием любой ценой внести «вклад в науку». Ничем иным, как такими обстоятельствами, невозможно объяснить то, что в настоящее время предпринята попытка обоснования самостоятельности порядка девяности отраслей российского права, в том числе артистического права, аптечного права, модного права, музейного права, футбольного права и т. п. [38, с. 5].

Следовательно, если мы хотим выделить принципы некодифицированных отраслей права, необходимо определиться, какие правовые образования являются отраслями права, а какие — нет. Вопрос этот относится к числу дискуссионных в настоящее время, и рассмотрение его не входит в задачи данного исследования. Если отбросить в сторону откровенно надуманные «отрасли» (некоторые из них были названы в предыдущем абзаце), то надо признать, что сегодня не кодифицированы, как правило, комплексные отрасли, характеризующиеся большим объемом и разнородностью материала, а также молодые, активно развивающиеся отрасли, которые могут быть кодифицированы в перспективе. Вопрос о перспективных и молодых отраслях вызывает много дискуссий, и в этой работе мы его рассматривать не будем.

Остановимся на комплексных отраслях права. В научной литературе и здесь нет единства. Многие ученые отрицают существование комплексных отраслей права, признавая наличие только комплексных отраслей законодательства. Если исходить из позитивистского правопонимания, то право не может существовать вне его форм. Основной формой права в романо-германской правовой семье, как известно, является нормативный правовой акт. Таким образом, отрасль права объективируется в законодательстве. Для правоприменителя, как мы отмечали ранее, важно именно законодательное закрепление тех или иных норм, а не представ-

ление ученых о системе права. Однако ставить знак равенства между системой права и системой законодательства нельзя вследствие того, что эти понятия представляют собой явления разного порядка: выделение отраслей права лежит в сфере правосознания, а система законодательства — в сфере собственно права; первое — во многом субъективно, второе — во многом объективно. Учитывая названные обстоятельства, мы не видим препятствий к использованию в научной литературе категории «комплексная отрасль права».

В настоящее время выделяют несколько комплексных неcodифицированных отраслей права — предпринимательское, жилищное, таможенное и др. Но, наверное, экологическое право среди подобного рода правовых образований — это единственная отрасль российского права, самостоятельность которой практически ни у кого не вызывает сомнений. При этом те ученые, для кого самостоятельность и комплексность — не противоречащие друг другу понятия, считают экологическое право самостоятельной комплексной отраслью. Мы разделяем именно эту позицию. Однако для нас в контексте настоящего исследования важным является не спор о характере и месте экологического права в системе права, а то, что это самостоятельная отрасль и что она не кодифицирована.

На сегодняшний день имеются две серьезные монографии, посвященные принципам экологического права [10; 33], а также множество работ их авторов и других исследователей, в которых рассматриваются отдельные принципы экологического права. В силу указанных обстоятельств представляется нецелесообразным в одной статье пытаться охарактеризовать систему принципов экологического права и проанализировать их содержание, а вот выявить ряд основных проблем в этой сфере, на наш взгляд, вполне реально.

Так как экологическое право не кодифицировано, то неэффективны критерии распознавания принципов права, свойственные кодифицированным отраслям. Поскольку нет кодифицированного акта, возникает несколько взаимосвязанных вопросов:

— в каких нормативных правовых актах закреплены принципы экологического права (в кодифицированных отраслях права — в соответствующем кодексе, а в экологическом праве — где?)?

— можно ли рассматривать как принципы всей отрасли экологического права принципы, которые закреплены в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»?

— можно ли рассматривать в качестве принципов экологического права принципы, которые закреплены в Лесном кодексе, Водном кодексе и т. д.?

— существует ли (и должна ли вообще существовать) иерархия принципов экологического права, где и каким образом эта иерархия должна быть закреплена?

— как соотносятся между собой принципы, закрепленные в ФЗ «Об охране окружающей среды», с принципами, закрепленными в других нормативных правовых актах?

Как мы отмечали ранее, в любой отрасли права действуют общеправовые принципы, которые закреплены на конституционном уровне. Экологическое право здесь не исключение.

Вряд ли у кого вызывает сомнение, что ФЗ «Об охране окружающей среды» является в настоящий момент базовым, основополагающим в сфере регулирования отношений в экологической сфере. Ст. 3 «Основные принципы охраны окружающей среды» названного закона, несмотря на название, устанавливает не только собственно принципы охраны окружающей среды, но и принципы взаимодействия человека, общества и природы, а также принципы природопользования. В научной литературе верно отмечается, что «в данном законе принципы охраны окружающей среды идентичны принципам экологического права» [13, с. 158].

Всего в ст. 3 прямо перечислены 24 принципа экологического права. В связи с этим вызывает недоумение мнение В. А. Виноградова и Л. В. Солдатовой, что препятствием «на пути реализации принципов охраны окружающей среды в правоприменительной деятельности» является «отсутствие законодательного закрепления принципов права» [11, с. 106].

Научная дискуссионность системы экологического права приводит к существенной разнице во взглядах на принципы экологического права. Причем если в содержательном плане практически все принципы характеризуются более-менее одинаково с некоторыми нюансами и разной степенью подробности, то подходы к их системе обуславливаются позициями, касающимися системы экологического права.

Традиционное для российского правоведения деление принципов права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые наполняется своей спецификой. Одни авторы наряду с ними рассматривают институциональные принципы экологического права (принципы охраны атмосферного воздуха, обращения с отходами, обеспечения радиационной и ядерной безопасности, охраны Байкальской природной территории, законодательства об охране животного мира) [33, с. 258 – 303]. При этом выделяются и доктринальные принципы экологического права [33, с. 304 – 350].

Другие авторы, исходя из того, что в рамках экологического права как отрасли имеется общая и особенная часть, выделяют специфические отраслевые принципы общей и особенной части экологического права [24, с. 84]. Соответственно принципы особенной части должны подчиняться принципам общей части.

Третья группа авторов различает общие и специальные принципы экологического права. К первым они относят принципы, закрепленные в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды», ко вторым – закрепленные в природоресурсном законодательстве РФ [21, с. 28 – 30].

Ряд авторов, обнаруживающих в системе экологического права подотрасли и институты, выделяют дополнительно принципы подотраслей и институтов. Здесь тоже имеет место широкий спектр подходов: земельное, лесное, водное, горное и пр. право рассматриваются в качестве самостоятельных отраслей российского права, подотраслей экологического права, институтов экологического права. Соответственно различается и характер выделяемых принципов, и их соотношение друг с другом [9; 10].

В целом все авторы сходятся в том, что в экологической сфере принципы, закрепленные в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды», носят определяющий характер в отношении всего законодательства, регулирующего общественные отношения, связанные как с охраной окружаю-

щей среды, так и с природопользованием. Так, М. М. Бринчук справедливо отметил: «Даже если принципы экологического права не отражены соответствующим образом в принципах природоресурсных отраслей, такие принципы (экологического права как комплексной отрасли) должны непосредственно применяться на стадии исполнения норм природоресурсной отрасли» [10, с. 144]. По нашему мнению, данный подход является верным не только с теоретической, но и практической точки зрения.

Заключение

Подводя итоги, обратим внимание, что при выделении принципов некодифицированных отраслей права возникает целый комплекс взаимосвязанных проблем.

Во-первых, в настоящее время, когда в научном сообществе стало модным придавать различным правовым образованиям статус самостоятельных отраслей права, далеко не всегда ясно, является ли конкретное правовое образование именно отраслью права или нет. Особенно это сложно сказать в отношении некодифицированных отраслей права.

Во-вторых, при выделении принципов некодифицированных отраслей права не работают некоторые критерии распознавания принципов права, характерные для кодифицированных отраслей. В последних принципы права не просто так или иначе маркируются, но и расположены в начале нормативного правового акта. В кодексах законодатель в большинстве случаев уделяет специальное место принципам соответствующей сферы правового регулирования.

В-третьих, в кодифицированных отраслях права отраслевые принципы закреплены только в Конституции РФ и (или) в отраслевых кодексах. В некодифицированных отраслях источниками закрепления принципов права являются Конституция РФ и отраслевое некодифицированное законодательство, представляющее собой совокупность нормативных правовых актов. В этой ситуации возникает вопрос: принципы соответствующей отрасли могут закрепляться в любом нормативном правовом акте или только в некоем основополагающем акте, заменяющем акт кодифицированный?

В-четвертых, если признавать возможность закрепления принципов права в различных нормативных правовых актах, то возникает проблема иерархии и соотношения принципов из разных нормативных актов.

Первая из названных проблем может быть решена конвенционально — научное сообщество теоретически может прийти к единодушию по вопросам количества и названия отраслей права. В реальности же это вряд ли возможно.

Способом решения остальных проблем могла бы стать кодификация некодифицированных отраслей права, но, например, в случае с комплексными отраслями это невозможно в силу огромного объема и разнородности составляющих их норм.

Более реальным представляется внесение изменений в действующее отраслевое законодательство. На наш взгляд, имеет смысл в нормативном правовом акте, составляющем основу комплексной отрасли, не про-

сто закрепить перечень принципов права и установить их иерархию (если таковая требуется), но и указать на возможность или невозможность установления принципов этой же отрасли прав в других нормативных актах. В последнем случае необходима отсылка к конкретным статьям в конкретных нормативных правовых актах.

Хотя в Российской Федерации официально судебная практика не является источником права, правовые позиции Конституционного суда РФ и постановления пленумов Верховного суда РФ восполняют пробелы в правовом регулировании. Следовательно, высшими судебными инстанциями в порядке толкования действующего законодательства может быть разъяснено, в каких нормативных актах содержатся принципы правового регулирования определенной сферы общественных отношений, как соотносятся принципы, закрепленные в рамках неcodифицированной отрасли права в разных нормативных правовых актах, а также ряд других возникающих в данном проблемном поле вопросов. Такой способ решения проблем, связанных с принципами неcodифицированных отраслей права, является более быстрым, чем внесение законодательных изменений. Однако мы полагаем, что суд не должен подменять законодателя, так что подобного рода судебное регулирование общественных отношений должно носить исключительно временный характер. Таким образом, оптимальным путем решения проблем неcodифицированных отраслей права представляется изменение законодательства.

Список литературы

1. *Cankorel T.* Cognitive Classification of legal Principles: a new Approach to international legal Training // *Ankara Law Review*. 2008. Vol. 5, №2. P. 153–200.
2. *Daci J.* Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // *Academicus International Scientific Journal*. 2010. №2. P. 109–115.
3. *Dworkin R.* *Law's Empire*. Cambridge, 1986.
4. *Dworkin R.* The Model of Rules // *University of Chicago Law Review*. 1967. Vol. 35. P. 14–46.
5. *Ershov V. V.* The essence of the principles of law // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. №11 (12). P. 2089–2103.
6. *Hart H. L. A.* *The Concept of Law*. Oxford ; N. Y., 1961.
7. *Raz J.* Legal Principles and the Limits of Law // *The Yale Law Journal*. 1972. №81. P. 823–854.
8. *Александров Н. Г.* Социалистические принципы советского права // *Советское государство и право*. 1957. №6. С. 16–29.
9. *Баишева З. В.* Классификация принципов экологического права России // *Актуальные проблемы современной науки: теория и практика : матер. Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. Душанбе, 2016*. С. 142–151.
10. *Бринчук М. М.* *Принципы экологического права*. М., 2013.
11. *Виноградов В. А., Солдатова Л. В.* О значении принципов в экологическом праве и их применении // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. №5. С. 99–121. doi: 10.17323/2072-8166.2021.5.99.121.
12. *Воронов А. Ф.* *Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее*. М., 2009.

13. Гиззатуллин Р. Х., Мусина З. Р. Принципы экологического права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №9-1. С. 157 – 159. doi: 10.24411/2500-1000-2019-11589.
14. Давыдова М.Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия, социология и социальные технологии. 2016. №3 (33). С. 36 – 45.
15. Демичев А.А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. №2. С. 32 – 35.
16. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. №5. С. 5 – 13.
17. Демичев А.А., Илюхина В.А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №2. С. 23 – 27. doi: 10.24411/2078-5356-2019-10203.
18. Дмитриева И. К. Принципы российского трудового права. М., 2004.
19. Еришов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018.
20. Илюхина В. А. Конституционные принципы права как основа гражданского общества (на материалах российского и армянского права) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. №1. С. 22 – 26. doi: 10.18572/2221-3287-2021-1-22-26.
21. Краснова И.Л. Экологическое право: понятие, система, принципы // Аграрное и земельное право. 2007. №1 (25). С. 16 – 30.
22. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012.
23. Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. №6. С. 21 – 29.
24. Лю Хуан Янь. Принципы экологического права России и Китая // Аграрное и земельное право. 2007. №5 (29). С. 84 – 88.
25. Нерсесян В. С. Современное право: теория и методология. М., 2020.
26. Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996.
27. Нерсесянц В. С. Право и закон: из истории правовых учений. М., 1983.
28. Пилипенко А. А. Принципы финансового права России. М., 2013.
29. Плотников Д. А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование. М., 2022.
30. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации. М., 2019.
31. Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М., 2015.
32. Рыженков А. Я. Принципы семейного права. М., 2021.
33. Рыженков А. Я. Принципы экологического права. М., 2018.
34. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: методы познания, сущность и содержание. М., 2012.
35. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, №3. С. 547 – 571. doi: 10.22363/2313-2337-2020-24-3-547-571.

36. Смирнов Д. А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация. М., 2011.

37. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. №2 (25). С. 53–75.

38. *Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России* : в 12 т. М., 2020. Т. 1. Теоретико-методологические аспекты образования отраслей российского права.

39. Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М., 1999.

Об авторе

Вера Алексановна Илюхина — канд. юр. наук, доц., Академия ФСИН России, Рязань, Россия; Научный центр Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: eva3011@bk.ru

V. A. Iliukhina

SOME ALLOCATION ISSUES OF THE PRINCIPLES OF UNCODIFIED BRANCHES OF LAW

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia
Scientific center of Nizhny Novgorod Institute of Management — branch
of the RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia

Received 04 November 2022

Accepted 27 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-1

To cite this article: Iliukhina V. A. 2022, Some allocation issues of the principles of uncodified branches of law, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 5–15. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-1.

The principles of law are considered within the positivist legal understanding as the normatively fixed fundamental concept of each industry. The general legal principles enshrined in the Constitution of the Russian Federation are thought to directly apply both in codified and uncodified industries, regardless of whether they are duplicated in industry legislation or not. The article highlights a number of problems related to the allocation of the principles of uncodified branches of law. Firstly, it is rather unclear whether a particular legal entity is a specific branch of law or not. This is particularly difficult in the case of uncodified branches of law. Secondly, some of the criteria for recognising legal principles that are characteristic of codified branches of law do not work when identifying the principles of uncodified branches of law. Thirdly, sectoral principles in codified branches of law are enshrined only in the Constitution of the Russian Federation and/or sectoral codes. In uncodified branches the source of enshrining the principles of law is the Constitution of the Russian Federation and branch uncodified legislation that is a set of normative legal acts. In this situation the problem arises whether any normative legal act can enshrine the principles of the corresponding branch or only in some

basic act which replaces the codified act? Finally, if the author accepts the possibility of principles of law being enshrined in different normative acts, the problem arises of the hierarchy and correlation of principles from different normative acts. The article outlines the ways to solve these challenges.

Keywords: principles of law, branches of law, uncodified branches of law, principles of uncodified branches of law, general legal principles, positivist legal understanding

The author

Dr Vera A. Iliukhina, The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia; Scientific center of Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the RANEPА, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: eva3011@bk.ru

М. В. Назаров

О РОЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 07.11.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-2

16

Для цитирования: Назаров М. В. О роли результатов оперативно-розыскной деятельности в современном уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 16 – 23. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-2.

Статья посвящена анализу места и роли результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в современном уголовно-процессуальном праве. Соотнесены устойчивые в науке взгляды относительно использования в уголовно-процессуальном доказывании полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) материалов, а также существующие правоприменительные реалии. Выявлены несоответствия между теоретическими положениями и выдвигаемыми объективной действительностью требованиями к расширению практики использования возможностей оперативных подразделений органов дознания для целей уголовного судопроизводства. Цели исследования – установить причины скептического отношения ученых-процессуалистов к институту результатов ОРД, а также обосновать положения о ведущей роли суда и органов прокуратуры как независимых гарантов соблюдения прав человека и гражданина при осуществлении отдельных ОРМ. Методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, логический, сравнительно-правовой методы, наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений. Материалами исследования послужили доктринальные источники, а также отечественное законодательство. Выдвинуты концептуальные предложения по совершенствованию теории уголовного судопроизводства с целью ее рациональной актуализации, охарактеризованы возможные способы совершенствования Уголовно-процессуального кодекса России.

Ключевые слова: орган дознания, оперативные подразделения, результаты ОРД, перспективы использования результатов ОРД, предварительное расследование, доказательства

Об истоках

Уголовное судопроизводство как отрасль права, наука и практическая деятельность участников соответствующих общественных отношений никогда не существовала обособленно от иных юридических явлений. Речь идет как о смежных общественных отношениях, регули-

руемых такими нормативно-правовыми актами, как уголовное, оперативно-розыскное законодательство, так и о складывавшейся практике применения комплекса норм, реализуемых с целью противодействия преступности. Обращаясь к историческим аспектам получения сведений, служащих цели установления обстоятельств совершенного деяния, отметим издавна сложившуюся дихотомию «следственно-судебного» и «оперативно-розыскного». Начало тому положило появление в России «прообраза» кодифицированного источника уголовно-процессуальных отношений — Устава уголовного судопроизводства Российской империи [1]. С течением времени тенденция сохранялась. В начале XX столетия П. В. Макалинский утверждал: «Дознание состоит в словесных расспросах и в негласном наблюдении, но без производства обысков и выемок» [14, с. 31]. Очевиден акцент на соотношении поискового и непосредственно следственного. Однако окончательное закрепление в науке уголовного процесса взглядов, указывающих на субсидиарный характер сведений, которые получены в рамках производства оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), произошло в период активного развития «советской школы». Она и по сегодняшний день де-факто выступает ядром концептуальных положений большинства подотраслей и институтов. «Венцом» нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с расследованием, рассмотрением уголовных дел, стал УПК РСФСР 1960 г. [5], воплотивший результаты правоприменительной и законодательной практики уголовно-процессуальных законов 1922–1923 гг. [2; 3], а также принятых в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства СССР [4]. В рамках этого же исторического этапа прошло становление доктрины, сформулированной М. С. Строговичем, М. А. Чельцовым, Н. Н. Полянским, А. Я. Вышинским, С. А. Шейфером и рядом иных именитых ученых. Обобщить их содержательную сторону представляется возможным посредством цитирования последнего из них. С. А. Шейфер отмечал: «...данные оперативно-розыскного характера должны подкреплять, имеющиеся доказательства и, во всяком случае, не противоречить им, имея, таким образом, факультативное значение в установлении оснований проведения следственных действий» [17].

Изложенное свидетельствует о знаковом свойстве, которым научная среда наделила оперативно-розыскную деятельность (ОРД), рассматривая таковую через призму уголовно-процессуального права, — вспомогательный характер или, как указано выше, факультативное значение по отношению к следственным действиям.

Вторило тому и уголовно-процессуальное законодательство. УПК РСФСР 1960 г. в каждой из обновляемых редакций содержал скромный перечень норм, указывающих на возможность использования ОРД (розыскных мер) для целей расследования, рассмотрения уголовного дела. К ним относились ст. 118 (обязанность органов дознания), 119 (деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно), 127 (полномочия следователя), ч. 2 ст. 211 (полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия) [5].

Значимый вклад в развитие института использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве могли внести изменения и дополнения к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР [6], а также Рекомендации по применению средств видео-, звукозаписи, кино-, фотоаппаратуры, телефонной связи и использованию полученных результатов при раскрытии и расследовании преступлений [7]. Но «закат» советской государственности и, как следствие, кардинальная смена правового поля послужили тому, что правоприменение вышеуказанных нормативных источников, по сути, не сложилось. Отметим, что устоявшимся взглядам на вспомогательную роль ОРД во все исторические периоды способствовало то, что оперативно-розыскное право, а также практическая деятельность по выявлению преступлений (лиц, причастных к ним) сами по себе обладают некоторой имманентной скрытностью от лиц, в них непосредственно не вовлеченных. Само собой, к обозначенной категории относятся и ученые-процессуалисты. Этому положению благоприятствовало и то, что законодательного акта, регламентирующего ОРД, до 1992 г. не имелось, и она регулировалась исключительно ведомственными нормативными актами, к тому же имевшими гриф секретности [16]. Уголовный процесс с присущей ему публичностью также с осторожностью принимает результаты труда субъектов ОРД. Словом, триада, которую кратко можно выразить связкой *источник — субъект получения — процессуальный результат*, во все времена выступала ключевой при формировании теоретических положений, законодательной и правоприменительной практики.

О насущном

Переходя к актуальным вопросам, касающимся роли результатов ОРД в современном уголовном процессе, отметим, что УПК РФ допускает использование в ходе производства проверки по сообщению о преступлении и расследования по уголовному делу материалов, полученных оперативным путем. Впрочем, кодифицированный нормативно-правовой акт, как и все предшествующие ему, включает в себя немногочисленный перечень статей, регулирующих процедуру применения результатов ОРД. Ключевым правовым предписанием выступает статья 89 УПК РФ, предусматривающая следующее: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Интересна как лексическая, так и исключительно нормативная конструкция данной нормы. Двойное восприятие, содержащееся в словах «запрещается» и «не отвечают», воспринимается неоднозначно. И без того спорные вопросы, связанные с имплементацией в сферу уголовно-процессуальных правоотношений материалов, получаемых в рамках иной отрасли права, имеют размытое регулирование. Правоприменитель лишен императивных предписаний, касающихся порядка ввода и использования результатов ОРД. Буквальное толкование статьи 89 УПК РФ приводит к субъективно сформированному выводу о том, что при соблюдении требований, содержащихся в уголовно-процессуальном законе, результаты ОРД могут

использоваться в процессе доказывания. В качестве чего именно (самостоятельного вида доказательств, не включенного в перечень, предусмотренный ст. 74 УПК РФ, вещественных доказательств и т. д.) — закон не разъясняет. Остается за рамками непосредственного регулирования и вопрос использования результатов ОРД в качестве иного повода для возбуждения уголовного дела.

Вектор нормативно-правового регулирования процедуры предоставления и использования результатов ОРД в настоящее время, смещен к межведомственной Инструкции [8]. Согласно п. 4 рассматриваемый нами институт может: 1) служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; 2) быть использован для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ; 3) использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Имеет место довольно четкая и понятная правовая конструкция. Подчеркнем, что рассмотренные положения содержат большую степень конкретики и процессуальной значимости, нежели нормы самого УПК РФ. Впрочем, опосредованное влияние на уголовное судопроизводство оказывают нормы, закрепленные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Поставленные во главу угла конституционные принципы защиты прав и свобод человека, соблюдения тайны переписки (как и прочих средств коммуникации), неприкосновенности жилища и т. п. нашли прямое воплощение в порядке организации и производства ОРМ. Не вызывает сомнения, что наиболее перспективно-значимая информация документируется в ходе производства мероприятий, затрагивающих перечисленные общественные ценности. В соответствии со ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, осуществляются с разрешения суда, равно как и те, что затрагивают сведения, входящие в сферу банковской тайны [9]. Представители иного органа государственной власти рассматривают предоставляемые оперативными сотрудниками материалы, то есть реализуют функцию судебного контроля за ОРД.

Уникальное правовое явление свидетельствует о сформированном эффективном механизме соблюдения конституционных прав граждан. Как ни странно, это оказывает влияние на соблюдение процессуальной формы, законности, допустимости использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Другим существенным аспектом, также указывающим на объективность и законность получения сведений при производстве ОРМ, является тот факт, что ОРД входит в предмет прокурорского надзора [10]. Несмотря на закрытый характер делопроизводства оперативного характера, ответственные прокуроры, имеющие доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, осуществляют соответствующие проверки, по результатам которых возможно принятие актов реагирования. Впрочем, исключительно технические аспекты производства ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, состоят в обращении к использованию ресурсов хозяйствующих субъектов частной собственности, таких как операторы связи, интернет-про-

вайдеры, банковские организации, то есть незаинтересованные в привлечении к уголовной ответственности виновных лица. Нормативное регулирование их взаимодействия с правоохранительными органами осуществляется посредством Федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О связи», «О банках и банковской деятельности» [11–13], ряда подзаконных актов. Еще несколько десятилетий назад подобные аргументы не имели ничего общего с вопросами использования результатов ОРД в уголовном процессе. Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что к производству наиболее эффективных ОРМ, таких как «Снятие информации с технических каналов связи», «Наведение справок» и ряда других, привлечен широкий круг надзорно-контролирующих органов, не входящих в систему исполнительной власти, а их фактическая реализация («выкачка» сведений из серверного оборудования оператора связи, интернет-провайдера и т. д.) связана с трудовой деятельностью объективно не заинтересованных в исходе расследования лиц.

Все это бесосновательно остается за горизонтом внимания ученых-процессуалистов. На наш взгляд, сложились предпосылки к пересмотру значения института результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Имеются все основания к внесению в УПК РФ норм, детально регулирующих имплементацию и использование результатов ОРД, а также к признанию ОРМ, организованных и проведенных на основании судебного решения, в качестве самостоятельного вида доказательств. М. П. Поляков, являющийся одним из немногих современных ученых, действительно осознающих важность ОРД для уголовного процесса, отмечает, что без использования технологий получения информации о преступлении (и в первую очередь средств и методов оперативно-розыскной деятельности) уголовному судопроизводству сегодня не под силу противостоять напору преступности [15, с. 4].

О перспективах

Современные технические решения будут продолжать упрощать все процессы жизнедеятельности, в особенности связанные с коммуникацией, финансовым сектором. В связи с этим преступления против собственности, а также те, что могут совершаться бесконтактным способом, неминуемо ждет трансформация, упрощающая их совершение и усложняющая противодействие со стороны правоохранительных органов. Указанное во многом обусловлено остающимся на низком уровне взаимодействием между полицейскими, следственными структурами различных стран, плюрализмом организаций, предоставляющих услуги связи, в том числе «Сип», «Ай пи телефонии» (SIP, IP-телефонии), упрощающими процедурами по использованию банковских и смежных финансовых инструментов, некоторые из которых имеют надгосударственные масштабы. Именно ОРД как специфический вид деятельности, в том числе связанной с уголовным процессом, в первую очередь столкнется с новыми вызовами, а также с необходимостью выработки новых способов сбора процессуально-значимой информации. Таким образом, к числу перспектив использования результатов ОРД в уголовном

процессе, определяющих место и роль данного института, необходимо отнести дальнейшее расширение практики и форм осуществления ОРМ, которые связаны с истребованием информации, фиксируемой техническими средствами (серверным оборудованием, биллинговыми системами и т. д.), а также упрощение способов получения сведений из кредитно-финансовых организаций.

Материалы, получаемые в ходе осуществления описанных мероприятий и предоставленные в органы предварительного расследования, станут существенным подспорьем в изобличении виновных в совершении преступлений. С учетом того, что сегодня, как никогда ранее, уголовно-преследуемые лица осведомлены о том, какие именно доводы, изложенные в их показаниях, могут завести следствие в тупик, намечается тенденция к более широкому использованию объективно зафиксированных сведений, закладываемых в основу доказательств. Очевидно, что таковые могут быть получены только посредством ОРД.

Список литературы

1. *Устав* уголовного судопроизводства: на подлинном собственной его императорского величества рукой написано «Быть по сему» от 20.11.1864. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 01.11.2022).

2. *Об уголовно-процессуальном* кодексе : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР от 25.05.1922. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#RSvF0yS7hF6p7SW5> (дата обращения: 01.11.2022).

3. *Об утверждении* уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР от 15.02.1923. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#RSvF0yS7hF6p7SW5> (дата обращения: 01.11.2022).

4. *Об утверждении* Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон Союза Советских Социалистических Республик от 25.12.1958. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34470/30b3f8c55f65557c253227a65b908cc075ce114a/ (дата обращения: 01.11.2022).

5. *Уголовно-процессуальный* кодекс РСФСР: утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 01.11.2022).

6. *О внесении* изменений и дополнений в основы уголовного судопроизводства союза ССР и союзных республик : закон Союза Советских Социалистических Республик от 12.06.1990 №1556-1. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#RSvF0yS7hF6p7SW5> (дата обращения: 05.11.2022).

7. *Рекомендации* по применению средств видео-, звукозаписи, кинофотоаппаратуры, телефонной связи и использованию полученных результатов при раскрытии и расследовании преступлений. Согласованы и утверждены Министерством юстиции, Верховным судом, Прокуратурой, КГБ и МВД СССР от 27.07.1990 №1/2948.

8. *Об утверждении* Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России №776, Минобороны России №703, ФСБ России №509, ФСО России

№ 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (дата обращения: 05.11.2022).

9. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федер. закон № 144-ФЗ от 12.08.1995. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 10.11.2022).

10. *О прокуратуре Российской Федерации* : федер. закон № 2202-1 от 17.01.1992. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 05.11.2022).

11. *Об информации, информационных технологиях и о защите информации* : федер. закон № 149-ФЗ от 27.07.2006. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.11.2022).

12. *О связи* : федер. закон № 126-ФЗ от 07.07.2003. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 15.05.2021).

13. *О банках и банковской деятельности* : федер. закон № 395-1 от 02.12.1990. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 15.05.2022).

14. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб., 1901. Ч. 2, вып. 1.

15. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юр. наук. Н. Новгород, 2002.

16. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 3 (74). С. 29 – 36.

17. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. URL: <http://window.edu.ru/resource/907/46907/files/ssu34.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

Об авторе

Михаил Владимирович Назаров – Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия.

E-mail: mnazarov22@mvd.ru

M. V. Nazarov

ON THE ROLE OF THE RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN CONTEMPORARY CRIMINAL PROCEEDINGS

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia

Received 07 November 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-2

To cite this article: Nazarov M. V. 2022, On the role of the results of operational search activities in contemporary criminal proceedings, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 16 – 23. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-2.

The article is devoted to the analysis of the place and role of operational-investigative activities results (hereinafter – ORD) in modern criminal procedural law. The views established in science regarding the use of materials obtained in the course of conducting operational-search activities (hereinafter referred to as ORM), as well as existing law enforcement realities, correlate with the views established in science regarding the use in criminal procedural evidence obtained during the conduct of operational-search activities (hereinafter referred to as ORM). The article reveals the inconsistencies between the theoretical provisions and the requirements put forward by objective reality to expand the practice of using the capabilities of the operational units of the inquiry bodies for the purposes of criminal proceedings. The author aims to establish the reasons for the skeptical attitude of process scientists to the ORD results and substantiates the provisions on the leading role of the court, the prosecutor's office as independent guarantors of human rights and a citizen in the implementation of individual ORM. Methodologically, research relied on the dialectical method of scientific knowledge, logical, comparative legal methods, as well as observation and other particular methods of studying legal phenomena. The research used doctrinal sources, as well as domestic legislation as the sources of study material. Conceptual proposals were put forward to improve the theory of criminal justice, with the aim of its rational updating, as well as possible ways to improve the Criminal Procedure Code of Russia.

Keywords: body of inquiry, operational units, results of the ORD, prospects for using the results of the ORD, preliminary investigation, evidence

The author

Mikhail V. Nazarov, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: mnazarov22@mvd.ru

Н. В. Маткова

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.10.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-3

24

Для цитирования: Маткова Н. В. Тактико-психологические проблемы поддержания государственного обвинения в суде присяжных // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 24–32. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-3.

В статье показано, что знания из области психологии имеют большое значение для эффективного поддержания государственного обвинения в суде присяжных. Основные цели исследования – выявление и анализ существующих тактико-психологических проблем участия прокурора в судебном разбирательстве по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, и разработка предложений по их разрешению. В основу методологии исследования положен комплекс общенаучных и специальных методов. Установлены типовые способы незаконного воздействия стороны защиты на присяжных заседателей, отмечены важность учета государственным обвинителем конфессиональной и национальной характеристики региона, в котором проходит рассмотрение дела с участием присяжных, необходимость формирования унифицированных подходов при разграничении незаконного и допустимого воздействия на присяжных. Рассмотрены такие вопросы, как преодоление прокурором психологического воздействия адвоката-защитника на коллегию присяжных заседателей; влияние отдельных эмоций присяжных на итоговый вердикт по делу; определение характера воздействия отдельных доказательств и обстоятельств уголовного дела на присяжных заседателей; внешнее коммуникационное влияние на присяжных. Сделан вывод о необходимости разработки прикладных решений поддержания обвинения в суде присяжных на основе междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, психология, суд присяжных

Глубокая психологическая природа уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей предопределяет интерес к данной проблематике со стороны как практических работников, так и ученых-криминалистов. Результаты интервьюирования должностных лиц органов прокуратуры показали, что респонденты подчеркивают особое значение психологии для успешной реализации функции по поддержа-

нию государственного обвинения в суде присяжных, однако для многих из них остается неясным, как использовать достижения данной науки в своей деятельности.

Вопросы применения рекомендаций из области психологии процессуальными сторонами в суде присяжных получили масштабную разработку в США. В частности, распространена практика привлечения сторонами специалистов по психологии и социологии в рамках формирования коллегии присяжных заседателей для создания профиля желаемого присяжного, содействия в формулировании вопросов кандидатам в присяжные и анализа их ответов. Предложения о необходимости внедрения сходных механизмов для организационно-тактического обеспечения судопроизводства с участием присяжных также высказывались российскими учеными, однако не нашли поддержки среди практиков.

Отдельные психологические аспекты поддержания государственного обвинения в суде присяжных затрагивались и в отечественной науке в работах В.Н. Исаенко, В.В. Мельника, Н.Ю. Решетовой, Р.Р. Фатхуллина, В.В. Шестака и других авторов [1–6]. Особое место занимает монография О.А. Гулевич, которая тщательно изучила закономерности и проблемы функционирования суда присяжных как коммуникативного пространства и заложила основы для дальнейших разработок тактико-психологических аспектов участия процессуальных сторон в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей [18].

Среди вопросов, нашедших разрешение в исследованиях криминалистов, можно выделить следующие: основы формирования позитивного имиджа государственного обвинителя; способы установления психологического контакта прокурора с присяжными; возможности применения сведений о социально-демографических характеристиках потенциальных присяжных в процессе их отбора в коллегию; основы понимания и запоминания присяжными доказательственной информации; искусство речи прокурора в суде присяжных.

Высоко оценивая вклад отечественных ученых в разработку рассматриваемой проблематики, мы склонны согласиться с точкой зрения Н.А. Рагиновой, которая полагает, что «разработка психологических аспектов поддержания обвинения в суде присяжных пока далека от завершения» [7, с. 89]. К настоящему моменту существует целый ряд имеющих психологическую окраску проблем поддержания государственного обвинения в суде присяжных, которые требуют формирования прикладных решений со стороны криминалистов.

Одной из наиболее острых проблем является оказание психологического воздействия адвокатом-защитником на коллегии присяжных заседателей. Более того, полагаем, что целенаправленное психологическое воздействие на присяжных можно признать одной из типовых моделей поведения стороны защиты в рамках рассматриваемого вида судопроизводства. С нашей точки зрения, причиной ее появления стала предусмотренная УПК РФ возможность вынесения присяжными оправдательного вердикта ввиду непризнания подсудимого виновным при одновременном установлении наличия преступления и совершения его подсуди-

мым. При этом судьям представлены довольно широкие возможности для толкования допустимости психологического воздействия, что привело к отсутствию единообразия в судебной практике.

Анализ апелляционных и кассационных определений на итоговые решения по делам, рассмотренным судом присяжных, позволил установить отдельные типовые способы незаконного психологического воздействия стороны защиты на присяжных заседателей, среди которых: 1) обсуждение в присутствии присяжных процессуальных вопросов, ставящих по сомнению законность обвинительных доказательств, полученных на досудебной стадии; 2) заявление об оказанном на подсудимого давлении должностными лицами правоохранительных органов; 3) вербальная оценка доказательств до стадии прений; 4) сообщение о причастности к совершению общественно опасного деяния третьих лиц, не являющихся подсудимыми по соответствующему уголовному делу; 5) оглашение недопустимых доказательств или не исследованных в суде обстоятельств уголовного дела; 6) сообщение информации о личности подсудимого, свидетеля или потерпевшего, которая не содействует установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в присутствии присяжных; 7) заявление об ограничении стороны защиты права на представление доказательств; 8) словесная негативно-эмоциональная окраска предъявленного обвинения; 9) вступление стороны защиты в контакт с членами коллегии присяжных за пределами суда с целью оказания влияния на решение по делу.

Своевременная идентификация психологического влияния, принятие мер по его устранению прокурором призваны обеспечить беспристрастность и справедливость выносимого присяжными вердикта. В свою очередь, развитие унифицированных подходов для установления психологического воздействия на присяжных является основой эффективного преодоления прокурором оказываемого противодействия адвоката-защитника.

Устранение последствий незаконного психологического воздействия на присяжных заседателей возможно посредством принятия председательствующим достаточных и своевременных мер. Однако следует признать, что единообразие в понимании достаточности и своевременности таких мер у судей отсутствует.

В одном случае достаточными мерами признается выяснение председательствующим у присяжных заседателей сведений о наличии оказанного на них воздействия от определенной информации.

Так, в апелляционном представлении гособвинитель указывал, что в еженедельных газетах, а также в сети Интернет была распространена информация о ходе рассмотрения уголовного дела в отношении подсудимых В. и Г., в то время как гособвинитель ее не предоставлял и в судебное заседание журналисты не приглашались. Как следует из материалов дела, председательствующий выяснил у присяжных, оказывалось ли на них воздействие в период судебного процесса, читали ли они о нем публикации в газетах и Интернете. Получив от присяжных отрицательные ответы, при отсутствии доказательств оказанного на них воздействия председательствующий пришел к выводу о том, что коллегия в прежнем составе вправе продолжить совещание и вынести вердикт [8].

В другом случае достаточной мерой признано доведение председательствующим до присяжных запрета собирания сведений о деле за пределами судебного разбирательства, а также указание на необходимость вынесения вердикта исключительно на основе доказательств, исследование которых происходило с их участием.

Так, обжалуя приговор, постановленный на основе оправдательного вердикта в отношении М., сторона обвинения полагала, что сторона защиты незаконно воздействовала на коллегия присяжных заседателей через СМИ. Отказывая в удовлетворении апелляционного представления, суд указал, что, согласно протоколу судебного заседания, председательствующий разъяснил присяжным их права и обязанности, включая то, что они не вправе собирать сведения по уголовному делу вне судебного заседания; в напутственном слове председательствующий также пояснил, что ответы на вопросы должны быть даны присяжными заседателями лишь на основе доказательств, исследованных в судебном заседании, и они не должны принимать ко вниманию информацию об уголовном деле из иных источников. Сведения о том, что кем-либо из присяжных заседателей были нарушены возложенные на них обязанности, допущены действия или высказывания, позволяющие усомниться в их беспристрастности, материалы дела не содержат. Публикация в СМИ и сети Интернет данных о деле, а также сведения, сообщенные интервьюируемыми лицами, в том числе адвокатами, родственниками оправданного, не дают оснований говорить о необъективности присяжных заседателей при вынесении вердикта [9; 10].

В третьем случае запрет на собирание сведений о деле за пределами судебного разбирательства оказался недостаточной мерой для преодоления воздействия на коллегия присяжных при вынесении ими итогового вердикта.

Так, например, отменяя оправдательный приговор Б. и С., суд апелляционной инстанции указал, что в ходе всего судебного разбирательства сторона защиты через СМИ дискредитировала обвинение, в сеть Интернет выкладывалась информация, не подлежащая исследованию с участием присяжных. При этом сторона защиты, незаконно воздействуя на присяжных через СМИ, касалась вопросов допустимости доказательств, в негативном ключе представляла деятельность органов следствия и прокуратуры, суда, в искаженном виде освещала ход судебного заседания, публиковала сведения о подсудимых, способные вызвать жалость. За время рассмотрения уголовного дела в СМИ области, а также в социальных сетях размещено более 2 тыс. публикаций, освещавших ход судебного следствия. С учетом этого информация из публикаций не могла не дойти до сведения присяжных заседателей, что стало прямым и грубым воздействием на них. Председательствующий не выяснял у присяжных, ознакомился ли кто-либо из них с публикациями в СМИ и сети Интернет и не утратил ли объективность при рассмотрении дела [11].

Мы склонны поддержать позицию В. Г. Пичугина, который указывает, что эффективность практики устранения последствий психологического влияния на присяжных лишь разъяснениями о том, что они не вправе учитывать соответствующую информацию при вынесении вердикта, является весьма спорной [12].

Действительно, сам по себе запрет председательствующего на учет таких сведений при вынесении итогового вердикта не может ограничить влияние на итоговый вердикт чувств и эмоций присяжных, вызванных подобной информацией. Полагаем, что из этого вытекает проблема влияния отдельных эмоций присяжных на итоговый вердикт по делу.

Невозможно отрицать, что на протяжении всего судебного разбирательства присяжные испытывают определенные чувства и эмоции от получаемой информации (например, жалость, страх, злость, отвращение), в том числе от признанных допустимыми для исследования в присутствии присяжных доказательств. Однако остается неясным, какое воздействие данный фактор может оказывать на итоговое решение присяжных.

Так, повседневный опыт подсказывает, что наше настроение и эмоции могут влиять на то, как мы трактуем ответственность за плохие результаты. В частности, некоторые эмоции (например, гнев) обычно ассоциируются с большим чувством уверенности; другие (например, тревога) обычно ассоциируются с неопределенностью. Чем более уверенными себя чувствуют люди, тем менее склонны они систематически обрабатывать информацию, потому что они более уверены в том, что уже знают то, что им нужно знать для решения поставленной задачи. Неопределенность может сигнализировать присяжным о том, что им необходимо продолжать поиск информации и обрабатывать информацию более тщательно [13, р. 357].

В этой связи государственному обвинителю полезно понимание потенциального влияния эмоций на принятие решений присяжными. Так, уяснение взаимосвязи между эмоциями, познанием и суждением предоставляет возможность более целенаправленно регулировать процесс формирования внутреннего убеждения присяжных. Некоторые последствия определенных эмоций (например, уменьшение глубины обработки информации) с нормативной точки зрения менее желательны, чем другие, поэтому важно понимать возможный эффект от них. Вдобавок нежелательные эмоциональные воздействия могут поддаваться коррекции.

Для управления влиянием эмоций прокурору целесообразно понимать характер воздействия отдельных доказательств и обстоятельств уголовного дела на присяжных.

Так, например, с точки зрения психологии в суде присяжных большое значение имеют видеозаписи допроса подсудимого, а также проверки показаний на месте. Эти доказательства могут дать возможность представить особенности вербального и невербального поведения подсудимого в условиях, когда он еще не имеет своей целью вызвать сочувствие присяжных. Вне всяких сомнений, обычное оглашение в судебном заседании протокола соответствующего следственного действия не позволит обеспечить данный тактико-психологический прием.

Считаем, что прокурору при планировании представления доказательств в суде присяжных важно понимать, какую психологическую задачу решает каждое доказательство, какие эмоции у присяжных оно может вызвать и какие последствия это влечет. При этом психологические задачи должны ставиться с учетом категории рассматриваемого

преступления. Так, например, при рассмотрении с участием присяжных заседателей уголовных дел об убийствах государственному обвинителю важно акцентировать внимание на общественной опасности данного преступления против личности, умышленном характере действий подсудимого. В то же время по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, акцент существенно отличается и ставится на общественной опасности как самих наркотиков, так и незаконного их оборота.

Также в условиях развития информационных технологий и возросшей роли медиа в контексте оказания психологического воздействия на присяжных приобрела актуальность проблема внешнего коммуникационного влияния на присяжных во время судебного разбирательства.

Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом присяжных, не осуществляется в вакууме, поэтому воздействие на их выводы и суждения об обстоятельствах уголовного дела может происходить вне рамок судебных заседаний [14; 15]. Его источники могут быть различны: обсуждения в социальных сетях и на телевидении, интервью и комментарии участников уголовного процесса, их родственников, различного рода акции в поддержку обвиняемых, анонимное распространение информации об обстоятельствах уголовного дела, в том числе недостоверной. Не исключен также целенаправленный поиск присяжными информации об обстоятельствах уголовного дела.

Результаты исследования, проведенного И. С. Федотовым показали, что нередки случаи, когда лица, привлекаемые в качестве обвиняемых, их близкие или адвокаты через оплачиваемые или продвигаемые ими ресурсы умышленно создают негативное общественное мнение по уголовному делу для оказания влияния на промежуточные или итоговые решения суда [16, с. 61].

Наряду с этим психологи считают, что случайные эмоции, то есть вызванные информацией о деле, полученной присяжным за пределами зала суда, могут напрямую влиять на его окончательные суждения по делу, поскольку нередки случаи, когда человек приписывает свои эмоции объекту оценки, а не их истинному источнику [17, р. 27]. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, также должно подлежать обязательному учету со стороны прокурора при поддержании государственного обвинения в суде присяжных.

Кроме того, Российская Федерация является многонациональным и многоконфессиональным государством. Каждой национальности и конфессии присущи определенные особенности. Они лежат в основе понимания их носителями вопросов о справедливости, авторитете, выборе. В нашей стране существуют регионы с ярко выраженной рассматриваемой спецификой (например, Чеченская Республика, Республика Татарстан). В связи с этим встает вопрос о значении для поддержания государственного обвинения конфессиональной и национальной характеристики региона, в котором рассматривается дело с участием присяжных. Данный вопрос лежит в области этнопсихологии и этнографии. Через призму этих наук рассматривались вопросы криминалистического обеспечения предварительного расследования (в первую очередь, тактика допроса). Однако институт суда присяжных в данном направлении еще не исследовался.

Таким образом, следует констатировать существование общепризнанной важности психологических знаний для эффективного поддержания государственного обвинения в суде присяжных. Между тем, несмотря на интерес как ученых, так и практиков к данной теме, остается ряд проблем, которые нуждаются в разработке прикладных решений. При этом залогом их эффективности должен стать междисциплинарный подход, который позволит сформулировать адаптированные для понимания и использования практических работников органов прокуратуры психологические рекомендации.

Список литературы

1. *Исаенко В.Н.* Тактико-психологические аспекты представления прокурором доказательств в суде с участием присяжных заседателей // *Криминалист*. 2018. №2 (23). С. 18 – 22.
2. *Мельник В.В.* Искусство речи в суде присяжных. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
3. *Решетова Н.Ю.* Психологические аспекты поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей // *Психологические особенности участников уголовного процесса : сб. науч. тр. Круглого стола, Москва, 01 – 30 ноября 2017 года.* М., 2018. С. 61 – 73.
4. *Фатхуллин Р.Р.* Роль психологии при осуществлении правосудия с участием присяжных заседателей // *Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : матер. III Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 28 февраля 2019 года.* Казань, 2019. С. 98 – 102.
5. *Шестак В.А.* Психологические особенности взаимодействия сторон уголовного процесса с присяжными заседателями // *Мировой судья.* 2019. №8. С. 16 – 20.
6. *Волчецкая Т.С., Авакьян М.В.* Криминалистическая модульная методика расследования и поддержания государственного обвинения в суде (по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью). М., 2019.
7. *Рапинова Н.А.* Психологические особенности деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде с участием коллегии присяжных заседателей // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.* 2015. №5 (49). С. 89 – 95.
8. *Апелляционное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2019 №20-АПУ19-11сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Апелляционное* определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 28.01.2021 по делу №55-16/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2021 №66-УД21-7сп-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Апелляционное* определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 по делу №55-550/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. *Пичугин В.Г.* Проблема психологического влияния на присяжных заседателей // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования.* 2019. №1. С. 159 – 162.

13. *Estrada-Reynolds V., Schweitzer K. A., Nunez N.* Emotions in the Courtroom: How Sadness, Fear, Anger, and Disgust Affect Jurors' Decisions // *Wyoming Law Review*. 2016. Vol. 16, №2. P. 343–358.

14. *Ryan N., Westera N.* The effect of expert witness testimony and complainant cognitive statements on mock jurors' perceptions of rape trial testimony // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2018. №25. P. 1–13.

15. *Worley J.* The Importance of Trial Ambiguity: Understanding the Influence of Pretrial Publicity on Jurors' Decisions and Emotions. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/254709453_The_Importance_of_Trial_Ambiguity_Understanding_the_Influence_of_Pretrial_Publicity_on_Jurors'_Decisions_and_Emotions (дата обращения: 03.11.2022).

16. *Федотов И. С.* Формирование негативного общественного мнения по делу для оказания влияния на решение суда // *Российская юстиция*. 2020. №6. С. 61–62.

17. *Feigenson N.* Jurors' Emotions and Judgments of Legal Responsibility and Blame: What Does the Experimental Research Tell Us? // *Emotion Review*. 2015. №8. P. 26–31.

18. *Гулевич О. А.* Психология в суде присяжных. Псков, 2011.

Об авторе

Наталья Вячеславовна Маткова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: natalyamatkova@bk.ru

N. V. Matkova

TACTICAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF MAINTAINING PUBLIC PROSECUTION IN JURY TRIAL

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 06 October 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-3

To cite this article: Matkova N.V. 2022, Tactical and psychological problems of maintaining public prosecution in jury trial, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 24–32. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-3.

The article states that psychological knowledge is important for effectively exercising state prosecution in a jury trial. The main purpose of the research is to establish and analyze existing tactical and psychological issues of prosecutor's participation in court proceedings in criminal cases with the participation of jurors and to develop proposals for their solution. The set of general scientific and special methods is the background of the methodology of research. The article identifies common strategies the defense can illegally influence jurors and emphasizes the importance for the state prosecutor to consider the confessional and national characteristics of the region where the case is being considered. It also looks into the necessity to develop a unified

approach to delimitation of illegal and acceptable influence on jurors. The article considers the challenges of overcoming psychological influence of the attorney for the defense on the jury; the influence of certain emotions of the jury on the final verdict in the case; determines the character of certain evidence and circumstances of the criminal case upon the jury; establishes the degree of external communication influence on the jury. The conclusion is made about the necessity of developing applied solutions of supporting the prosecution in the court of jury on the basis of interdisciplinary approach.

Keywords: public prosecutor, prosecutor, jury trial, psychology

The author

Natalya V. Matkova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: natalyamatkova@bk.ru

УДК 94(44)

Н. П. Таньшина

**ОБРАЗ РОССИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНЬЮНКТУРЫ, ИЛИ МЕТАМОРФОЗЫ АББАТА ПРАДТА**

Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 29.09.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4

33

Для цитирования: *Таньшина Н. П.* Образ России как следствие политической конъюнктуры, или Метаморфозы аббата Прадта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 33 – 45. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4.

Статья, написанная в рамках имагологического подхода, посвящена реконструкции образа России во Франции в годы Реставрации на основе анализа взглядов известного французского дипломата и политика аббата Д. де Прадта (1759 – 1837). На примере публицистических работ аббата Прадта выявляется корреляция между образом России во Франции и текущей политической конъюнктурой. В статье делается вывод о русофобии как механизме решения собственных французских задач. Также показано, что созданный на Западе образ России, с одной стороны, был очень устойчивым, основанным на укоренившихся стереотипах восприятия, а с другой – зависел от политической конъюнктуры, что наглядно проявилось в идейном наследии аббата Прадта. Созданный аббатом Прадтом образ России оказался очень эластичным, подвижным, зависимым от политической ситуации. Никогда не испытывавший симпатий к России и создававший откровенно антирусские памфлеты, рациональный Прадт в моменты, когда Франция искала союзника и видела такового в России, менял свою позицию на диаметрально противоположную. В то же время неизменной чертой его сочинений оставалась характерная для постнаполеоновской Франции оптика превосходства и взгляд на Россию как на колосса на глиняных ногах.

Ключевые слова: аббат Прадт, имагология, образы России, русофобия, «русская угроза», «русский экспансионизм», стереотипы взаимного восприятия, Франция

Введение

Созданный на Западе образ России очень устойчив, а стереотипы и мифы восприятия в сознании европейцев формировались еще во времена «открытия» Московии ренессансными путешественниками на рубе-

же XV—XVI вв. Стереотипы, как известно, меняются крайне медленно¹. Однако такой, в целом неизменный, взгляд на «вечную Россию» зависел в конкретные исторические моменты от политической конъюнктуры, поэтому был и остается политически ангажированным. Два фактора являются определяющими в его формировании: мнение, формируемое страной о себе самой, и национальные представления относительно того, может ли иностранное государство оказать ожидаемые от него услуги или же оно вызывает опасения [11, р. 11].

При этом процесс мифологизации и стереотипизации любой чужой реальности, как и своей собственной, естествен и неизбежен. Но в отношении России этот процесс был усилен в глазах европейцев ее размерами, экзотичностью и удаленностью [7, с. 39].

Дуализм в восприятии России проявляется в двух главных мифах: с одной стороны, это «русский мираж»², то есть идеализированное представление о России и ее правителях, с другой — миф о «русской угрозе». Оба мифа начали активно развиваться в эпоху Просвещения. Причем они могли как последовательно сменять друг друга (в зависимости от конъюнктуры), так и сосуществовать, поскольку как в самом европейском обществе, так и в каждой конкретной стране наблюдался полный спектр взглядов на Россию. В глазах одних Россия представлялась как надежда рода человеческого, для других она выступала воплощением зла; одни развивали тему «русского миража», другие — «русской угрозы»; одни видели в России союзника, другие — грозного и непримиримого врага. Но в целом тот или иной образ России был необходим для решения своих внутренних проблем, поэтому в зависимости от ситуации этот образ мог весьма быстро корректироваться. Пример такой трансформации предоставляет творчество виртуоза политического «переобувания на ходу», если выражаться неакадемичной терминологией, аббата Прадта, духовника Наполеона Бонапарта.

Цель и методология исследования

Исходя из этого цель статьи, написанной в рамках методологии междисциплинарного синтеза с опорой на историко-антропологический и имагологический подходы, заключается в выявлении корреляции между образом России в Европе и текущей политической конъюнктурой на примере анализа творчества аббата Доминика Жоржа Фредерика де Прадта (1759—1837). Этнические стереотипы в рамках статьи рассматриваются в соответствии с концепцией У. Липпмана, согласно которой под стереотипом понимается принятый в исторической общности об-

¹ В научной литературе стереотип рассматривается как упрощенное представление о *Другом*. К основным характеристикам стереотипа французский историк Р. Франк относит воспроизведение стереотипа во времени и пространстве; социальный характер стереотипа, который создается не отдельной личностью, но обществом в целом; наличие в стереотипах оценочной составляющей, осуждения или одобрения. См.: [3, с. 12].

² Выражение «русский мираж» ввел французский исследователь Альбер Лортолари в 1951 г. применительно к восприятию России французскими просветителями во второй половине XVIII в.

разец восприятия и интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте, эмоционально окрашенный, упрощающий реальность и зачастую воспринимаемый как сама реальность. Под русофобией в статье понимается целостная идеология, сформировавшаяся в XIX в., основанная на архетипических иррациональных страхах перед Россией и в то же время являющаяся рациональной технологией конкурентной борьбы с Россией и средством решения собственных национальных проблем.

Аббат Прадт, постнаполеоновская Франция и страхи перед «русской угрозой»

35

Аббат Прадт был влиятельным политиком, дипломатом и очень плодовитым автором, легко менявшим свое мнение в зависимости от политической конъюнктуры. На примере его работ можно сделать весьма важный вывод о том, что для многих европейских авторов негативный взгляд на Россию — это не веление души и зов сердца, а сугубо рациональный прием, способ решения собственных внутренних проблем. Тем более, Прадт был в этом отношении очень эластичным, или беспринципным, и имел за плечами опыт, по сути, предательства Наполеона Бонапарта, чьим духовником он был. Наполеон последовательно сделал его епископом Пуатье, архиепископом Малинским, посланником в Великом герцогстве Варшавском (где Прадт провалил возложенную на него миссию). В самом начале режима Реставрации Прадт «отблагодарил» Наполеона в очень жестком памфлете, потому что клеймить поверженного императора было тогда очень выгодным делом.

По окончании Наполеоновских войн позиции России в Европе существенно окрепли. Россия внесла решающий вклад не только в разгром наполеоновской Франции, но и в сохранение Франции как великой державы, а также в формирование Венской системы международных отношений. Русские войска триумфально вступили в Париж. Россия получила Финляндию, Бессарабию, значительную часть бывшего Великого герцогства Варшавского. Как отмечал американский исследователь Мартин Малиа, это привело к тому, что чаша российского могущества, и без того изобильно наполненная Петром и Екатериной, была близка к переполнению. Теперь именно Россия, а не Франция, как это было прежде, заняла традиционную позицию доминирующей, и, следовательно, потенциально самой агрессивной державы на континенте [14, p. 89].

Соответственно, тема «русской угрозы», в свое время актуализированная наполеоновской пропагандой, вновь стала очень востребованной. И если в правящих кругах Франции шли дискуссии о дальнейшем внешнеполитическом курсе в рамках ненавистной большинству французов Венской системы, то общественное мнение было настроено антирусски. Причем штампы и клише восприятия уже были отработаны, и читающая публика ожидала, видела и воспринимала узнаваемый и привычный образ России. Поэтому работ о России было написано много, но они были очень похожими, как, например, сочинения Альфонса Рабба [19], Ниелона Жильбера [12] или Ж. Обернона [10].

Авторы используют одни и те же приемы, отличаясь лишь степенью художественного мастерства. Как справедливо отметил бельгийский исследователь К. Абстадо, «мифы не являются правдивыми или ложными, они эффективны», а исторические факты в произведениях подчинены стремлению автора создать персонажей, которые были бы правдоподобны, то есть отвечали бы стереотипным представлениям читателей [9; цит. по: 7, с. 38—40]. Тем более что авторы, писавшие о России, были уверены: читатели не отправятся в далекую страну, чтобы проверить степень достоверности прочитанного [7, с. 39]. Но именно работы аббата Прадта важны тем, что они особо выделяются его оппортунизмом или конъюнктурными метаморфозами, зависевшими от представлений о том, какова должна быть внешняя политика Франции.

Союз с Пруссией как способ борьбы с «монструозным» расширением России

Речь шла о системе союзов, которые выбирала Франция. Для Прадта таким союзником в те годы представлялась Пруссия. Находясь в оппозиции к режиму Реставрации, с 1823 г. он выступал против монструозного, по его словам, расширения России, считая, что необходимо заключить союз с Пруссией, дабы поставить заслон российскому могуществу.

В апреле 1823 г. он опубликовал книгу «Параллель между английским и русским могуществом в Европе». В мае следующего года вышло второе издание книги, в 1828 г. — третье [16], что говорит о Прадте, как об успешном авторе. Как отмечал американский исследователь Р. Макнелли, эта работа способствовала нагнетанию антирусских настроений во французском обществе [15, р. 182]. В ней автор развивает самые популярные антирусские стереотипы, поднимая прежде всего тему русского экспансионизма, которым Россия живет якобы со времен Петра Великого. А мы знаем, что к этому времени фальсификация, связанная с так называемым «Завещанием Петра Великого» была хорошо известна: в 1797 г. появился текст польского генерала-эмигранта Михаила Сокольниковского, а в октябре 1812 г. по заказу Наполеона вышла книга историка и сотрудника министерства иностранных дел Шарля-Луи Лезюра, содержащая резюме «плана Петра» [13]. Прадт в этой работе воспроизводит традиционные мифы о России. Россия — страна деспотичная и азиатская, мощная сила, враждебная всем либеральным идеям Европы [16, р. 169]. А для либералов всех мастей Россия в это время начинает восприниматься как оплот не просто консервативных ценностей, а самодержавия и реакции, тем более что у императора Александра I либеральный запал к тому времени давно иссяк.

Как справедливо отмечал Р. Макнелли, все, что было непонятным в России французским авторам, просто объявлялось «азиатским», поэтому она воспринималась как наследница орд Чингисхана [15, р. 188], и такой взгляд на нашу страну сформировался еще во времена Московии, а потом был продолжен частью французских просветителей, прежде всего Ж.-Ж. Руссо. Прадт развивает идеи Руссо об азиатской сущности России и призывает Европу объединиться перед лицом «русской угро-

зы» [16, р. 159–160]. Эта книга стала одной из самых известных работ, написанных о России на тот момент [15, р. 183], а тема создания европейской федерации против России далее также приобретет большую популярность.

Эти же идеи Прадт поддерживает и в новой работе, увидевшей свет в 1828 г. под названием «Неизменная система Европы по отношению к России». Здесь он повторяет тезис, озвученный им пятью годами ранее: русскому нашествию необходимо противопоставить коалицию европейских держав, а заодно и разрушить ненавистную Франции Венскую систему. Как видим, русский вопрос используется как средство решения собственных национальных проблем.

На вторую половину 1820-х гг. пришлось очередное обострение Восточного вопроса: национально-освободительная революция в Греции, Русско-персидская и Русско-турецкая войны. Эти события актуализировали традиционные страхи, четко сформулированные в фальшивом «Завещании Петра Великого»: будто бы Россия стремилась подчинить Константинополь, чтобы оттуда идти на завоевание Европы.

Следуя законам жанра, в предисловии книги Прадт пугает читателя «русской угрозой», подчеркивая, что «в данный момент русская мощь направлена на Османскую империю, но только для того, чтобы потом с новой силой обрушиться на Европу». Поэтому «настал момент, чтобы указать этому колоссу его истинное место» и найти средства противодействия русской угрозе. Прадт подчеркивает, что «Венская система закрепила доминирование России и Великобритании, при этом Россия гораздо более опасна» [18, р. VII]. Между тем все в Европе Россию боятся, поэтому относятся к ней подобострастно. И это доминирование России, по мнению Прадта, «опасно для европейских общественных свобод, которые уже и так являются лишь пустым словом» [18, р. VIII–IX]. То есть Россия опасна для самой главной ценности западного общества — свободы. Это обвинение станет важнейшим в последующей европейской мысли — вспомним маркиза Астольфа де Кюстина, написавшего в заключении своей книги о том, что «человек, по закону природы своей, не может быть счастлив без свободы» [6, с. 447].

Нагнетая страх, Прадт убеждает читателя, что «Россия наложила свое тяжкое бремя на всю Западную Европу. Она одна занимает европейскую сцену, все остальное, как в театре, это партер» [18, р. XV–XVI]. Конечно, его беспокоят размеры российского государства, и он ставит логичный вопрос: где начинается Россия? А ответ дает потрясающий: от Великой китайской стены! «И где она заканчивается? В 50 лье от Вены и Берлина! На что опирается Россия? На севере — на полюс, на юге — на Черное и Каспийское моря» [18, р. 6].

При этом Россия гораздо могущественнее Римской империи: «Рим имел подданных, а Россия имеет русских, детей русской почвы, привязанных к ней по своей природе, тогда как подданные Рима были привязаны силой. Русские связаны между собой общностью происхождения и нравов, языка и законов, тогда как народы, населявшие Римскую империю, не имели никаких связей между собой. Соединение этих элементов дало России огромную силу, которую она сможет использовать против

Европы» [18, р. 9]. И вот теперь Россия «стоит у ворот Берлина и Вены, и никакое серьезное препятствие не отделяет ее от этих двух столиц государств, которые одни могут оказать ей какое-то сопротивление» [18, р. 11].

Как видим, Прадт рисует просто апокалиптическую картину: русские семимильными шагами наступают на Европу и, если Европа не объединится, ее просто не останется, будет только Россия (а это опять-таки основной тезис «Завещания Петра Великого» — идея мирового господства России).

Представляется, что речь идет о хорошо просчитанном и рациональном «страхе фантазии», о котором пишет американский исследователь Ларри Вульф [1, с. 20]. Что это, как не фантомные боли Франции, утратившей свое лидирующее положение в Европе и не желающей с этим смириться? Эти страхи являются изобретением бурной фантазии Прадта с опорой на коллективные мифы и фобии. Но с помощью книг и особенно прессы эти страхи внедрялись в сознание, заражая обывателей и действуя как мощный идеологический вирус.

При этом, что характерно, в конце 1820-х гг. намечилось франко-русское сближение, и в 1829 г. возник так и не реализованный план главы правительства князя Жюль де Полиньяка, согласно которому предполагалось совместными усилиями произвести перекройку карты Европы: Россия бы укрепила свои позиции в Константинополе, а Франция расширила свои территории в Европе. Однако общественное мнение оставалось антирусским.

«Восточный вопрос во всеобщем и частном аспектах»

После Июльской революции 1830 г. и особенно после подавления Россией польского восстания 1830—1831 гг. образ России в Европе в целом был очень негативным. Однако в самой Франции единодушия не было. Французы, ненавидевшие Венскую систему и воспринимавшие ее как унижительную, пытались избавиться от навязанных порядков с помощью союзников, и в качестве таковых видели кто Великобританию, кто Пруссию, кто Россию. В годы Июльской монархии, когда король Луи-Филипп делал ставку на сердечное согласие с Великобританией, многие французы не разделяли такого подхода, испытывая застарелую неприязнь к англичанам. Да и само «сердечное согласие» давало постоянные сбои в силу острых противоречий и конкурентной борьбы между Францией и Великобританией. Поэтому в условиях кризиса англо-французского «сердечного согласия» Франция искала союзников и обратила свой взор на Россию. В то время появился целый ряд работ, в которых пропагандировалась идея сближения с Россией, и автором одной из них стал неугомонный аббат Прадт. В 1836 г. он опубликовал работу «Восточный вопрос во всеобщем и частном аспектах». Несколько лет назад жестко клеймивший Россию, теперь Прадт выступает за союз с ней. Сколь ужасной он рисовал Россию в 1828 г., сколь ярым ее врагом он был тогда, столь же страстным ее защитником он стал восемь лет спустя.

Если раньше Прадт запугивал читателя «русской угрозой», то теперь он призывает снизить накал страстей во французском обществе

в отношении России. При этом он отмечает во введении, что пишет только правду (до этого, критикуя Россию, Прадт, безусловно, тоже был предельно честным). Он честно сообщает читателю, что почти вся европейская пресса, будь то английская, будь то французская, очень несправедлива по отношению к императору Николаю, которого в Европе буквально ненавидят, потому что завидуют. Он отмечает, что можно было бы оправдать такое отношение к России, если бы она демонстрировала амбициозное поведение, но ведь этого вовсе нет. В результате, подчеркивает Прадт, пятьдесят лет Европа пребывала в состоянии лжи, и чтобы из него выйти, надо вернуться к правде, и Прадт эту правду читателю и сообщает. Другое дело, что у него всякий раз новая правда — в зависимости от обстоятельств.

При этом Прадт вовсе не возлюбил Россию. Он лишь полагает, что Европа преувеличивает степень «русской угрозы», а на самом деле Россия не является столь грозной и могучей, как это может показаться на первый взгляд. Более того, он защищает политику России по всем направлениям. Он оправдывает ее политику в Польше, более того — обосновывает притязания России на Польшу, подчеркивая, что требования России были справедливыми, а Польша благодаря России получила конституцию [17, р. 122—123]. Прадт подчеркивает, что Франция симпатизирует Польше, поэтому долгое время было невозможно говорить о Польше объективно, а защита Польши стала своеобразным комплексом левых политиков. Действительно, Европу, особенно Францию, тогда охватили полонофильские настроения, и любовь к полякам и «мученице-Польше» имела своей обратной стороной ненависть к России. Для Прадта же (в этом тексте) Россия — естественная защитница Польши, более того — ее настоящий ангел-хранитель.

Он оправдывает даже подавление польского восстания 1830—1831 гг. и речь императора Николая, произнесенную 5 октября 1835 г. в Варшаве и вызвавшую бурю возмущения в Европе¹. По словам Прадта, Европа буквально предала императора Николая анафеме. Приводя на страницах своей книги полный текст речи, он подчеркивает, что поляки подняли восстание безо всякой причины, низложили власть императора, вынудили брата императора великого князя Константина бежать и убили русских военных, ставших жертвами собственной верности [17, р. 130—132]. Поэтому, задается вопросом Прадт, «как после этого должен был действовать и что должен был говорить Николай? Неужели он должен был чувствовать и говорить, как лондонский или парижский журналист, как член европейских клубов и участник европейских банкетов?» [17, р. 134].

Также Прадт не видит для Европы никакой угрозы в Ункяр-Искелесийском договоре, значительно усиливавшем позиции России в зоне

¹ Выступая перед депутацией польских горожан, император заявил: «Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной, национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою ее снова» [4, с. 215].

Проливов¹. По его словам, российский император лишь пришел на помощь султану, после того как другие державы эту просьбу проигнорировали (что, собственно, и было на самом деле). Россия пошла на этот шаг из соображений рациональности и предусмотрительности, в целях сохранения слабой Турции вместо другого сильного соседа. Кроме того, Прадт успокаивает читателей: договор не закрывал Черное море для прохода торговых судов, а запрет касался лишь военных судов [17, р. 126 – 127]. Цель же договора, по его словам, заключалась «лишь в пацификации Черного моря, поэтому Европа должна не протестовать, а радоваться этому договору» [17, р. 129]. Да и завоевывать Константинополь Россия вовсе не собирается.

Прадт упрекает европейцев в короткой памяти и подчеркивает, что Европа забыла, чем она обязана России, освободившей Европу от диктатора Наполеона, бывшей великодушной по отношению к Франции после поражения последней и противившейся расчленению Франции после Ватерлоо. Именно Александру Европа обязана восстановлением европейских тронов на основе принципа легитимизма. Императору Александру, этому «Агамемнону Европы», она обязана своим будущим.

Очень мудрые слова, жаль только, что сам Прадт продемонстрировал очень короткую память, и в искренность его суждений верить не приходится.

Но на страницах этого произведения Россия для Прадта – страна рациональная. Исходя из принципа рационализма, она прекратила свой рост, поскольку «уже имеющиеся завоевания не позволяют ей делать новые» [17, р. 118].

Как видим, Прадт очень прагматичен как в своих страхах перед Россией, так и в ее защите. Неприязнь к России, как и ее оправдание глубоко просчитаны и рациональны, это лишь механизм внутриаполитической борьбы, попытка формирования идеологии, в которой Россия используется как козырная карта.

Работа Прадта важна еще и тем, что в ней автор выходит на проблему формирования образа *Другого* и образа России, в частности. Он отмечает, что Европу захлестнула политическая ненависть в отношении России, однако подчеркивает, что аналогичные чувства наблюдаются и в отношении Англии, Германии, Священного союза, то есть объектов ненависти было много. Тем более, подчеркивает Прадт, все это относится к пропаганде левых сил, признающих легитимными только правительства, произошедшие от народа, в результате только бунтов и потрясений. Поэтому Англию уже двадцать лет именуют «мрачным Альбионом», «коварной Англией», англичан – «меркантильным народом», правительство – «макиавеллевским» [17, р. 59]. Характерно, что ведь и в России Англию в это время называли «мрачным Альбионом», англичан – «нацией лавочников», не говоря уже о хрестоматийном «англичанка гадит». То есть Прадт в данном случае рассуждает весьма

¹ Во Франции и Великобритании возникли серьезные опасения, что Россия станет хозяйкой Проливов, и эти две страны, сами имевшие серьезные противоречия на Востоке, заявили протесты против действий России. См. об этом: [8, с. 215 – 219].

здорово, как исследователь, о страхах и неприязни, проявляемых одними нациями в отношении других. В других же случаях он выступает как типичный пропагандист, воздействуя на чувства, а не на разум.

Действительно, объектов приложения страхов было много, но именно Россия была традиционным европейским пугалом, она пугала стабильно, а не время от времени. Хотя если с ней было выгодно сблизиться, то этот страх отступал или аккуратно убирался в кладовую европейских идеологий, поскольку это был не реальный страх, а страх сконструированный, придуманный, воображаемый, рабочий инструмент, который можно использовать. Так, отмечал Прадт, одна из французских газет избрала объектом своей ненависти Англию, считая, что все вселенское зло приходит оттуда. Другие обрушивают свою ненависть на Россию. Причем, по его мнению, именно англичане ненавидят Россию больше всех. Но и во Франции, продолжает Прадт, наблюдается та же враждебность по отношению к России. Нас, впрочем, интересуют прежде всего выделяемые Прадтом причины этой ненависти, и они вполне корректны и опять-таки вполне соотносятся с современными трактовками. Ненависть к России Прадт объясняет в первую очередь поражением наполеоновской Франции и утратой ею лидерства на континенте, когда первое место заняла Россия¹. Кроме того, продолжает Прадт, французы никогда не простят Русскую кампанию, не простят русским того, что именно в России «разбился скипетр, занесенный Францией над всей Европой» (и здесь мы можем вспомнить про Березину — слово, ставшее синонимом национального унижения). Хотя, замечает Прадт, «если эта боль справедлива, то обида на Россию — вовсе нет, поскольку Россия не звала Великую армию ни в свои пустыни, ни под свое ледяное небо» [17, р. 60–61]. «Пустыни», «пустыни Севера» — это тоже один из непреходящих образов России и штамп из «Завещания Петра Великого».

Прадт даже отмечает, что, по словам некоторых публицистов, «варвары Севера дважды пришли в Париж, столицу цивилизации». «Однако кто их туда привел? — задается он вопросом. — Разве они туда пришли сами по себе?» [17, р. 62]. А мы помним, что в 1828 г. Прадт сам пугал своих соотечественников новыми варварами, стоявшими в 50 лье от Вены и Берлина, но теперь он все это, видимо, забыл.

Однако главная задача Прадта заключается в том, чтобы не просто успокоить читателя относительно завоевательных амбиций России, но доказать, что Россия является только внешне могущественной, а в реальности ее потенциал гораздо слабее, и все в России лишь видимость — каждое ее, казалось бы, преимущество, имеет свою обратную сторону. Несмотря на огромные территории, в России много необрабатываемых земель с редким населением и отсутствием средств сообщения [17, р. 67]. Если климат России защищает ее от внешних угроз, то он препятствует ее внешней агрессии, ограничивая ее действия лишь пя-

¹ Как отмечает современный отечественный исследователь А. Р. Ощепков, своеобразной компенсаторной реакцией постнаполеоновской Франции на утрату ее позиций в Европе был «комплекс превосходства» и оптика превосходства, через которую Франция смотрела на Россию [5, с. 8].

тью месяцами в году. «Русской зимы хватило для того, чтобы победить человека, победившего мир», — пишет он. Несмотря на значительную численность населения России, население Европы его превышает, и оно растет более быстрыми темпами [17, р. 68]. 700-тысячная русская армия сильна только на словах, потому что она рассредоточена, а русский солдат, легко выживающий на своей собственной земле, во Франции умрет с голода. Аналогичная ситуация с флотом: флоты на Балтике и Черном море слишком отдалены друг от друга для того, чтобы эффективно взаимодействовать. У России нет колоний, нет внешней торговли, ее приморское население немногочисленно и мало связано с морем [17, р. 69–72]. То же самое и с финансами: их достаточно для внутренних нужд, но не хватает для внешнего действия. Поэтому Россию, отмечает Прадт, сравнивают со скованным гигантом: «если ему выколоть глаза, его будет легко опутать цепями» [17, р. 74] (вероятно, Прадт вспоминает книгу Даниэля Дефо, вышедшую в 1726 г., и обыгрывает план лилипутов в отношении Гулливера).

Поэтому Европе нечего опасаться России: если на востоке Европы доминирует Россия, то на западе Европы — вовсе нет, и по всем критериям Запад превосходит русский Восток: «по населению, богатствам, наукам, организации, средствам действия, по всем этим критериям Запад опережает Восток» [17, р. 75–76]. Европа соединена очень тесными связями, необходимыми для ее самосохранения, Европа ориентирована на взаимопомощь, значительная консервативная часть Европы настроена против преобладания России. И это европейское единство носит не агрессивный, а оборонительный характер, необходимый для поддержания статус-кво [17, р. 78].

Эта тема, поднимаемая Прадтом, окажется очень востребованной: Россия — это колосс на глиняных ногах, и вся ее сила и могущество является лишь видимостью. Маркиз де Кюстин эту мысль увековечит: Россия — «царство фасадов».

Заключение

Как видим, образ России, созданный аббатом Прадтом, оказался очень эластичным, подвижным, зависимым от политической конъюнктуры. Прадт запросто меняет свои взгляды на Россию на противоположные, в зависимости от ситуации. Когда речь зашла о поисках союзников, и Прадт повернул свой взор в сторону России, ее образ стал совершенно иным, Россия буквально на глазах преображалась, а все ее прежние ужасные стороны трансформировались почти в достоинства. Это лишь подтверждает тезис о русофобии как механизме решения собственных французских задач. В то же время неизменной чертой сочинений Прадта оставалась характерная для постнаполеоновской Франции оптика превосходства и взгляд на Россию как на колосса на глиняных ногах.

Метаморфозы аббата Прадта лишь подтверждают, что образ России конструируется в зависимости от ситуации, и адаптация этого образа связана с конкретными внутривнутриполитическими задачами, стоявшими

перед Францией. Не от политики России, а от текущей политической ситуации во Франции и Европе в целом зачастую зависело, становился ли этот образ русофобским или русофильским.

По иронии судьбы аббат Прадт, никогда не симпатизировавший России, оказал ей большую услугу в 1812 г., будучи послом в Варшаве. Именно на него Наполеон возложил ответственность за катастрофу Великой армии, поскольку тот не снабдил ее ожидаемыми воинскими частями и лошадьми [2].

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда содействия сохранению и развитию историко-культурных и духовно-нравственных основ Русской цивилизации «Светославъ» (договор № 3/2022).

Список литературы

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.
2. Гончарова Т. Н. «Объективный союзник» России в 1812 году: провальное посольство Аббата де Прадта в Варшаве // *Vulye Gody*. 2020. Vol. 56, №2. С. 583–594.
3. Гордон А. В. Сквозь лабиринт стереотипов: три века постижения другого // *Образ современной России во Франции: опыт междисциплинарного анализа*. М., 2012. С. 11–46.
4. Император Николай Первый. М., 2002.
5. Ощепков А. Р. Образ России во французской прозе XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
6. Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной, И. Стаф. М., 2000. Т. 2.
7. Пахсарьян Н. Т. Рец. на кн.: Краус Ш. Россия и русские во французской литературе XIX в. (1812–1917): от образа другого к воображаемой вселенной // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение*. 2009. №3. С. 38–43.
8. Таньшина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
9. Abastado C. *Mythes et rituels de l'écriture*. Bruxelles, 1979.
10. Aubernon J. *Considérations historiques et politiques sur la Russie, l'Autriche et la Prusse*. P., 1827.
11. Corbet Ch. *A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. P., 1967.
12. Gilbert N. *La Russie ou Coup d'oeil sur la situation de cet empire*. P., 1828.
13. Lesur Ch.-L. *Des progrès de la puissance russe: depuis son origine jusqu'au commencement du XIXe siècle*. P., 1812.
14. Malia M. *Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA ; L., 1999.
15. McNally R. *The Origins of Russophobia in France: 1812–1830* // *American Slavic and East European Review*. 1958. Vol. 17, №2. P. 173–189.
16. Pradt D.-G.-F. *de. Parallèle de la puissance anglaise et russe relativement à l'Europe, suivi d'un aperçu sur la Grèce*. 3 ed. P., 1828.

17. Pradt D. -G. -F. de. Question de l'Orient sous ses rapports généraux et particuliers. P., 1836.

18. Pradt D. -G. -F. de. Du système permanent de l'Europe à l'égard de la Russie et des affaires de l'Orient. P., 1828.

19. Rabbe A. L'Histoire d'Alexandre, empereur de toutes les Russies et des principaux événemens de son règne. P., 1826. T. 1.

Об авторе

Наталия Петровна Таншина — д-р ист. наук, Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0655-2928>

44

N. P. Tanshina

THE IMAGE OF RUSSIA AS A CONSEQUENCE OF THE POLITICAL CONJUNCTURE, OR THE METAMORPHOSIS OF ABBÉ DE PRADT

Institute of Social Sciences, RANEPА, Moscow, Russia

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Received 29 September 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4

To cite this article: Tanshina N. P. 2022, The image of Russia as a consequence of the political conjuncture, or The Metamorphosis of Abbé de Pradt, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 33–45. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-4.

The focus of the article, written within the framework of the imagological approach, is the reconstruction of the image of Russia in France during the years of the Restoration. The article is based on the analysis of the views of the famous French diplomat and politician Abbé D. de Pradt (1759–1837). The relationship between the image of Russia in France and the current political situation is revealed by the example of the journalistic works of Abbé de Pradt. The article sees Russophobia as a mechanism for solving French problems. It is also concluded that the image of Russia created in the West was, on the one hand, very stable and based on ingrained stereotypes of perception. On the other hand, this image depended on the political situation. The image of Russia created by Abbé de Pradt turned out to be very elastic, mobile, dependent on the political conjuncture. Abbé de Pradt never had any sympathy for Russia and created openly anti – Russian pamphlets. However, at the time when France was looking for an ally and saw Russia as such, rational Pradt diametrically changed his own position. At the same time, the optics of superiority, characteristic of post-Napoleonic France, and the view of Russia as a power was never strong as it looked, remained an invariable feature of his works.

Keywords: Abbé de Pradt, France, image of Russia, imagology, “Russian threat”, “Russian expansionism”, Russophobia, stereotypes of mutual perception

The author

Prof Natalia P. Tanshina, Institute of Social Sciences, RANEPa, Moscow, Russia;
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0655-2928>

Е. В. Баранова

**КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1980-х ГОДАХ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.07.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-5

46

Для цитирования: Баранова Е. В. Культурно-досуговая деятельность в Калининградской области во второй половине 1940-х – 1980-х годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 46 – 58. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-5.

Представлен анализ культурно-досуговой жизни в Калининградской области в советское время. Понятие «досуг», или «свободное время», в разное время наполнялось различным содержанием. Под досугом понималась сфера, в рамках которой происходит, с одной стороны, восстановление сил человека после труда, а с другой – его духовное развитие. На основе архивных и опубликованных источников, а также интервью с переселенцами осуществлена попытка реконструкции досуга калининградцев на новой советской территории. Среди объектов анализа – инструменты государственного контроля этой важной части жизни человека. В частности, рассматриваются меры государства, направленные на то, чтобы большинство свободного времени люди проводили централизованно. Заметно, что в 1940-е гг. досуг для самих калининградцев служил прежде всего способом обустроить личную жизнь. В 1950 – 1960-е гг. с повышением общего уровня благосостояния населения появился запрос в части как разнообразия репертуара художественных произведений, так и материального обустройства мест проведения досуга. На следующем этапе, в 1970 – 1980-е гг., на досуг уже явное влияние стала оказывать иностранная культура, наиболее активный интерес к которой проявляла молодежь. Особенность региона была обусловлена наличием большего количества моряков, которые привозили из-за рубежа элементы этой культуры в форме пластинок, магнитофонов и иных предметов быта.

Ключевые слова: досуг, история повседневности, Калининградская область, советский период

Введение

В 1946 г. на части бывшей Восточной Пруссии была создана Калининградская область. Перед властями стояло множество задач по экономическому преобразованию региона, заселению его советскими гражданами, восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Несмотря на ряд фундаментальных проблем, советское правительство не забывало

о досуге как неотъемлемой стороне жизнедеятельности человека. Изучение уникального опыта влияния государства на новой советской территории на культурный облик населения способствует осмыслению социокультурных процессов, пониманию феномена советского социализма.

Тема советской повседневности сохраняет актуальность на протяжении последних двух десятилетий. Выходят работы, анализирующие историю советского досуга на региональном уровне [1; 5; 12; 16; 17; 23; 24], появляются труды российских ученых, изучающих различные аспекты советского отдыха, [6; 21], досуг разных категорий населения [13; 15; 22]. Работы, в которых эта сфера рассматривается в масштабе Калининградской области, издаются крайне редко, затрагивают либо ранние годы освоения новой советской территории, либо отдельные сферы досуга [2; 14; 19; 20; 25].

Целью исследования является комплексный научный анализ культурно-досуговой жизни в Калининградской области во второй половине 1940-х — 1980-х гг. Источниковую базу составили материалы, хранящиеся в Государственном архиве Калининградской области (далее — ГАКО): фонды Калининградского отдела культурно-просветительной работы, драматического театра, филармонии, производственного объединения по кино- и видеообслуживанию населения, делопроизводственная документация рыболовецкого колхоза «За Родину». Широко использовались материалы газеты «Калининградская правда», а также воспоминания современников рассматриваемых событий. Интервью с воспоминаниями были взяты студентами-историками в 1990-е гг. у первых переселенцев и хранятся частично в ГАКО, частично в Музее советского детства БФУ им. И. Канта в виде тематических карточек.

1940-е годы

Несмотря на наличие огромных трудностей экономического характера в освоении и восстановлении новой области, советские власти пытались думать и о досуге новых жителей. Остро стоял вопрос об адаптации переселенцев на новой территории; организация культурных форм досуга стала одним из таких решений. Развитие киносети, создание театральных заведений, учреждений искусства — все это было нацелено на то, чтобы переселенцы почувствовали себя дома, но в то же время находились бы под идеологическим контролем государства.

В августе 1946 г. были организованы Калининградский областной отдел по делам искусств, Эстрадное бюро, Дом народного творчества и Детская музыкальная школа. И уже к концу года в Доме искусств было занято 14 ставок (2 вокалиста, 2 балетных артиста, 1 инструменталист, 2 актера оперетты, 5 конферансье, 1 аккомпаниатор и соло, 1 юморист конферансье), появился симфонический оркестр из 32 человек [3, ф. 83, оп. 1, д. 3, л. 3—4].

Культурная жизнь в Калининграде начала активно обогащаться, когда Комитет по делам искусств при Совете министров СССР направил туда на постоянную работу коллектив драматических артистов, сформированный из выпускников Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского. Так был образован первый

коллектив, благодаря которому зародилось театральное искусство в Калининграде. Шестого ноября 1947 г. был показан спектакль «Парень из нашего города» по пьесе К. Симонова в постановке режиссера А. И. Котлярова [7, с. 3].

Развивалась и киносеть. К 1949 г. в Калининграде было 4 кинотеатра, в области еще 5 и 1 сельский, функционировала сельская «кинопередвижка» [3, ф. 176, оп. 7, д. 15, л. 14].

Одной из форм досуга для советского человека было чтение, поэтому большое значение имела организация библиотечной сети. К 1950 г. в области уже работала областная библиотека, 17 районных и 13 городских, 115 сельских, 10 детских [3, ф. 289, оп. 7, д. 45, л. 6]. Получили развитие книжные «передвижки» — транспорт, оборудованный полками для транспортировки книг и менявший свое расположение с целью обслуживания читателей, живших вдали от библиотек. Например, в колхозах Славского района в конце 1940-х гг. было скомплектовано 5 передвижек, которые регулярно менялись, а в период весеннего сева и уборки урожая было организовано книгоношение по бригадам [Там же, л. 12].

В районных городах были организованы дома культуры (ДК). В 1947–1948 гг. открылось 17 районных ДК, в них проводились лекции, организовывались кружки художественной самодеятельности, устраивались концерты и театральные постановки. Лучшими в отчетной документации в 1948 г. были признаны Полесский и Славский ДК. В Славском регулярно работал лекторий, где было прочитано 34 лекции по естественно-научной, общественно-политической и литературной тематике [Там же, л. 26].

В конце 1948 г. силами кружков художественной самодеятельности было поставлено 1985 концертов и спектаклей. Наиболее популярными стали «Пьесы пути дороги» Симонова, «Шестеро любимых» Арбузова, «Русские люди» Симонова, «Счастье» Павленко, «Васса Железнова» Горького, «Доходное место», «Свои люди сочтемся» Островского и др. В репертуаре ряда коллективов исполнялись песни, романсы, дуэты из опер Глинки, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова [Там же, л. 35].

Особое внимание уделялось досугу рыбаков. Например, в 1948 г. был опубликован план отдыха на весенней путине среди рыбколхозов. Согласно ему, требовалось следующее:

1. Оборудовать в клубах красные уголки, закупить для массовых игр шашки, шахматы, домино, музыкальные инструменты (гитары, мандолины и балалайки).
2. Подобрать в каждой бригаде чтеца, снабдив его походной библиотечкой и газетами. Проводить ежедневные громкие читки среди рыбаков, колхозников в часы отдыха.
3. Организовать на путине вечера самодеятельности, привлечь к этой работе музыкантов.
4. Не реже одного раза в декаду демонстрировать на лову кинокартины; договориться с Облуправлением по кинофикации обслуживать рыбаков на путине [3, ф. 558, оп. 1, д. 2, л. 4].

Среди во многом формальных мероприятий, наполнявших досуг жителей области, находилось место для вечеров танцев и просмотра развлекательного кино [3, ф. 289, оп. 7, д. 45, л. 31]. Библиотека г. Советска в

отчете за 1946 г. отмечала, что, несмотря на то что из Москвы было получено 1854 издания на общественно-политические темы, у читателей возникало больше запросов на художественную литературу; увеличился запрос на фантастику и техническую литературу [3, ф. 289, оп. 7, д. 2, л. 10].

Наряду с остальным для отдыха населения требовалось организовывать и большие пространства. Постепенно городские парки начинали приводиться в порядок. В Советске в 1947 г. основной задачей стало сохранить Городской парк культуры отдыха от расхищения (парк имел стадион, спортивные площадки), на 1947 г. была запланирована постройка летнего кинотеатра, драмтеатра, читальни, киоска «Союзпечати», танцевальной площадки, электрификация, радиофикация, приведение в порядок стадиона [3, ф. 289, оп. 7, д. 45, л. 39]. Немалый восторг у многих переезжавших в Калининградскую область вызывало море.

Особым местом стал бывший Кёнигсбергский зоопарк. В конце 1940-х гг. зоопарк получил из Москвы партию молодых зверей и птиц (бухарский олень, сайгаки, два бурых медвежонка, кавказская куница, сурки, фазаны) [10, с. 3].

Досуг части новоиспеченных калининградцев определялся региональной спецификой: в свободное от работы время они занимались «кладоискательством». «Кладами» становились найденные вещи, которые были нужны в быту, или предметы, которые можно было обменять на что-то полезное. Так, Н. Г. Васильева отмечала: «В первое время этого поменьше было, много просто по улицам валялось, ходили, собирали. В основном этим, конечно, мужчины и мальчишки занимались. Особенно ценилась посуда, у немцев был дорогой фарфор, который они унести не смогли, поэтому они его закапывали. Если что-то ценное находили, должны были властям сообщать, но никто этого не делал. Бывали случаи, когда доносили, тогда наказывали, чтоб не повадно было остальным»¹. Тем не менее кладоискатели зачастую мечтали о небольших драгоценных находках, а не о сервизах.

«Кладоискательство» проводилось с совершенно разными целями. В 1940—1950-е гг. при очевидном недостатке нужных вещей переселенцы искали спрятанные немцами вещи для бытового использования, для продажи ради все того же бытового использования. При этом многие респонденты не скрывали, что ничего не понимали в дорогой посуде. Контакт с совершенно чужим бытом оставил большинство безразличными к внешнему виду немецких вещей — интересовала в основном утилитарность. Особняком стоят поиски оружия — тут имели место и криминальные мотивы, и возможности продажи, и соображения предпологаемой самообороны. В первый период некоторые люди впадали в азарт, не только копали под яблонями с подозрительно свежей землей или простукивали стены, но порой вскрывали и могилы. Последствия пережитой войны у всех были разными: в то время как одни не могли спокойно глядеть на умерших, другие не испытывали никакого страха перед покойниками.

¹ Интервью с Н. Г. Васильевой, время приезда 1946 г. Интервью взято студентами 2-го курса специальности «История» БФУ им. И. Канта в 2012 г. Хранение на бумажных тематических карточках в Музее советского детства.

Сороковые годы в Калининградской области были отмечены началом развития инфраструктуры для культурного отдыха, однако зачастую учреждения располагались в непригодных помещениях: во многих не было электричества, и «кинопередвижка» работала от динамо-машины. Активным было организованное государством идеологическое присутствие в сфере досуга. Любой концерт или фильм непременно дополнялся политическими материалами, будь то киножурнал с хроникой последних месяцев или лекция о международном положении. Индивидуальные переживания людей, порожденные войной, обуславливали их активный интерес к стихотворениям поэтов-фронтовиков. Авторы текстов выражали то, что чувствовали многие пережившие военное лихолетье и о чем не каждый мог говорить открыто.

1950 – 1960-е годы

В 1950 г. Драматический театр переехал в бывший клуб моряков на улице Бассейной, 42 и обосновался там на целое десятилетие. Первым спектаклем, показанным в новом здании, стал «Голос Америки» [3, ф. 64, оп. 1, д. 1, л. 3]. Театр стремился уйти из-под усиленного надзора и выпускать спектакли «низкоидейные», но популярные. Как отмечалось в делопроизводственной документации Минкульта, «текущий репертуар Калининградского театра сформирован неудовлетворительно, наличие таких произведений, как «Проводы белых ночей» В. Пановой, «Женский монастырь», «Филумена Мартурано» Э. Де Филиппо (водевили. — Е. Б.) свидетельствует об отсутствии в театре строгой и последовательной репертуарной линии и невысокой художественной требовательности» [Там же, л. 5].

В 1960-е гг. становится заметен водораздел в культурном досуге горожан. Если в начале 1950-х гг. звучали жалобы на действительно суровые жизненные условия, то позднее претензии приобрели другой характер. Например, в «Калининградской правде» за 1960 г. в рассказе о новом здании театра отмечалось: «зеркала составлены из осколков, из-за чего человек видит себя расчлененным по горизонтали на несколько частей, [не говоря уже о] небрежных надписях “ПК” на дверцах для противопожарного инвентаря, и особо удручающее впечатление производят мебель и костюмы в спектакле “И один в поле воин”. Неужели нельзя покрыть пианино лаком, чтобы казалось, что это пианино, а не обшарпанный фанерный ящик» [9, с. 3].

Наиболее массовым видом проведения досуга для калининградцев оставался поход в кино. В ГАКО сохранились протоколы, стенограммы и постановления областного совещания работников киносети [3, ф. 176, оп. 7, д. 29]. Примечательно дело 1952 г., где руководители разных кинотеатров делились опытом работы. Так, представитель Багратионовского киноотдела критиковал председателей колхоза: «Когда же они поймут, что крестьянам необходим культурный отдых. Киномеханик по приезду в колхоз не может нигде остаться на ночлег, а если остановится, то хозяйку в кино бесплатно, председателя, да еще и с женой, да еще и уполномоченного» [Там же, л. 27].

Не всегда лучше обстояли дела и в крупных городах. Директор Светлогорского кинотеатра Голубев эмоционально заявлял: «Пусть я буду сукин сын, если я не способен руководить, но ведь дело доходит до того, что люди по естественной потребности около кинотеатра ходят, потому [что] там нет туалетной комнаты. Дело доходит до того, что во время сеанса отключают энергию» [Там же, л. 24]. Да и в самом Калининграде дела обстояли не лучше. Заботин, руководивший кинотеатром «Баррикады», отмечал: «Зал пустой, нет драпировки, достаточно оборудования, вроде конюшни. Сам кинотеатр находится среди развалин. У нас начальник областного управления спрашивает, где же живут люди, которые ходят к вам в театр? Потому что кругом развалины, а улица, которая ведет к театру не освещена и имеет ряд безобразий. Один раз девушку в развалины затащили, одного гражданина, окровавленного в кинотеатр, приносили, приехала скорая помощь и увезла его» [Там же, л. 25]. Случалось, что в кинотеатрах продавался и крепкий алкоголь [Там же, л. 51].

Постепенно с налаживанием мирной жизни стали меняться и кинотеатры. Поднимался вопрос не только о взрослом, но и детском кино. «Школьников в городе 13 тысяч, мало им уделяется внимания, и детских кинофильмов систематически не показывается. Руководители делегации смотрят на дело, потому что детские сеансы дешевле» [Там же, л. 60].

Уже к 1961 г. в Калининградской области среди городских было 33 постоянных кинотеатра и один летний, 2 киноустановки санаториев, домов отдыха и школьных, 5 передвижных. В районных центрах было 2 стационарных кинотеатра, 127 кинопередвижек, 139 по селу [Там же, л. 50].

Как становится понятно из делопроизводственной документации, в 1968 г. 2/3 калининградцев посетили кинотеатры. Наиболее популярными стали шпионские драмы «Мертвый сезон» (посмотрели 59,4 тыс. человек) и «Ошибка резидента (73 тыс.)» [3, ф. 176, оп. 7, д. 216, л. 19].

Продолжало функционировать и Концертно-эстрадное бюро. В январские праздники 1959 г. силами бригады Вознесенского КЭБ были выпущены две концертные программы, работал театр светящихся марionеток на елках, была организована разнообразная программа с показом новых птиц и зверей для детей. В феврале в Калининград приезжал Московский цирк, оркестр народных инструментов БССР, театр кукол [3, ф. 83, оп. 1, д. 89, л. 40]. Наибольший интерес для калининградцев представлял Рижский эстрадный оркестр с джазовой программой. Но партийными функционерами концерты были раскритикованы: «Джазовое искусство Запада в плохом понимании этого слова. Репертуар в основном безыдейный все построено на внешних эффектах. Сами по себе музыканты квалифицированы» [Там же, л. 5].

Постоянно в Калининградскую область приезжали музыкальные, цирковые, театральные коллективы из областных центров РСФСР и союзных республик. В 1940-е гг. традиционным было чтение вслух на предприятиях, а в 1960-е гг. популярность приобретали литературные вечера. И даже здесь, несмотря на необходимую «идейность», в программу удавалось вставлять что-то интересное для зрителя. Например, в программу литературного вечера «Рожденная октябрём» на 1967 г. помимо поэм про В. И. Ленина и стихов про героических литейщиков включили поэму «Тамара и демон» [3, ф. 83, оп. 1, д. 169, л. 33].

Продолжала развиваться библиотечная сеть. На 1 января 1951 г. в области работала областная библиотека, 17 районных, 13 городских, 115 сельских, 10 детских [3, ф. 289, оп. 7, д. 45, л. 26].

Популярным местом отдыха в Калининграде оставался зоопарк. В начале 1950-х гг. территория зоопарка была полностью расчищена, открылись новые павильоны и вольер для водоплавающей птицы с расположенным в центре фонтаном. Появились северные олени, пернатые птицы, обезьяны, попугаи, лебеди, казарки и пеликаны [8, с. 3].

В 1950-е гг. продолжалась волна трофейного «кладоискательства». А. Ф. Пищулин вспоминал: «Немецкие находки были обычным делом. Оружие в 1945–1950-х г. было почти у каждого. А вот посуда была редкостью. Против нашего дома была раньше немецкая усадьба, после пожара сильно пострадала. И расчищая завалы дома, обнаружил целый склад посуды, аккуратно запакованный в деревянный ящик. Открыв его, я обнаружил целые тарелки, рюмки, миски, серебряный кухонный набор ложек, ножей и вилок. В самом низу был отдел, где лежали немецкий клинок, связка немецких орденов и медалей, пепельницы и многое другое. Большая часть предметов находки растерялась, но некоторые вещи остались»¹.

После периода первых спонтанных поисков сформировалась атмосфера для собирательства и коллекционирования, постепенно вещи начали восприниматься сквозь призму их ценности для коллекционеров. В 1960-е гг. и позже «кладоискательство» часто осуществлялось уже не ради утилитарных вещей, а ради продажи, реже — для себя. Немцы прятали то, что было ценным, но что не получалось взять с собой: фарфоровую и стеклянную посуду, бронзу, серебро.

1970–1980-е годы

Наиболее массовым видом культурного досуга в 1970–1980-е гг. оставалось посещение кинотеатров. В середине 1980-х гг. в Калининграде было уже 12, а в области — 22 стационарных кинотеатра [3, ф. 176, оп. 7, д. 478, л. 21]. Знаменательные даты в жизни СССР и стран социалистического лагеря обязательно отмечались кинофестивалями и тематическими показами кинофильмов. На сельских установках демонстрировались фильмы о передовом опыте и достижениях науки в сельском хозяйстве [3, ф. 176, оп. 7, д. 216, л. 23]. Кроме того, в начале 1970 г. действовало 63 киноустановки на побережье заливов Балтийского моря, где жили рыбаки и их семьи. В кинотеатрах в Калининграде на каждый сеанс обязательно бронировалось 560 зрительских мест для рыбаков, моряков дальнего плавания и членов их семей [Там же, л. 17]. Особое внимание уделялось детям. В кинотеатрах Калининграда, Гусева, Советска, Черняховска в начале 1970-х гг. проводили 1–2 детских киносеанса в день, в райцентрах — 13–14 киносеансов в месяц, на сельских установках — 9–12 в месяц. Всего за 1970 г. было проведено 42700 детских киносеансов. Летом киносеть управления кинофикации обслуживала 60 пионерских

¹ Интервью с А. Ф. Пищулиным, время приезда 1946 г. Интервью взято студентами 2-го курса специальности «История» БФУ им. И. Канта в 2012 г. Хранение на бумажных тематических карточках в Музее советского детства.

лагерей и 162 детские площадки [Там же, л. 5]. Дети любили посещать киноутренники, где они оказывались среди своих сверстников, а после кино о пионерии и Ленине в конце можно было посмотреть фрагменты популярных фильмов «Неуловимые мстители» или «Свадьба в Малиновке».

Кинорепертуар к этому времени становился все более разнообразным. Калининградец В. А. Верещагин вспоминал: «В основном ходили на русские боевики типа “Пираты XX века”, индийские фильмы и французские. Вообще много было иностранных комедий, европейских. В кино ходили часто, в школе фильмы обсуждали... Одна моя одноклассница на фильм АББА 22 раза сходила»¹. В тот же период конкуренцию кино начало составлять развивавшееся многоканальное телевидение. Телевизор постепенно появлялся в семьях жителей области.

1970–1980-е гг. стали временем расцвета различных кружков и секций, прежде всего детских и юношеских. Например, при колхозе «За Родину» (пос. Взморье) в 1980-х гг. был открыт подростковый клуб «Фрегат», где действовали кружки вязания, гребли, картинга, ритмической гимнастики и фотоклуб. Картинг как технический вид спорта, где устраивались гонки на машинках с мотоциклетными двигателями по специальным автодромам, был популярен среди мальчиков. Посещали этот кружок подростки с 14 лет. В секции гребли занималось 12 человек в возрасте от 11 до 17 лет [3, ф. 558, оп. 1, д. 644, л. 45]. Вместо утративших популярность курсов кройки и шитья (этому делу вполне достойно стали учить девочек в школе) популярным становится вязание. В условиях товарного дефицита удачным считалось приобретение готовых, а не использование самодельных спиц и пряжи. Дефицитными были даже рисунки узоров. Ритмическая гимнастика во Взморье проводилась в спортзале школы [Там же, л. 45]. Появление фотокружков становится косвенным признаком возросшего благосостояния советского общества. Среди детских подарков оказывались фотоаппараты, аппаратура к ним и реактивы. Фотоаппарат порой дарился раньше, чем наручные часы или мопед.

Активное внимание уделялось организации досуга моряков и рыбаков, что не вызывает удивления — значимость их вклада в развитие экономики области сложно переоценить. Для взрослых поселка Взморье (рыбаков) использовались залы школы, функционировала группа здоровья, проводились поездки в Балтийск в бассейн, соревнования по баскетболу, волейболу, стрельбе, гиревому спорту, футболу, легкой атлетике [Там же, л. 4]. Была организована лекционная работа, при Межрейсовом доме моряков действовал лекторий правовых знаний. Сложилась система культурного обслуживания рыбаков, возвращавшихся с промысла, по радиозаявкам. В 1980 г. по таким заявкам спектакли и концерты посетили 5200 моряков и членов их семей, 1885 человек были участниками экскурсий по местам боевой и трудовой славы. Культбазой плавсостава в 1979 г. было проведено более 350 культмассовых мероприятий. Были традиционными выходы на промысел агитационных бригад. В 1980 г. работали 3 бригады, которые обслуживали более 1200 моряков [Там же, л. 10].

¹ Интервью с В. А. Верещагиным (1967 г. р.), взято автором статьи 01.07.2022 г.

Непосредственно организаторами культмассовых работ на судах выступали первые помощники капитанов, культ- и спорторганизаторы. Основным недостатком партийные функционеры считали то, что основные культурные мероприятия проводились на берегу. «Более 60 % экипажей не имеет кружков художественной самодеятельности, большинство культорганизаторов неподготовленные люди, они бездействуют. На 80 % судов базы неисправны музыкальные инструменты. Слабо организована кинофотосъемочное дело. На БМРТ мало спорта, мало инвентаря и тот старый. Нет формы для зимы» [Там же, л. 12].

Массовыми стали поездки в столичные центры, южные курорты, соседние республики. Калининградка К. (интервьюируемая пожелала остаться неизвестной) вспоминала: «Мы были и в Ялте, и в Сочи. Но больше всего мне нравились поездки в Анапу. Еще в Литву ездили отдыхать, к родственникам. Хоть Литва тогда была в составе СССР, там было все гораздо доступнее. И одежда помоднее, и вкусовостей побольше. Мы везли из Литвы практически все: сыр, колбасы, трикотажную продукцию, жвачки, пепси-колу»¹. Денис Геральдович Р. отмечал: «Обычно в деревне и отдыхали. Если с ребятами, то ходили в сосновый бор, уезжали на озера. На море, конечно, тоже ездили. В Польшу я ездил в детский спортивный лагерь. В то время в лагерь ездили дети из более обеспеченных семей. Хоть мама меня одна воспитывала, тем не менее, я там был. Мы ездили на экскурсии и другие мероприятия. С чехословаками обменивались вещами, мы им свое, а они нам свое»².

В условиях ограниченного товарного ассортимента Калининградской области поездки ее жителей за пределы региона в советское время часто сопровождалась необходимыми покупками. Люди много ездили, но мало что видели, в любом месте надо было стоять в очередях, чтобы привезти что-то полезное для дома, семьи, себя. В любой поездке составлялись списки нужного, в том числе записывались размеры одежды и обуви для родственников. Поездки и в Литву, и на южные курорты были сопряжены с покупками в первую очередь полезных вещей.

В 1970–1980-е гг. популярным видом досуга было увлечение музыкой. Денис Геральдович Р. вспоминал об этом следующее: «Ребята из нашей школы образовывали свои группы. В общем, петь я пел, а эстрадой не увлекался. Слушал все подряд, как это сказать... меломаном был. Еще ходил в музыкальную школу где-то на ул. Некрасова, но вскоре забросил»³. Увлечение родителей музыкальными школами для мальчиков и девочек и секциями фигурного катания (в основном для девочек) приобрело совершенно гипертрофированные масштабы в 1970-х гг. и оставалось на этой позиции до 1990-х гг. Отношение детей к музыке, как и ко многим другим вещам, было разным. Для кого-то это было удоволь-

¹ Интервью с К. Интервью взято студенткой 2-го курса направления подготовки «Документоведение и ДОУ» БФУ им. И. Канта в 2017 г. А. Булдырской. Хранение в электронном формате.

² Интервью с Денисом Геральдовичем Р. Интервью взято студенткой 2-го курса направления подготовки «Документоведение и ДОУ» БФУ им. И. Канта в 2017 г. А. Булдырской. Хранение в электронном формате.

³ Там же.

ствии, а кого-то приходилось буквально за руку вести на занятия. Родители покупали инструменты и ходили слушать концерты, заставляли играть дома.

В 1970-е гг. джазмены, в основном, собирались в Доме культуры моряков. В ДК постоянно устраивались концерты и джем-сейшены. Позже джазовые коллективы переместились в Дом культуры рыбаков. К середине 1980-х гг. некоторые джазовые коллективы были прикреплены к Парку культуры и отдыха им. Калинина. В парке устраивались танцы, а также создавались клубы для людей более зрелого возраста, проводились «Танцы для тех, кому за 40». В парке располагался клуб «Колос», который среди молодежи назывался еще «колосятник». В нем выступали местные ансамбли для более молодой публики. Там же часто случались драки между студентами разных учебных заведений [18].

В начале 1980-х гг. начинают появляться рок-клубы. Третьего ноября 1985 г. был основан рок-клуб «Время», действовавший в Доме культуры Тарного комбината. Считается, что это четвертый рок-клуб на территории Советского Союза. В день основания клуба на сцене зала ДК Тарного комбината был организован первый концерт калининградских рок-групп. В нем приняли участие ансамбли «Визит», «Наш мир», «Эскиз», «Прогноз», «Доктор». Позже этот клуб будет переименован в «Вагонку» [4, с. 2]. Поскольку профсоюзный комитет Вагоностроительного завода не особо следил за деятельностью творческих организаций, руководитель дискотеки Александр Персиц организовал предпринимательскую деятельность, используя аппаратуру и помещение клуба. Так, например, предприимчивые работники устраивали выпускные вечера для школ № 2, 14, 49 и др., а также проводили свадьбы [11, с. 4].

Выводы

В период активного послевоенного восстановления области в 1940–1950-е гг. свободного времени у калининградцев было мало: много работы на производстве, обязательное участие в благоустройстве городов и поселков, очень трудоемкий быт. Поэтому во время отдыха люди стремились к тому общению, которое способствовало устройству личной жизни. Несмотря на усилия властей наполнить «идейным содержанием» мероприятия в клубах, кинотеатрах, продумать репертуар театров и эстрады, молодежь зачастую привлекали те формы отдыха, в рамках которых она чувствовала себя свободно и могла предаваться веселью, — танцы и развлекательный кинематограф.

По мере решения насущных проблем в 1960–1970-е гг. свободного времени становилось больше, а быт переставал быть борьбой за физическое выживание. Организаторы культурной жизни старались разнообразить клубную работу, создавать новые площадки для «культурного досуга». С увеличением разнообразия культурной жизни возрастали и требования людей к качеству организации мероприятий. Источники мало говорят о «некультурном» досуге — домашних и молодежных вечеринках, пикниках, школьных и институтских дискотеках, которые были в жизни людей той поры.

В 1980-е гг. стал ощутимее конфликт организаторов культурного досуга с запросами публики, особенно молодежи. Люди уже были хорошо информированы о западных музыкальных и киноновинках, формах отдыха. Особенно широким в этом отношении был кругозор моряков, ходивших «в заграничку». Источники дают нам ограниченное представление о культурно-досуговой жизни калининградцев в советские годы: зачастую это формальные показатели развития в этой сфере — статистика, а также набор проводившихся мероприятий. В то же время нет полного понимания того, как реагировало население области на осуществляемую властями организацию культурно-досуговой жизни в регионе. Известно, например, что репертуар, фигурировавший в отчетах управления культуры, был востребован далеко не полностью. Культпоходы тоже любили не все, но политика советского времени требовала идеологического сопровождения граждан. Таким образом, перспективой дальнейших исследований региональной истории является изучение восприятия жителями Калининградской области мер, которые государство принимало для развития досуга в регионе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43039 «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности” в Калининградской области (1945 – 1991)».

Список литературы

1. Анашкина Г. П. Досуг интеллигенции в Ульяновске // Социологические исследования. 2001. №12. С. 97 – 103.
2. Баранова Е. В. Формирование образа Калининграда 1940-х годов на примере анализа фотографий «Калининградской правды» // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2018. Вып. 15. С. 128 – 136.
3. Государственный архив Калининградской области.
4. Дворник. 2009. 27 янв.
5. Елизов А. Г. Историография и источники изучения городской повседневности Красноярского края в середине 1940-х – середине 1960-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2012. №5. С. 471 – 476.
6. Календарова В. В. Спортивный досуг в системе ценностей советского человека (по материалам спортивного кино 1930-х – начала 1950-х гг.) // Манускрипт. 2021. №3. С. 420 – 427.
7. Калининградская правда. 1947. 21 апр.
8. Калининградская правда. 1952. 2 мая.
9. Калининградская правда. 1960. 25 июня.
10. Калининградская правда. 1978. 10 марта.
11. Калининградский комсомолец. 1985. 1 дек.
12. Ковальчук И. В. Советская и постсоветская историография досуга и отдыха населения УССР во второй половине 1940 – первой половине 1960-х гг. (отдельные заметки) // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : матер. Междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. Витебск, 26 – 28 апреля 2018 г. С. 91 – 93.

13. Кознова И. Е. Сельская советская и постсоветская повседневность в новейших исследованиях // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X—XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщ.: Брянск, 24—28 сентября 2018. М., 2018. С. 156—159.

14. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953 гг. М., 2015.

15. Липатов А. В., Семенцова Н. В. Организация досуга детей в СССР в период хрущевской «оттепели»: по материалам Сталинградской (Волгоградской) области // Советское общество: идеи, результаты и оценки : матер. Всерос. науч. конф. М., 2017. С. 350—357.

16. Липатов А. В. Экскурсия как форма досуга населения в 1953—1964 гг.: на материалах Сталинградской (Волгоградской) области // Известия ВГПУ. 2018. №7 (130). С. 193—199.

17. Липатов А. В., Вальковский А. В. Роль клубных учреждений в организации досуга советских граждан в 1953—1964 гг. (на примере Сталинграда — Волгограда) // Известия ВГПУ. 2015. №4 (99). С. 189—197.

18. Лундстрем Джаз. URL: http://www.lundstrem-jazz.ru/sostav_17.php (дата обращения: 28.04.2022).

19. Маслоу В. Н. Образ Калининградской области на страницах газеты «Калининградская правда» советского времени // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №3. С. 25—35.

20. Нестерова М. А. Культурный досуг переселенцев на территории калининградской области в 1945 — середине 1960-х гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : матер. XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием. СПб., 2020. С. 237—242.

21. Огородникова О. А. Кино в повседневной жизни советского человека (1950—1960-е годы) // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2018. №3 (31). С. 58—64.

22. Смирнова Т. М. Дети страны советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. М. ; СПб., 2015.

23. Старченко Н. Н. Проблема государственного регулирования советского досуга на примере города Сталино в период послевоенного восстановления (1943—1953 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. №3 (70). С. 48—55.

24. Туриянова О. Н. Досуг городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы (1945—1953) // Magistra Vitae : электрон. журнал по историческим наукам и археологии. 2012. №11 (266). С. 56—60.

25. Филёв М. В. Сельский досуг: опыт микроисторического исследования послевоенного колхоза «Большевик» Калининградской области (1946—1964 годы) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. матер. Междунар. молодежной науч. школы-конф. Новосибирск, 2021. С. 193—204.

Об авторе

Елена Вячеславовна Баранова — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7519-4258>

E. V. Baranova

CULTURAL AND LEISURE ACTIVITIES
IN THE KALININGRAD REGION
IN THE SECOND HALF OF 1940s – 1980s

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad Russia.

Received 14 July 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-5

58

To cite this article: Baranova E. V. 2022, Cultural and leisure activities in the Kaliningrad region in the second half of 1940s – 1980s, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 46–58. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-5.

The article analyses cultural life and leisure activities in the Kaliningrad region during the Soviet period. The concepts of “leisure”, “free time” at different times were different in contents. On the one hand, leisure was understood as time when people recharged after hard work, and on the other hand, it meant their spiritual development. On the basis of archival and published sources, as well as interviews with immigrants, the author attempts at reconstructing the idea of leisure time activities of Kaliningrad residents on the new Soviet territory. The study also analyzed the instruments of state control which were applied to this important part of human life. In particular, the measures of the state, aimed at ensuring that the majority of free time people spent centrally, are considered. Leisure time for the Kaliningrad residents in the 1940s is considered to have been primarily a way to arrange their personal life. In the 1950s and 1960s, as the general level of well-being of the population increased, there was a demand both for the diversity of the repertoire of artistic works and for the material arrangements of leisure facilities. The 1970s – 1980s were a time when leisure time was clearly influenced by foreign culture, the most active interest in which was shown by young people. Here the region was characterized by the presence of more sailors who brought home elements of this culture in the form of records, tape recorders, and other household items from their overseas voyages.

Keywords: history of everyday life, Kaliningrad region, leisure, Soviet period

The author

Dr Elena V. Baranova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad Russia.

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7519-4258>

Д. В. Манкевич

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ КАЛИНИНГРАДСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПЕРИОД «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 15.10.2022 г.

Принята к публикации 15.12.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-6

59

Для цитирования: Манкевич Д. В. Достижения и проблемы калининградского здравоохранения в период «развитого социализма» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 59 – 69. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-6.

Выявлен и рассмотрен ряд направлений развития здравоохранения Калининградской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг., проведено их сопоставление с общегосударственными. По сравнению с периодом становления и раннего развития калининградского здравоохранения процессы этого времени исследованы слабо. В качестве основных источников использованы документы областного отдела здравоохранения, облисполкома и бюро медицинской статистики из соответствующих фондов Государственного архива Калининградской области. Рассматриваемый период характеризуется дальнейшим развитием инфраструктуры здравоохранения, снижением детской и материнской смертности, успехами в развитии системы скорой помощи, значительным ростом числа врачей и средних медработников, расширением доступа граждан к базовой медицинской помощи. Однако не все кадровые проблемы были преодолены. Сохранялись трудности в оказании онкологической и стоматологической помощи, хотя потребность в медицинском обслуживании в этой сфере росла. Возникли сложности с реализацией планов строительства новых объектов здравоохранения, некоторые из которых превратились в настоящий «долгострой». Недостаток финансирования не позволял решить ряд проблем, связанных с устареванием оборудования и медицинской техники. Несмотря на успехи в борьбе с инфекционными заболеваниями, в регионе сохранялся высокий уровень заболеваемости дизентерией и другими кишечными инфекциями. Семидесятые годы стали временем дальнейшего развития системы санитарного просвещения, которая охватывала значительную часть населения области. Однако источники не позволяют в должной мере оценить эффективность «санпросвета». В целом необходимо констатировать, что в калининградском здравоохранении происходили процессы, характерные для страны в целом, медленно нарастали проявления системного кризиса. К особенностям региона, которые смягчали эту тенденцию, можно отнести хорошие показатели обеспеченности области медработниками, более тесную связь сельского и городского здравоохранения и более молодой состав населения.

Ключевые слова: заболеваемость, здравоохранение, Калининградская область, медицина, онкология, СССР

Введение

История становления и развития советского здравоохранения на территории Калининградской области исследована крайне неравномерно. Наиболее пристальное внимание исследователей и авторов популярных изданий всегда привлекал послевоенный период (1945–1950 гг.), когда в регионе формировались базовые институты и подсистемы здравоохранения, кадровый потенциал, а также 1950-е гг., на протяжении которых были достигнуты существенные успехи в сокращении общей и особенно детской смертности, развитии сельской медицины; произошли заметные позитивные сдвиги в структуре заболеваемости [2; 5–7]. Заметно слабее изучен процесс дальнейшей эволюции регионального здравоохранения [8, с. 21–23]. Несмотря на доступность внушительного корпуса источников и сохранение возможности сбора устных свидетельств, полноценная научная разработка периода 1960–1980-х гг. только начинается. Актуальность этой задачи обусловлена не только необходимостью дополнения научной картины истории калининградского здравоохранения, но и теми возможностями, которые открывает исследование социальных сюжетов истории советской медицины, тесно интегрированной с партийно-государственными институтами, практиками внутренней политики государства. Обращение к истории советского здравоохранения на региональном уровне позволяет уточнить соотношение общегосударственных тенденций и «местной специфики», сформулировать предварительный ответ на вопрос об эффективности социальной политики центра.

Цель данной статьи – выявление основных тенденций и проблем калининградского областного здравоохранения середины 1960-х – первой половины 1980-х гг. и сопоставление их с характерными для РСФСР показателями в этой части. В качестве источников при написании статьи были использованы документы отдела здравоохранения и профильных комиссий калининградского облисполкома, материалы, собранные областным бюро медицинской статистики и сохранившиеся в соответствующих фондах ГАКО.

Позитивные тенденции

К середине 1960-х гг. в самой западной российской области существовала полноценная региональная система здравоохранения. Позади остались как трудности, героизм и потери периода становления области, так и несомненные достижения второго послевоенного десятилетия. Во второй половине 1960-х гг. в регионе наблюдалось динамичное развитие медицинской и санитарной инфраструктуры: началась работа больницы в г. Пионерском, областной станции переливания крови, завершалась отделка больницы для рыбаков в областном центре, там же должно было стартовать строительство крупной многопрофильной больницы. Обеспеченность сельского населения коечным фондом за счет использования мощностей городских и областных больниц достигла показателей обеспеченности городского населения. Улучшению качества медицинского обслуживания способствовало и разукрупнение терапевтических участков, открытие медико-санитарных частей [1, ф. 233, оп. 6, д. 603, л. 3].

Все районные больницы были наконец снабжены клинико-диагностическим оборудованием, оснащены рентгеновскими и физиотерапевтическими кабинетами, аппаратурой для проведения электрокардиографических исследований [1, ф. 297, оп. 9, д. 177, л. 145, 147]. Калининградские медики по праву гордились успехами в борьбе за снижение младенческой и материнской смертности, заболеваемости корью и коклюшем, победой над малярией, полиомиелитом и дифтерией [Там же, л. 149]. Приоритетное внимание уделялось здоровью детей. В 1963–1965 гг. в области работало 7 детских больниц (в том числе одна областная и еще три городских, расположенных в Калининграде), противотуберкулезная больница, два детских санатория [1, ф. 233, оп. 6, д. 289а, л. 8, 9, 73].

В практику постепенно внедрялись достижения научно-технического прогресса. Калининградские травматологи успешно применяли аппарат Илизарова при внутрисуставных переломах, в Озерской районной больнице изучали возможности интрахеального введения антибиотиков, в областной психиатрической больнице применяли коллективную гипнотерапию при лечении больных с хроническим алкоголизмом [1, ф. 233, оп. 6, д. 562, л. 6–20]. Работники здравоохранения области регулярно выдвигали социалистические обязательства (см., напр. [1, ф. 233, оп. 6, д. 710, л. 5]): повысить качество и культуру лечебно-профилактической помощи, укрепить материально-техническую базу больниц и амбулаторий, повысить производительность труда и т. д.

Врачи Янтарного края регулярно получали приглашения на всесоюзные и республиканские медицинские конференции [1, ф. 233, оп. 6, д. 278, л. 23]. Был организован обмен делегациями с Ольштынским воеводством Польской Народной Республики. В мае 1964 г. польские коллеги пришли в восторг, познакомившись с организацией медицинского обслуживания детей и женщин в Калининграде [1, ф. 233, оп. 6, д. 305, л. 14]. В марте 1977 г. группа калининградских медиков посетила ряд лечебных учреждений ГДР. Судя по отчету о поездке, ее участников приятно удивили высокий уровень бытового комфорта в больничных палатах и отсутствие очередей в поликлинике [1, ф. 233, оп. 6, д. 662, л. 1–3].

К середине 1960-х гг. в области уже была сформирована полноценная служба скорой помощи. Однако укрепление ее кадрового потенциала и материально-технической базы продолжалось. К 1965 г. служба включала 21 станцию скорой помощи, к концу 1970-х гг. — 24 станции [1, ф. 233, оп. 6, д. 603, л. 8, 10]. Снабжение автотранспортом было организовано хорошо, однако систему устойчивой радиосвязи удалось создать только в областном центре. В районах области и в конце 1970-х гг. большинство машин не были оснащены радиостанциями [1, ф. 233, оп. 6, д. 713, л. 98]. В начале 1980-х гг. было проведено масштабное переоснащение служб новыми автомашинами, оснащенными радиостанциями и дыхательной аппаратурой. Постепенно сокращалось число жалоб на работу бригад скорой помощи, большая часть которых состояла из фельдшеров. Плохо были укомплектованы врачами бригады Советска, Немана и Черняховска [1, ф. 233, оп. 6, д. 975, л. 13, 14].

Кадровый потенциал и специализированная медицинская помощь

В середине 1960-х – начале 1980-х гг. продолжалось развитие профессионального медицинского сообщества области, основа которого была сформирована в первое послевоенное десятилетие. С 1947 г. в Калининграде функционировала фельдшерско-акушерская школа, преобразованная в 1954 г. в медицинское училище. Однако собственной базы подготовки медицинских кадров с высшим образованием область не имела. Врачи направлялись в регион по распределению после завершения обучения в мединститутах или переводились из других областей и республик. Основными «кузницами кадров» для калининградской медицины были мединституты Смоленска, Саратова, Ленинграда и Свердловска [1, ф. 233, оп. 6, д. 49, л. 6, 7]. Однако остававшаяся высокой мобильность специалистов вносила свои коррективы в решение кадровой проблемы. Так, в 1970 г., когда в область прибыл 301 врач (в том числе 159 молодых врачей), Янтарный край покинули 148 врачей, из которых около 60 % составляли жены военнослужащих [1, ф. 297, оп. 9, д. 177, л. 146, 147]. В решении постоянной комиссии облисполкома по здравоохранению от 6 декабря 1971 г. отмечалась острая нехватка педиатров, невропатологов, офтальмологов. Существенным препятствием на пути переезда в область квалифицированных специалистов была жилищная проблема. На момент принятия решения 47 врачей областного центра и 15 врачей районных больниц не были обеспечены жильем [1, ф. 297, оп. 9, д. 378, л. 12].

Несмотря на все трудности, одной из ключевых позитивных тенденций рассматриваемого периода был очень значительный количественный рост медработников. В 1970 г. в области работало 1 703 врача, к началу 1983 г. – 2781 специалист, численность средних медработников за тот же период возросла с 4421 до 8 866 человек [1, ф. 639, оп. 1, д. 140, л. 25; д. 301, л. 23]. В результате существенно улучшились показатели обеспеченности области специалистами сферы здравоохранения.

Однако этот рост был очень неравномерным. Почти удвоилось число терапевтов (с 288 до 512), существенно пополнились ряды педиатров и хирургов (с 235 до 336 и со 105 до 197 соответственно), менее выраженным был рост числа психиатров, травматологов-ортопедов и эпидемиологов. При этом удивительной стабильностью отличалась очень компактная группа онкологов (17 врачей в 1970 и столько же в 1983 г.) [1, ф. 639, оп. 1, д. 8, л. 18, 19; д. 301, л. 22, 23].

Между тем состояние онкологической помощи в области было далеким от удовлетворительного. Центром проведения специализированного лечения оставался калининградский онкодиспансер. Несмотря на то что работа его врачей в 1973 г. была удостоена высокой оценки со стороны ученого совета Института онкологии, а опыт калининградских медиков рекомендован к внедрению в других лечебных учреждениях страны [1, ф. 297, оп. 10, д. 578, л. 26], на октябрь 1974 г. в стационаре, размещенном в тесном здании, было всего 155 мест (коек), отсутствовал пансионат для приезжающих из области больных, не хватало умывальников, туалетов, палаты рассчитаны на 12–14 пациентов, имелось два рентгеновских аппарата («старых марок, часто выходят из

строю»), но не было фиброгастроскопа. Облздравотдел обращался в облисполком с просьбой решить вопрос о строительстве в период десятой пятилетки нового диспансера (на 400 коек), а в качестве срочной помощи учреждению планировалось «просить» заместителя начальника управления торговли выделить в 1974 г. 3 холодильника и 2 телевизора [Там же, л. 27, 28].

Однако вопрос о новом диспансере не был решен и к середине 1980-х гг. В справке о состоянии онкологической помощи в области, составленной в апреле 1987 г., отмечались все те же проблемы: теснота помещений (3,2 м² на койку при норме в 7), старое оборудование («аппарат дистанционной гамматерапии АГАТ-С поколения 60-х годов»), неблагоустроенность территории, явно недостаточное для области количество специализированных коек (165) [1, ф. 233, оп. 6, д. 1065, л. 43]. Несмотря на хорошие показатели обеспеченности населения области местами в лечебных стационарах (на фоне многих других регионов РСФСР), в регионе остро не хватало больничных коек для тех, кто нуждался в сложном и зачастую неотложном лечении [1, ф. 297, оп. 9, д. 378, л. 10]. В результате многие больные были вынуждены лечиться в неспециализированных учреждениях (районных и городских больницах), а показатели заболеваемости и смертности от злокачественных образований неуклонно росли. Если в 1976 г. заболеваемость в области составляла 174,8 случая на 100 тыс. человек (при среднем по РСФСР 210,2), то к 1985 г. — уже 231,4 (237,1 в РСФСР) [Там же, л. 44, 46]. После ряда обсуждений и согласований строительство онкодиспансера было наконец запланировано на 1991 г. [1, ф. 233, оп. 6, д. 1121, л. 6, 8]

Возникали проблемы и с другими объектами капитального строительства. Так, в середине 1984 г. в облисполкоме констатировали превращение в настоящий «долгострой» новых корпусов областной больницы: «К сожалению, начинает разрушаться заложенный нулевой цикл под поликлинику, в котловане для глазного корпуса ребята ловят рыбу. Более 5 лет строится лабораторный корпус с пищеблоком, ввод которого был запланирован 2 года назад. В настоящее время в связи с выходом из строя энергетического хозяйства старого пищеблока создается угроза закрытия областной больницы» [1, ф. 297, оп. 10, д. 578, л. 84]. По итогам проверки плана строительства учреждений здравоохранения, проведенной республиканским министерством в 1982 г., Калининградская область вместе с рядом других регионов оказалась в категории «особенно плохо организована работа». Основания для такого вывода имелись: в регионе за год было освоено всего 32 % запланированных капиталовложений [Там же, л. 51].

Но даже официальное введение объекта в строй не всегда свидетельствовало об отсутствии существенных строительных недостатков. Характерным примером может служить состояние Калининградской областной многопрофильной больницы, принятой с серьезными строительными дефектами. Проведенная в 1981 г. проверка установила, что здание стационара, возведенное методом «народной стройки» и принятое в эксплуатацию в том же году, «находится в неудовлетворительном санитарно-техническом состоянии». В больнице не работала приточно-вытяжная вентиляция, отмечались частые перебои в подаче холод-

ной и горячей воды, в зимний период не получалось соблюдать температурный режим, в связи с чем работа ряда операционных становилась невозможной, не функционировали душевая, часть унитазов и раковин [1, ф. 233, оп. 6, д. 975, л. 90].

Некоторые положительные сдвиги произошли в рассматриваемый период в развитии стоматологической помощи. Были открыты четыре специализированные поликлиники, работали зубоучастковые кабинеты на 25 промышленных предприятиях и в 20 школах. В поликлинике Ленинградского района г. Калининграда функционировало отделение протезирования. Однако, несмотря на позитивную динамику, калининградская стоматология оставалась одним из наиболее проблемных направлений местного здравоохранения. Источники демонстрируют низкий уровень оказывавшейся помощи, наличие проблем материально-технического характера («устарелое оборудование»), нехватку врачей-ортопедов и зубных техников, систематические жалобы населения [1, ф. 233, оп. 6, д. 713, л. 100]. Свою долю упреков регулярно получало управление «Медтехника», не обеспечивавшее стоматологов современными пломбирочными материалами. С началом Перестройки, на волне гласности, критика областной стоматологии (особенно районной) стала еще более острой [1, ф. 233, оп. 6, д. 1051, л. 134–136].

На эпидемиологическом «фронте»

Актуальной проблемой в рассматриваемый период оставалась ситуация с инфекционными заболеваниями. Несмотря на то что в структуре смертности населения области они еще в 1950-е гг. переместились на третье место, уступив патологиям сердечно-сосудистой системы и новообразованиям, средний уровень инфекционной заболеваемости оставался высоким, а эпидемические вспышки регулярно повторялись в ряде городов и районов.

Например, в 1970 г. облздравотдел и облисполком забили тревогу по причине резкого роста инфекционной заболеваемости в Гвардейском районе, где соответствующие показатели предыдущего года были превышены более чем в 2,5 раза. В районном центре была зафиксирована крупная вспышка дизентерии (высокий уровень заболеваемости которой был характерен и для других районов и городов области) [1, ф. 233, оп. 6, д. 305, л. 3], отмечались случаи заболевания брюшным тифом. Проверка выявила неудовлетворительное санитарное состояние многих поселков района, многочисленные случаи загрязнения молочных продуктов, выработанных на местном маслозаводе. Сохранению сложной эпидемической обстановки способствовали «переуплотненность детских дошкольных учреждений», аварийное состояние водопроводных и канализационных сетей, приводившее к бактериальному загрязнению питьевой воды [1, ф. 297, оп. 9, д. 177, л. 135, 136]. Несмотря на всю серьезность ситуации, большинство намеченных на ближайшие недели и месяцы мероприятий комплексного плана по снижению заболеваемости на выполнялось: руководство маслозавода саботировало указания областной СЭС, строительство новых скважин было отложено на ближайшую пятилетку [Там же, л. 138, 139].

В структуре инфекционной заболеваемости населения региона в 1970-е гг. преобладали грипп и ОРЗ, на которые приходилось до 80 % всех случаев. Второе место уверенно занимали кишечные инфекции (8–9 %), среди которых лидировала острая дизентерия, поражавшая преимущественно детей. Достаточно частыми были случаи заражения вирусным гепатитом. В докладе на семинаре главных врачей в марте 1973 г. главный эпидемиолог области обращал внимание коллег на быстрый рост числа случаев сывороточной передачи этого заболевания, причинами которого были названы «чрезмерное увлечение гемотрансфузиями» и недостаток шприцев в стационарах [1, ф. 233, оп. 6, д. 509, л. 57, 58, 60–62].

В 1971–1975 гг. началась реализация комплексного плана, направленного на предупреждение пищевых отравлений и сокращение распространенности кишечных инфекций. План предусматривал строительство новых водопроводов, реконструкцию канализации, постройку общественных туалетов, благоустройство свалок, а также комплекс мероприятий по защите от загрязнения молока и мясных продуктов. Плохо функционировавшую систему регулярного удаления мусора в Калининграде планировалось отладить до конца 1972 г. На предприятиях пищевой промышленности должны были появиться новые холодильники, цеха изготовления полуфабрикатов, а посудомоечные всех предприятий общепита должны были быть обеспечены водопроводом и канализацией [1, ф. 297, оп. 9, д. 378, л. 1, 2, 5–8].

Иногда в жизни области случались и настоящие стресс-тесты, в ходе которых выявлялись неочевидные «в обычных условиях» возможности областного здравоохранения по противодействию эпидемическим «вызовам». В августе 1982 г. в пробах воды из источника водоснабжения Калининграда (ЮВС-1 и ЮВС-2) был обнаружен возбудитель холеры. В течение суток был разработан и утвержден план оперативных мероприятий по предупреждению заболеваний калининградцев холерой, включавший санитарно-гигиеническое расследование инфицирования водохранилища, запрет на любое использование воды реки Преголи, ежедневный контроль воды Преголи и ее притоков в районе водохранилища, водопроводной воды областного центра, сточных вод инфекционной больницы [1, ф. 233, оп. 6, д. 865, л. 13]. Предусматривалась тотальная госпитализация больных острыми кишечными инфекциями с трехкратным исследованием их на холеру, была развернута подготовка дополнительных стационаров для таких пациентов, организовано обучение медицинского персонала по вопросам клиники, диагностики и лечения холеры, проведена проверка готовности патологоанатомической службы и судебно-медицинской экспертизы к обследованию умерших на предмет заражения холерой. Выделенная культура была оперативно направлена для типирования в Ленинградскую противочумную станцию, издан приказ об обследовании на холеру советских и иностранных граждан, прибывших из неблагополучных по холере стран, в Калининграде вводилось повышенное хлорирование водопроводной воды [Там же, л. 28–30]. Эпидемии холеры удалось избежать.

Санпросвет в действии

Важным каналом взаимодействия медицины и общества была областная система санитарного просвещения, высшей точкой развития которой стали 1970-е годы. Статистические показатели, ежегодно обсуждавшиеся в постоянной комиссии облисполкома по здравоохранению, отражают размах просветительской активности калининградских медработников. Так, в 1973 г. ими было проведено более 26 тыс. лекций, около 220 тыс. бесед, 2339 передач на радио, 28 тыс. кинопоказов научно-популярных фильмов, около 10 тыс. «выставок и санитарных уголков». В области действовали 300 школ здоровья, 27 факультетов здоровья при домах культуры и промышленных предприятиях. По программам санитарного минимума в 1973 г. было обучено 34 тыс. человек, в том числе 9 тыс. работников детских учреждений [1, ф. 297, оп. 9, д. 578, л. 15, 16]. В последующие годы количественные показатели медицинского просвещения оставались высокими.

66

Имеющиеся в распоряжении документы не позволяют судить о содержании и методическом уровне всех проведенных мероприятий, однако некоторые темы встреч, бесед и лекций все же сохранились в массиве делопроизводственной документации. В школах и ПТУ проводились беседы и лекции о нормах личной гигиены, половом воспитании, безопасности движения. Перед началом детских киносеансов практиковались выступления медработников, сотрудников ГАИ и детских комнат милиции, которые рассказывали об опасности нарушения правил дорожного движения, анализировали конкретные несчастные случаи с детьми [1, ф. 233, оп. 6, д. 509, л. 34]. Педагогические коллективы ПТУ включались в проведение всероссийских смотров-конкурсов на лучшую организацию гигиенического, физического воспитания и медико-санитарного обслуживания учащихся, в условиях которых был предусмотрен раздел гигиенического и полового воспитания [1, ф. 297, оп. 10, д. 116, л. 10]. При калининградском Доме счастья действовал лекторий для молодоженов, в котором проводились лекции на темы «О девичьей чести, женской гордости и мужском достоинстве», «Семья и брак», «Вредная привычка». Проводилась и профилактика абортов. В женских консультациях и фельдшерско-акушерских пунктах организовывались выставки-продажи средств контрацепции, работали «школы матерей и отцов», лектории. На базе женской консультации Ленинградского района Калининграда в 1985 г. начала работать школа передового опыта «по противоабортной работе» [1, ф. 233, оп. 6, д. 975, л. 151, 152]. При обсуждении тематики и результатов санпросвета в облисполкоме звучали и критические замечания: некоторые члены постоянной комиссии отмечали недостаточное внимание к задачам антиалкогольной пропаганды [1, ф. 297, оп. 9, д. 578, л. 18, 19].

Заключение

Сопоставление тенденций развития и проблем регионального здравоохранения с общереспубликанскими и общесоюзными демонстрирует глубокую вовлеченность Калининградской области в процессы расширения доступа к медицинской помощи, развития материально-технического обеспечения лечебных учреждений, численного

роста профессионального медицинского сообщества, укрепление санитарного благополучия. Вместе с тем рассматриваемый период ознаменовался накоплением проблем, структура и масштаб которых позволяют современным исследователям констатировать нарастание во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. системного кризиса советского здравоохранения [3, с. 365—367; 4, с. 159]. Его симптомами были дефицит специализированной помощи (нехватка врачей-специалистов, очереди в поликлиниках), среднего медперсонала, серьезные инфраструктурные проблемы, явно недостаточное материально-техническое обеспечение лечебной и диагностической деятельности, медленное внедрение новых методов и приемов, операционных техник и лекарственных препаратов, снижение уровня подготовки выпускников медицинских вузов и эффективности профилактических мероприятий, распространение коррупции. Доля бюджетных расходов на здравоохранение постепенно сокращалась, одновременно росли требования граждан к доступности и качеству медицинской помощи, а изменение структуры заболеваемости и общее старение населения выдвигали на первый план новые, трудные в решении задачи [4, с. 154—159]. Многие из перечисленных проблем были характерны и для «самой западной» (см. выше), выявление других требует проведения дополнительных изысканий, в том числе с использованием материалов второй половины 1980-х гг., когда на волне «гласности» многие болезненные вопросы звучали громче, а их обсуждение велось более открыто (о чем свидетельствует предварительное изучение соответствующих материалов¹).

Компактные размеры и урбанизированный характер Калининградской области оказывали благотворное воздействие на «сближение медицины и общества». В регионе на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялись высокие показатели обеспеченности врачебными кадрами. Несмотря на явное отставание сельского здравоохранения от городского, здесь не было такой дистанции между городом и деревней, как во многих других регионах страны, а лечебные учреждения Калининграда и других городов принимали самое непосредственное участие в помощи пациентам из села. Более молодой в сравнении с большинством российских регионов средний возраст жителей края несколько снижал нагрузку на кардиологов и онкологов. Свой вклад в формирование областной специфики заболеваемости и организации здравоохранения вносили и особенности структуры местной экономики, прежде всего — значительный вес рыбопромышленного сектора. Во второй половине 1980-х гг. находившееся в состоянии медленной эволюции калининградское здравоохранение вместе со всей страной вступило в бурную эпоху Перестройки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43039 «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности” в Калининградской области (1945 — 1991)».

¹ Например, обсуждение проблемы нетрудовых доходов в областном здравоохранении было проведено в июле 1986 г. [1, ф. 233, оп. 6, д. 1014, л. 62—86].

Список литературы

1. Государственный архив Калининградской области.
2. Жданович Л. Н. Санитарно-эпидемиологическая ситуация в Калининградской области в первые послевоенные годы // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2011. Вып. 9. С. 171–181.
3. Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. Ухудшение здоровья советских людей в эпоху Застоя // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. №29 (2). С. 359–368.
4. Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А., Чалова В. В. Состояние и возможности советского здравоохранения в 1960–1980-х годах // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. №29 (1). С. 153–160.
5. Манкевич Д. В. Заболеваемость малярией в Калининградской области в первые послевоенные годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2016. №2. С. 32–36.
6. Манкевич Д. В. О некоторых проблемах развития советского здравоохранения Калининградской области в конце 1940-х – середине 1950-х годов (по материалам областных архивов) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2010. Вып. 5. С. 62–71.
7. Манкевич Д. В. Первые шаги детского здравоохранения в Калининградской области (1946 – начало 1948 года) // Время музея : сб. ст. Калининград, 2018. С. 438–450.
8. Медицина Янтарного края: от истории к современности: здравоохранению Калининградской области – 75 лет. Калининград, 2021.

Об авторе

Дмитрий Владимирович Манкевич – канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: hist-study@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

D. V. Mankevich

ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES IN THE KALININGRAD HEALTHCARE SYSTEM DURING “REAL SOCIALISM”

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 15 October 2022

Accepted 15 December 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-6

To cite this article: Mankevich D. V. 2022, Achievements and challenges in the Kaliningrad healthcare in the period of “real socialism”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 59–69. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-6.

The article identifies and examines a number of trends in the development of healthcare system in the Kaliningrad region in the second half of the 1960s and the first half of the 1980s in comparison with the national tendencies. The processes of this time, unlike the years of early

development of Kaliningrad healthcare, are poorly studied. The main sources are the documents of the Health Department of the Kaliningrad region, Oblispolkom (Regional Executive Committee) and the Bureau of Medical Statistics from the respective funds of the State Archive of the Kaliningrad Oblast. Further development of the health infrastructure, the reduction of infant and maternal mortality, the success in developing the ambulance system, a significant increase in the number of doctors and paramedics, and the expansion of access to basic healthcare for citizens are the features of the period under review. However, not all staff problems had been solved. The weak point of the regional healthcare was oncological and dental care, the need for which was constantly increasing. There were difficulties with implementing construction plans for new objects of public health services, some of which had turned into real long-term projects. The lack of financing made it impossible to solve a number of problems related to the obsolescence of equipment and medical technology. Despite successes in the control of infectious diseases, there was a high incidence of dysentery and other intestinal infections in the region. The 1970s saw further development of the system of sanitary education, which reached a large proportion of the population of the region. However, the sources do not allow to assess the efficiency of this measure. Processes that were taking place in Kaliningrad regional healthcare system were typical for the country as a whole, showing slow increase in the manifestations of a systemic crisis. The peculiarities of the region, which mitigated this tendency, included high indicators of provision of medical workers in the region, a closer connection between rural and urban healthcare and a younger average age of the population.

Keywords: Kaliningrad region, medicine, morbidity, oncology, public healthcare, USSR

The author

Dr Dmitrii V. Mankevich, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: hist-study@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

С. А. Фостова

ФОРТ №5 В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДЦЕВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 30.09.2022 г.

Принята к публикации 30.11.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7

70

Для цитирования: Фостова С. А. Форт №5 в исторической памяти калининградцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 70–82. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7.

Кёнигсбергский форт №5 «Фридрих Вильгельм III», построенный во второй половине XIX в., до Второй мировой войны никогда не использовался в боевых действиях. Однако в ходе штурма Кёнигсберга советскими войсками в апреле 1945 г. он четыре дня подвергался массированной атаке частей всех родов войск 3-го Белорусского фронта, после чего был сдан немецким командованием. За штурм форта позже пятнадцать человек были удостоены звания Героя Советского Союза. На основе неопубликованных документов 1970–1980-х гг. из архива Калининградского областного историко-художественного музея рассматривается процесс включения бывшей немецкой крепости в историческую память жителей советского Калининграда в связи с событиями Восточно-Прусской операции. Выявляются причины музеефикации именно этого форта среди других фортификационных сооружений, прослеживается его становление как места памяти. Подробно описываются и анализируются две концепции превращения форта в мемориал, воплощенные в проектах скульпторов из московского объединения «Росмонументискусство» и сотрудников областного историко-художественного музея. Делается вывод о принципах реконструкции и границах допустимого в процессе приспособления немецких памятников к задачам политики памяти, направленной на наполнение исторического ландшафта города советскими атрибутами. В заключении обосновывается ключевая роль открытого на основе форта №5 мемориала как посредника (медиа) между прошлым края и жителями области, способствующего популяризации исторического нарратива о штурме Кёнигсберга Красной армией как о центральном событии Восточно-Прусской операции 1945 г.

Ключевые слова: историческая память, Калининград, музеефикация, музей, пятый форт, фортификация

Восточно-Прусская операция в ходе Великой Отечественной войны стала событием, которое разделило историю края на досоветский и советский периоды и вместе с тем послужило фундаментом исторической памяти калининградцев. М. А. Гареев и Г. В. Кретинин называют особенностью исторической памяти калининградцев о Великой Отечествен-

ной войне «“виртуальный” воображаемый» характер ее передачи. Дело в том, что большинство участников Восточно-Прусской операции 1945 г. покинуло Калининградскую область до ее массового заселения, а новые жители края, в свою очередь, приезжали с иной локальной памятью о войне [9, с. 168]. Таким образом, для передачи знаний и представлений о событиях 1945 г. изначально требовались посредники (медиа).

Следует пояснить, что с конца 1990-х гг. на стыке дисциплин *memory studies* и *media studies* возникло исследовательское поле *media memory*, в фокусе внимания которого оказывается тезис о том, что память опирается на культурные артефакты и «по определению опосредована» [27, с. 376]. Ведущие исследовательницы *media memory* А. Эрл и Э. Ригней считают, что память, передающаяся внутри и между поколениями, является «продуктом публичных актов воспоминаний», использующих различных посредников (*media*): устную и письменную историю, изображения, музеи и памятники [33, р. 111]. Поэтому калининградские памятники, мемориалы, музеи, формировавшие знания калининградцев о войне, можно, в свою очередь, рассматривать как посредников при передаче памяти о Восточно-Прусской операции новым поколениям жителей, а также приезжим туристам.

Восточно-Прусская операция в фокусе *memory studies* не раз рассматривалась историками. Авторы интересуют истоки, формирование и сохранение памяти о войне, ее выражение в топонимике и памятниках [6; 14–21].

Целью настоящей статьи является изучение процесса включения в историческую память калининградцев о Великой Отечественной войне бывшего немецкого сооружения через его музеефикацию на примере форта №5 «Фридрих Вильгельм III».

Исследование выполнено на основе ранее не опубликованных документов Калининградского областного историко-художественного музея (КОИХМ), филиалом которого форт стал в 1978 г. Дополнительные сведения о благоустройстве форта были найдены в фондах Калининградского горсовета (Ф. Р-216) и горисполкома (Ф. Р-297), находящихся в Государственном архиве Калининградской области. В работе использованы материалы периодической печати, в некоторых случаях способствовавшие заполнению лакун в представлении об этапах реконструкции и эксплуатации сооружения, а также интервью Н. И. Быковой — заведующей филиалом в первые годы его существования, автора или составителя ряда документов, проанализированных в статье.

В публикации используются типологический и компаративный методы, применявшиеся при сравнении разных концепций музеефикации форта.

От форта к месту памяти

Форт №5 был построен в 1878 г. и входил в первую из трех линий обороны Кёнигсберга, состоявшей из кольца двенадцати фортов (и трех промежуточных укреплений), дотов и других железобетонных оборонительных сооружений. Изначально форт имел только порядковый номер, но в 1894 г. ему было присвоено имя прусского короля Фри-

дриха Вильгельма III [22, с. 21]. Стратегической задачей форта была защита дороги на Раушен (ныне г. Светлогорск) — по ней осуществлялся подвоз боеприпасов, эвакуация раненых, выдвижение дивизий. До Второй мировой войны фортификационное сооружение не участвовало в сражениях.

В ходе Восточно-Прусской операции 1945 г. командующий 43-й армией А.П. Белобородов, анализируя фортификационную систему Кёнигсберга, отмечал, что советским войскам впервые приходилось брать «столь мощную многополосную оборону», базировавшуюся на фортах, которые можно было «по меньшей мере, подавить» [3, с. 327] только с помощью крупнокалиберной артиллерии, активно использованной при взятии форта №5.

72

Накануне штурма форт четыре дня был объектом артобстрела с целью снятия земляной подушки и обнажения бетонных и кирпичных основ сооружения. Один из разработчиков оперативного плана боевых действий по взятию Кёнигсберга генерал И. Х. Баграмян вспоминал, что по форту №5 и соседнему с ним №5 а «было выпущено 500—600 снарядов из наших самых мощных орудий (203- и 280-миллиметровых), но разрушить их так и не удалось» [2, с. 489]. Среди отличившихся во время штурма форта в литературе отмечается поименно около двадцати человек, пятнадцать из которых получили звание Героя Советского Союза, включая лейтенанта М. Джабиева и сержанта А. Кондруцкого, водрузивших над крепостью Красное знамя [4, с. 4]. К 5 часам утра 8 апреля 1945 г. форт капитулировал.

После войны форт использовался как площадка для ликвидации найденных в городе взрывоопасных предметов [22, с. 71—72]. При этом его разрушенные стены разбирались на кирпич для восстановления улиц и домов, а металлические элементы (ворота, двери, винтовые лестницы, лифтовые подъемники, стеллажи для боеприпасов) были демонтированы [10, с. 159].

Кроме того, в течение двадцати лет после войны в форту функционировал склад¹, на котором хранились тряпье, старая резина и другой утиль. Журналист «Калининградской правды» Я. Зарахович по этому поводу заметил, что теперь «“гарнизон”» форта «составляют рабочие базы “Вторсырьё”» [11]. Надо отметить, что подобное использование бывших фортификационных сооружений было нормой в бывшем Кёнигсберге и даже рассматривалось в позитивном ключе как акт превращения старого милитаризованного прусского города в молодой и мирный советский Калининград. Так, в 1953 г. старший научный сотрудник КОИХМ Ю. Цыганков писал: «В бывших фортах устроены склады, где вместо смертоносных орудий хранятся овощи и картофель, семена и сельскохозяйственные орудия» [32].

¹ Несмотря на сообщения прессы, исследовать истории форта №5 А.П. Овсянов настаивает, что с лета 1945 г. казематах форта размещался автомобильный батальон, затем санитарная рота 50-й армии. В 1950-е гг. помещения использовались как армейские склады, а с 1960-х гг. форт был бесхозным, но в нем производилась заготовка металла [22, с. 78].

О музеефикации части форта стало известно в апреле 1969 г. В газетной публикации сообщалось, что исполком Калининградского горсовета решил «открыть в помещении форта №5 комнату боевой славы и подготовить здесь экспозицию о штурме Кёнигсберга» [5]. Предполагалось также «в ближайшее время» благоустроить прилегающую территорию и перенести в другое место мемориальную доску¹ в честь пятнадцати Героев Советского Союза. Однако почему из всех фортификационных сооружений бывшего Кёнигсберга именно ему повезло стать не только достопримечательностью, но и местом памяти Великой Отечественной войны?

Главной причиной, конечно, стало наличие сразу пятнадцати Героев Советского Союза, получивших это высокое звание за блокирование и штурм форта. А.П. Овсянов резонно отмечает, что форт постепенно становился «символом штурма Кёнигсберга» [22, с. 80]. Между тем в концепции музеефикации форта 1987 г., сформулированной заведующей будущим филиалом КОИХМ Н.И. Быковой, можно проследить и другие факторы, приведшие к выбору именно этого объекта.

Важную роль сыграло географическое расположение форта — в конце крупной транспортной артерии (Советского проспекта), ведущей к популярному курортному городу Светлогорску. Как отметила Н.И. Быкова, «место очень проходимое» [12].

Кроме того, большое значение имело физическое состояние форта. После штурма в стенах сооружения остались проломы и следы артиллерийского обстрела. Левая часть форта, использовавшаяся для обезвреживания снарядов и мин, была практически полностью разрушена. Также из-за нарушения системы водоснабжения часть помещений была затоплена, что привело к частичным разрушениям кирпичных стен и сводов. Таким образом, именно из-за всех повреждений форт не мог рассматриваться «в качестве памятника фортификационной архитектуры Германии 19—20 вв.»². Соответственно, сотрудники историко-художественного музея, работавшие над концепцией музеефикации форта, вычеркнув связь с немецким, а значит, вражеским, фашистским прошлым, оставили достаточно пространства для интерпретации форта как «места памяти массового героизма советских воинов» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 15].

Вместе с тем как место памяти Великой Отечественной войны форт был отмечен в литературе для туристов уже в начале 1960-х гг. Например, он входил в маршрут №2 по Калининграду под названием «Штурм Кёнигсберга» [13, с. 64—66]. Среди 16 мест города, связанных со штурмом, форт №5 был практически единственным упомянутым фортификационным сооружением, наряду башней «Дона», также названной в путеводителе «фортом»³.

¹ Вероятно, эта доска была установлена у форта до сентября 1967 г. по решению горисполкома №267 от 30 июня 1966 г. [8, ф. Р-216, оп. 1, д. 616, л. 14].

² В отличие от достаточно хорошо сохранившихся №1, 3, 5а, 6, 7, 8, 10, 11, 12 [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 15].

³ Также сам форт №5 в путеводителе назван в честь «Фридриха Вильгельма», а не Фридриха Вильгельма III.

В 1966 г. форт также входил в экскурсионные маршруты, организацией которых занималась комиссия по культурно-спортивной работе при Калининградском горсовете [8, ф. Р-216, оп. 1, д. 534, л. 162–165]. Учтывая, что 30 июня горисполком отдал распоряжение отремонтировать дорогу, ведущую к форту, поддерживать в чистоте всю территорию форта, а также выделить часть форта для осмотра экскурсантами, в значимости форта для туризма, просвещения, патриотического воспитания и памяти сомневаться не приходится [8, ф. Р-216, оп. 1, д. 616, л. 13–14].

Распространению знаний о военной истории форта 1945 г. помогли сотрудники КОИХМ, в 1970-е гг. собравшие и опубликовавшие материал о штурме форта №5 советскими воинами, «чем вызвали к нему интерес» [10, с. 159].

К 9 мая 1973 г. были проведены первые работы по благоустройству форта. Председатель Центрального райисполкома В.М. Земжицкий утверждал, что предложение о создании там мемориала высказали рабочие промышленных предприятий Центрального района. Затем оно было поддержано в райкоме партии и райисполкоме [28]. Спустя два года мемориал дополнился монументальным скульптурным ансамблем, изображавшим группу воинов, которая «в неудержимом порыве атакует форт» [23].

Таким образом, за три послевоенных десятилетия в результате деятельности городских служб, специалистов из сферы туризма, публикационной активности историков и работников культуры, а также инициатив местных жителей в общественном мнении и органах власти сложилось убеждение в необходимости превращения форта в музей.

Историческая память о войне и форт

Осознанное конструирование памяти о Великой Отечественной войне в Калининграде началось с возведения и открытия 30 сентября 1945 г. первого советского монумента в области — Мемориального ансамбля 1200 воинам 11-й Гвардейской армии, погибшим при штурме Кёнигсберга. Однако самыми первыми советскими воинскими памятниками на земле Восточной Пруссии фактически стали братские могилы.

В Калининградской области термин «памятник» и «исторический памятник» вплоть до начала 1950-х гг. использовался только в отношении захоронений советских воинов [14, с. 239]. В условиях не сформированной еще до конца интерпретации довоенной истории включать в список подлежащих охране государства объектов немецкие памятники было невозможно.

Памятники культуры Калининградской области подверглись ревизии только в 1950 г. вслед за постановлением Совета министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [25]. В ходе этой работы выяснилось, по выражению Г.В. Кретинина, что «“собственных”, советских» памятников культуры почти нет, но зато достаточно тех, что были установлены до 1945 г. После получения облисполкомом соответствующего распоряжения от первого секретаря Калининградского обкома ВКП(б) В.В. Щербакова некоторые довоенные памятники также смогли войти в перечень исторических [18, с. 30].

Учреждение Калининградского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 1965 г., а также совершенствование советского законодательства в сфере охраны памятников¹ позволили расширить списки охраняемых государством объектов, что также привело к музеефикации некоторых немецких памятников, ранее воспринимавшихся в негативном свете.

1960-е гг. в СССР — это время, когда Великая Отечественная война начинает приобретать большее значение в социально-культурной сфере, организуются военно-патриотические движения, формируются коммеморативные практики, главной из которых стал парад Победы, ежегодно проводившийся во всех городах Советского Союза. На локальном уровне, как замечает один из ведущих исследователей исторической памяти в области Ю.В. Костяшов, «новый курс стимулировал создание в Калининграде большого числа новых мемориалов», посвященных подвигу воинов [15, с. 69].

В 1968 г. в городе открылся первый филиал КОИХМ — военный бункер (блиндаж), где была подписана капитуляция кёнигсбергского гарнизона. Спустя год вторым филиалом стал «Командный пункт 43-й армии» в пос. Холмогоровка, где он дислоцировался весной 1945 г. Наконец 21 ноября 1978 г. был образован филиал музея в форте №5, чья экспозиция должна была демонстрировать «героизм советских воинов в период штурма Кёнигсберга» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 10].

В период 1960—1970-х гг. для всех республик Советского Союза было характерно расширение музейной сети за счет «превращения памятников истории и культуры в объекты музейного показа» [24, с. 196]. Именно благодаря музеефикации в короткий промежуток времени под эгидой историко-художественного музея было образовано сразу несколько филиалов.

Передача форта в ведение музея отвечала задаче музеефикации. Мемориалу требовались охрана, уборка, а также, по словам Н.И. Быковой, «люди, которые отвечали за эту территорию». Больше всего для этого подходил КОИХМ. Заведующая филиалом вспоминает, что поддержание порядка на форте было «очень тяжелой работой»: «Только заделают пролом, поставят решетку... а за ночь садоводы местные снимали поставленные решетки — и опять дыры и проломы» [7, с. 201]. В таких условиях музей регулярно инициировал ремонтные работы, хотя в некоторых документах они значились как «реставрационные» [1, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 19].

Благоустроительная деятельность музея к 1981 г. привела к тому, что форт был поставлен на учет как памятник Великой Отечественной войны [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 9], что не могло произойти в начальный период истории области, когда немецкие сооружения вовсе не считались памятниками. Новый статус форта активизировал деятельность по разработке концепций музеефикации его будущей экспозиции.

¹ Включая появление 68-й статьи Конституции 1977 г., вменявшей в обязанности граждан СССР заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей.

Противостояние двух концепций музеефикации

Двадцать первого ноября 1979 г. при участии Калининградского горисполкома и Министерства культуры РСФСР было сформулировано тематическое задание на развитие и благоустройство музейно-мемориального комплекса и парковой зоны на территории «бывшего форта №5».

Безымянный составитель задания указал, что на форте «необходимо воссоздать (курсив мой. — С. Ф.) систему оборонительных сооружений города-крепости Кёнигсберг», для того чтобы «более зримо представить героический подвиг советских вооруженных сил» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 28].

Не позднее апреля 1985 г. свое проектное решение предложили архитекторы из московского объединения «Росмонументискусство» во главе с В. Г. Поповым и А. Г. Силаевым. Это было не первое для историко-художественного музея участие москвичей в городских музейных проектах. Так, в начале 1980-х гг. над первым архитектурно-планировочным проектом острова Октябрьского (ныне острова Канта) и парка скульптур на нем, бывшим также зоной ответственности музея, трудилась московская организация Союза художников РСФСР [30].

В вводной части представленного москвичами документа мемориальный комплекс форта был назван «серьезнейшим идеологическим контраргументом» против «последователей фашизма, реакционных кругов НАТО», недовольных политико-административным делением Европы после Второй мировой войны» [1, ф. 1, оп. 6, д. 107, л. 29].

Экспозиция в целом строилась по принципу показа участия всех родов войск в сражении. Это, по мнению авторов, должно было давать «ключ к пониманию всей степени массового героизма советских воинов» [Там же, л. 35].

Для погружения в атмосферу апреля 1945 г. учли рельеф местности (распаханная земля, воронки бомб и снарядов). Был предусмотрен «вечный огонь», рядом с которым у кромки алых цветочных клумб в виде звезд задумывалась установка многофигурной (не менее 25–40 воинов группами по 2–5 человек) композиции атакующих, размером 1,25–1,30 натуральной величины из кованой меди с заливкой баббитом¹ или цементом [Там же, л. 39]. В залах помещений бывших казарм планировалось кратко отразить историю края XIII–XX вв.: от создания «очага агрессии» с появления на берегу Балтийского моря Тевтонского ордена до создания «опорного пункта агрессии фашизма» в 1920–1930-е гг. Данная интерпретация была заимствована из головной экспозиции по истории области КОИХМ [31].

Были оборудованы специальные залы истории пехоты, артиллерии, авиации, флота с демонстрацией документов, фотографий, личных вещей, макетов оборонительных сооружений и моделей советского вооружения. В восьми помещениях, связанных с потерней², должна была быть размещена экспозиция, рассказывающая о четырех днях штурма города.

¹ Баббит — антифрикционный литейный сплав на основе олова с добавлением меди, свинца, сурьмы и других легирующих компонентов.

² Потерна — галерея (коридор) под землей или внутри массивного сооружения, предназначенная для сообщения между различными частями форта.

В них планировалось установить динамические электрифицированные карты города на каждый день штурма и текстовый материал, а также макеты зданий и сооружений, которые штурмовали наши войска. После этого был предусмотрен «Зал Салюта» и «Зал Парада», которые украшались витражами, мозаикой и скульптурой. Завершила экскурсию главная потерна, по своду которой литыми подсвечивающимися буквами должны были быть выложены фамилии всех Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за Восточно-Прусскую операцию [1, ф. 1, оп. 6, д. 107, л. 40 – 44].

Отдельно было сказано об убежденности авторов в том, что «для создания нормальных эксплуатационных условий музея и предотвращения дальнейшего разрушения помещений и подушки форта» необходимо восстановить разрушенные части казарм, главный вход в форт, внешний вид фасадов с решетками, ставнями, остеклением, а также (для создания «натурального экспоната») полукапонир и горжевой капонир¹ [Там же, л. 41 – 42, 44].

Ориентировочная стоимость работ по созданию комплекса определялась в сумму около 5 млн руб.² Окончание работ было предварительно назначено на 1995 г. – 50-летие Восточно-Прусской операции [Там же, л. 45].

Нельзя не отметить большую работу, проведенную архитекторами «Росмонументискусства», их целенаправленное вовлечение в эмоциональное восприятие мемориала, нетрадиционный подход и достаточно смелые решения. Однако этот проект был слишком дорог для города, он не вполне учитывал особенности проводимой в Калининграде исторической политики, направленной на сокрытие следов немецкого прошлого в городском ландшафте, его замалчивание в краеведческих работах историков и туристических изданиях. Идеологически чуждое немецкое наследие должно было лишь оттенять успехи строительства социалистического города и достижения калининградцев в разных сферах, а также подчеркивать контраст между прошлым и настоящим. Уцелевшие фрагменты «немецкины» в городском пространстве осложняли воспроизведение привычных общесоюзных приемов в благоустройстве мемориальных зон (вроде «вечного огня» или принципа восстановления сооружений целиком). Все эти претензии и аргументы были высказаны критиками проекта со стороны местного музейного сообщества.

Вторая концепция, разработанная сотрудниками КОИХМ и оформленная Н. И. Быковой, была сочетанием методических наработок предшествующих лет, а также специально прописанных тезисов, оппонировавших концепции московских архитекторов. С начала 1980-х гг. сотрудниками музея предполагалось относительно недорогими и простыми способами приспособить оставшиеся на территории форта кон-

¹ Капонир – фланкирующая постройка, дающая огонь по двум противоположным направлениям. Горжа – тыльная сторона укреплений.

² Для сравнения: в 1985 г. институт «Калининградгражданпроект» выполнил документацию на первую очередь проектных работ по восстановлению форта №5 и благоустройству прилегающей территории стоимостью 250 тыс. руб. [1, ф. 1, оп. 3, д. 7, л. 64].

струкции и внутренние помещения для проведения экскурсий: обновить выставку артиллерийских орудий, оборудовать подходы ко всем точкам, закрыть доступ в аварийные части форта. Во внутренних помещениях следовало разместить экспозицию, рассказывающую об истории вальных укреплений Кёнигсберга с XVII в. до 1945 г., завершающуюся макетом форта. Экспозиция должна была повествовать о плане немецкого командования в случае длительной обороны и штурма форта, иллюстрируемом подробной схемой [1, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 16].

Эти же идеи присутствовали и в концепции развития форта 1986–1987 гг. Пунктом принципиальных разногласий с московскими архитекторами стал вопрос о целесообразности восстановления утраченных элементов форта. По мнению сотрудников музея, форт №5 «должен (курсив мой. — С.Ф.) остаться разрушенным» с консервацией следов войны от дальнейших погодных и временных воздействий. Тем более что согласно техническому паспорту физический износ здания к этому времени составлял 65 % [1, ф. 1, оп. 3, д. 7, л. 66]. Кроме того, восстановление потребовало бы большого количества средств [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 16]. И все же если пойти по этому пути, то он приведет к «созданию музея немецкого и фашистского оборонительного искусства» [1, ф. 1, оп. 3, д. 7, л. 84]. Сходная чувствительность к немецкому была выявлена категорическим отношением калининградцев к идее «вечного огня». Его установка «исключалась», поскольку это придавало памятнику «двусмысленное значение»: «на территории бывшего фашистского сооружения нет братских могил советских солдат, но вполне вероятны захоронения гитлеровцев» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 20].

Первостепенная задача, по мнению сотрудников музея, заключалась в консервации крепостного сооружения и восстановлении подушки форта, трещины и сдвиги в которой приводили к размыванию кирпичных сводов и стен. Предполагалось также провести частичную реконструкцию тех деталей и объектов, которые необходимы для функционирования форта как музейного пространства, но не заниматься воссозданием большинства утраченных сооружений крепостного комплекса [Там же, л. 16].

Обе концепции были направлены на рецензирование. В архиве КОИХМ сохранилось четыре отзыва: два от представителей калининградских организаций (Калининградская ассоциация Союза архитекторов, областное отделение ВООПИК) и два от столичных (Центральный музей Вооруженных сил СССР, отдел музееведения НИИ культуры). Все рецензенты единогласно разделяли аргументы калининградцев и оказались на стороне музея [Там же, л. 1–6].

Труды «Росмонументискусства» впоследствии оценил только А. П. Овсянов, бывший военным консультантом московских архитекторов. Ему импонировала изобретательность проекта В. Г. Попова и А. Г. Силаева и план превратить форт №5 в «центр военно-патриотического воспитания молодежи» [22, с. 81]. В своей книге краевед отдал решающее слово в выборе между концепциями некому представителю обкома КПСС, якобы заявившему о том, что реализация московской концепции «будет способствовать пропаганде фашистской фортификации» [Там же]. Проверить это утверждение не представляется возможным, хотя похожие

прецеденты, когда от партийных чиновников зависела судьба того или иного памятника, имелись в истории края, как, например, в случае с Кёнигсбергским замком [29].

Несмотря на безоговорочную победу, сотрудникам музея не удалось реализовать свои идеи в полной мере. Через три года после составления последней концепции развития форта №5 в июле 1990 г. заведующая фортом Е. Радковская в газете «Калининградская правда» в очередной раз констатировала, что «в настоящее время остро стоит вопрос о музеефикации объекта». Форту все еще требовалась реставрация потерпелых и боковых казарменных помещений. Между тем в конце публикации автор заметки выразила уверенность в том, что форты и другие сооружения бывших линий обороны «должны быть поставлены в один ряд с памятниками искусства, архитектуры, науки и техники как часть культурного наследия прошлого» — мнение, которое, казалось бы, еще за три года до этого было немислимо в публичном дискурсе [26].

Таким образом, после войны форт №5, использовавшийся сначала военными как полигон для ликвидации немецких снарядов и боеприпасов, а затем как хозяйственный склад, разделил судьбу всех немецких сооружений области, с 1945 г. считавшихся по инерции вражескими, чуждыми. Однако его удобное местоположение, транспортная доступность в черте города и героические события штурма сделали его популярной достопримечательностью. В 1960-е гг. форт оказался в центре актуальных тенденций исторической политики в Советском Союзе, центральным пунктом которой стали распространение и укрепление памяти о Великой Отечественной войне. На местном уровне это веяние совпало с признанием некоторых немецких сооружений памятниками истории. На этом фоне городские власти начали уделять больше внимание благоустройству территорий форта, организовали установку мемориальной таблички в честь подвигов пятнадцати советских героев. В условиях распространения сотрудниками историко-художественного музея знаний о героизме советских воинов при взятии форта, а также при участии горожан — рабочих промышленных предприятий и зеленого хозяйства, мелиораторов, курсантов военных училищ, студентов и школьников [28] — у форта возникла мемориальная зона.

Музеефикация форта позволила, с одной стороны, в полной мере реализовать потенциал форта как места памяти, включить его в историческую память калининградцев о войне, использовать как удобное пространство для военно-патриотического воспитания молодежи, а с другой — стала инструментом физического сохранения сооружения. Однако в дискурсе осуществляемой региональными властями политики памяти, нивелирующей связанные с немецким прошлым объекты историко-культурного ландшафта города, а также в атмосфере идеологического противостояния Западу о восстановлении форта не могло быть и речи. Работники КОИХМ в своей деятельности не раз сталкивались с этими факторами [30; 31] и поэтому учитывали их при создании своей концепции развития форта в 1986—1987 гг., в отличие от московских специалистов из «Росмонументискусства». Заручившись поддержкой авторитетных учреждений культуры, местные специалисты сумели от-

стоять свое видение будущего музейного объекта. И хотя наличие проработанной концепции не слишком повлияло на ход реставрационных работ на форте, оно тем не менее упрочило его восприятие как ключевого места памяти и посредника (медиа) исторической памяти о штурме Кёнигсберга, а также места поклонения массовому героизму солдат Красной армии.

Статья выполнена в рамках реализации проекта «Историческая память как фактор геополитической безопасности на западных рубежах России» по программе «Приоритет-2030».

Список литературы

1. *Архив Калининградского областного историко-художественного музея.*
2. *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 2015.
3. *Белобородов А. П.* Победный залп над Балтикой // Всегда в бою. М., 1984. С. 326–348.
4. *Быкова Н. И.* Форт №5 – место массового героизма советских воинов. Калининград, 1984.
5. *В честь героев* // Калининградская правда. 1969. 26 апр. С. 2.
6. *Величко В.* Падение Кёнигсберга // Штурм Кёнигсберга: Очерки, воспоминания, документы. Калининград, 1959. С. 49–69.
7. *Воробьева Ю. С.* «...Одно время на стоянке за музеем находилось семнадцать туристических автобусов...» // Время музея. 2021. Вып. 4. С. 195–211.
8. *Государственный архив Калининградской области.*
9. *Гареев М. А., Кретинин Г. В.* Познание Победы // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2019. Вып. 16. С. 163–177.
10. *Дом, в котором живет история...* Калининград, 2017.
11. *Зарахович Я.* Снова эхо войны // Калининградская правда. 1965. 18 апр. С. 4.
12. *Интервью с Натальей Ивановной Быковой от 22 марта 2019 г.* // Личный архив автора статьи.
13. *Колганова Э. М., Колганов И. П., Иванов Ю. Н.* Путешествуйте по Калининградской области. Калининград, 1961.
14. *Костяшов Ю. В.* Восприятие и мемориализация культурного прошлого Кёнигсберга в современном Калининграде // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту. Самара, 2017. С. 237–241.
15. *Костяшов Ю. В.* Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX – начало XXI в.) // Наследие веков. 2020. №3. С. 62–72.
16. *Кретинин Г. В.* Проблема формирования и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в Калининградской области России // Путь к Великой Победе: история и современность. Майкоп, 2020. С. 259–263.
17. *Кретинин Г. В.* Исчезновение и (или?) воскрешение исторической памяти. О боевом и трудовом подвигах Героя Советского Союза И. К. Липчанского // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2016. Вып. 13. С. 42–52.

18. Кретинин Г. В. К проблеме формирования «мест памяти» в Калининградской области // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн. Калининград, 2016. С. 29–39.
19. Кретинин Г. В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. №12. С. 61–66.
20. Маслов В. Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. №3. С. 100–107.
21. Овсянов А. Были и небылицы фортов Кёнигсберга // Кёнигсбергский курьер. 1992. №5 (19). С. 4.
22. Овсянов А. П. Форт №5. Памятник героям штурма Кёнигсберга. Калининград, 2010.
23. Ольгин К. Новые черты мемориала // Калининградская правда. 1975. 19 окт. С. 4.
24. Основы музееведения. М., 2005.
25. О мерах улучшения охраны памятников культуры : постановление Совета министров СССР от 14.10.1948 №3898. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 29.09.2022).
26. Радковская Е. Пятый форт // Калининградская правда. 1990. 18 июля. С. 4.
27. Сафронова Ю. А. Институты медиа памяти. Вопросы без ответов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб., 2020. С. 376–390.
28. Там, где гремел жаркий бой // Калининградская правда. 1973. 13 мая. С. 4.
29. Фостова С. А. Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 179–204.
30. Фостова С. А. Из истории организации «Парка скульптур» в 1981–1991 годах (из фондов архива областного историко-художественного музея) // Время музея. Калининград, 2018. Вып. 1. С. 111–127.
31. Фостова С. А. Региональная история в экспозиции Калининградского историко-художественного музея (1946–1991) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №2. С. 67–75.
32. Цыганков Ю. Старый город и Литовский вал // Калининградская правда. 1953. 7 июня. С. 3.
33. Erll A., Rigney A. Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction // European Journal of English Studies. 2006. Vol. 10, №2. P. 111–115.

Об авторе

Сюзанна Андреевна Фостова – мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: fostsa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5634-166X>

S. A. Fostova

FORT №5 IN THE HISTORICAL MEMORY
OF KALININGRAD RESIDENTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 30 September 2022

Accepted 30 November 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7

82

To cite this article: Fostova S. A. 2022, Fort №5 in the historical memory of Kaliningrad residents, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 70–82. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7.

The Königsberg Fort №5 “Friedrich Wilhelm III”, built in the second half of the 19th century was never used in military operations before the Second World War. But during the storm of Königsberg by the Soviet troops in April, 1945, it had been exposed to the attacks of all kinds of forces of the 3rd Belorussian front for four days and was surrendered by the German command. Later fifteen men were awarded the title of Hero of the Soviet Union for the fort storming. The article is based on the unpublished documents dating from 1970 – 1980s from the archives of the Kaliningrad Regional Museum of History and Art which are related to the events of the East Prussian invasion. The author studies the process of including the former German fortress in the historical memory of the Soviet Kaliningrad inhabitants. The article identifies the reasons for the museumisation of the fortress among other fortification structures and its formation as a place of memory. Two concept plans of turning the fort into a memorial are described and analyzed in detail: projects by sculptors from the Moscow organization Rosmonumentyuskusstvo and by workers of the Regional Museum of History and Art. The conclusion is made about the principles of reconstruction and the limits of what is admissible in the process of adjusting the German monuments to the objectives of the memory policy aimed at filling the historic landscape of the city with the Soviet attributes. The conclusion substantiates the key role of the memorial opened at Fort №5 as a mediator (media) between the past of the region and the inhabitants of the region to promote the historical narrative about the storming of Königsberg by the Red Army as the central event of the East Prussian operation of 1945.

Keywords: fort №5, fortification, historical memory, Kaliningrad, museum, museumisation

The author

Suzanna A. Fostova, Junior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: fostsa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5634-166X>

УДК 347:719(47+430)

К. А. Кропинова¹, Е. Г. Кропинова²

**ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ**

83

¹Независимый исследователь

²Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-8

Для цитирования: Кропинова К. А., Кропинова Е. Г. Охрана объектов культурного наследия в России и Германии: основные проблемы и подходы к их решению // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 83—101. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-8.

Объекты культурного наследия играют значимую роль как с позиций изучения и сохранения культуры и истории конкретной территории, так и с точки зрения их значения в рекреации и туризме как «мягкой силе» формирования позитивного имиджа на геополитической арене. Эти две составляющие связаны напрямую: поддержание объектов культурного наследия в должном состоянии позволяет использовать их в хозяйственной деятельности, например в сфере туризма, а экономическое благополучие их собственников, в свою очередь, позволяет изыскивать средства для их восстановления и ремонта. При этом правовым аспектам отводится ключевая роль, позволяющая оптимизировать систему «охранять – использовать». В различных странах эта система взаимоотношений регулируется различными законами. Как Россия, так и Германия являются передовыми государствами в этой деятельности, вместе с тем между ними существуют некоторые отличия, выявление и сравнение которых позволит в еще большей степени оптимизировать правовую базу.

Целью работы стало сравнение опыта Германии и России по сохранению и использованию объектов культурного наследия. В основе методологии исследования лежит изучение законодательной базы этих государств в указанной сфере. В ходе исследования осуществлено сравнение законов, приведены конкретные примеры из правоприменительной практики. Особое внимание уделено вопросам государственно-частного партнерства. Показано, что с точки зрения охраны объектов культурного наследия законодательство России характеризуется более жесткими ограничительными мерами, в то время как в Германии правовые нормы и практическое их применение стимулировали развитие системы государственно-частного партнерства (ГЧП), что способствовало сохранению и вовлечению в современное использование значительного количества объектов культурного наследия. Этот опыт может быть применен и в России.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, туризм, охрана памятников, государственно-частное партнерство, правовые аспекты охраны объектов культурного наследия, Калининградская область, Россия, Германия

Введение

Культурное наследие является одним из значимых аспектов в жизни человека. Оно способствует развитию творческого потенциала мирового сообщества, служит источником вдохновения и свидетельством той или иной культурной эпохи, является своеобразным памятником прошлым поколениям и залогом формирования образованной личности — для последующих поколений.

84

Объекты культурного наследия выступают «живыми свидетелями» истории и выполняют ряд важных общественных функций. Они способствуют поднятию общей культуры населения, имеют воспитательное и просветительское значение. Культурное наследие является духовным богатством нации, на нем строится современная наука и образование, осуществляется культурный обмен между государствами и народами.

Еще в 2018 г. президент РФ Владимир Путин призвал к анализу работы регионов по сохранению культурного наследия и отметил: «Проблема того, как в регионах РФ идет работа по сохранению объектов культурного наследия, — это самое главное» [1]. При этом, задача по их сохранению и восстановлению, как отметил президент, — это не только ответственность регионов, но и «полномочия Федерации, и собственности Федерации» [Там же].

Изучение мирового опыта представляется одним из этапов достижения поставленных задач. Нами был рассмотрен опыт Германии, являющейся наряду с Россией одним из наиболее преуспевающих государств в вопросах сохранения объектов наследия, где присутствуют все основные элементы, необходимые для успешной деятельности на этом поприще. Федеральная программа городского развития, учитывающая требования сохранения объектов культурного наследия, была запущена в 1990 г. (после объединения Германии). Изначально она была ориентирована на восточные земли: предполагалось, что будут сохраняться «не только внешний вид этих зданий-памятников, но и их функции, их роль и значение в жизни города, в окружающем ландшафте» [2]. Результат этой программы — восстановленные центральные районы Эрфурта, Потсдама, Гёрлица, Шверина, Кведлинбурга. Всего более 162 городов Восточной Германии получили новый облик [2]. В настоящее время деятельность этой программы получила распространение и на западные земли Германии.

Неслучайно сохранению памятников культурного наследия был посвящен проект России и Германии — ежегодная российско-германская выставка *Denkmal*, проходившая вплоть до 2019 г. ежегодно в течение пяти лет. Проект знакомит с технологиями, которые используют реставраторы при работе с деревом, металлом и тканями в ходе реставрации объектов культуры, в том числе зданий и сооружений [3]. Это особенно важно, так как эти объекты активно вовлечены в общественное использование и туристическую индустрию. Во многих из восстановленных

объектов размещаются музеи, рестораны, общественные учреждения. Особенности законодательства России и Германии по сохранению и охране объектов культурного наследия раскрыты в настоящей статье.

Степень разработанности темы исследования

В изучении темы охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации можно выделить два периода — советский (1917 — конец 1980-х гг.) и постсоветский (1990-е гг. — по настоящее время). Начало изучению формирования системы государственной охраны объектов культурного наследия в РСФСР положено публикацией в 1940 г. работы Ю. Осноса [4], давшего анализ мероприятий Советского государства по спасению художественных ценностей в первые послереволюционные годы в Москве и Петрограде.

Вопросы организации охраны культурного наследия становятся предметом специальных исследований в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В работах И. А. Бульгина и С. М. Троицкого [5], В. К. Гарданова [6], М. Ю. Брайчевского [7] были проанализированы формирование системы государственных органов охраны памятников в первые годы советской власти, выявлены проблемы и недостатки в деятельности органов охраны памятников истории и культуры, а также намечены пути их преодоления. В начале 1970-х гг. вышло фундаментальное исследование Д. А. Равикович, в котором автор рассмотрела процесс становления государственной системы охраны объектов культурного наследия, ее законодательное обеспечение и направления деятельности [8].

В 1980–1985 гг. литература по теме охраны памятников пополнилась более глубокими научными исследованиями различных ее аспектов. В работах В. И. Батова [9] Ю. Н. Жукова [10], основанных на анализе широкого круга выявленных источников, были подняты такие вопросы, как становление государственной политики и принципов отношения к культурному наследию, формирование советских органов охраны памятников, взаимосвязь центральных и региональных органов охраны культурного наследия.

Изучение общественной охраны памятников истории и культуры получило научное развитие в 1960–1970-х гг. в результате определенной демократизации общества и подъема интереса к сохранению памятников истории и культуры. Среди работ этого периода отметим статью Э. А. Шулеповой [11], впервые исследовавшей деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), приступившего к деятельности во второй половине 1960-х гг.

В постсоветский период интерес к проблеме сохранения памятников истории и культуры заметно усилился. Изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни России позволили исследователям более объективно и комплексно представить проблемы государственной политики в области охраны памятников истории и культуры. Значительно увеличилось количество исследований в области изучения проблем охраны объектов культурного наследия. Наиболее полный обзор становления государственной системы охраны памятников дан в работе А. М. Кулемзина [12]. Охрана памятников в его труде

представлена как одна из специфических форм общественной деятельности, связанной с основными историческими событиями и культурными явлениями в стране.

В начале XXI в. повсеместно проявляется повышенный интерес к объектам культурного наследия. Появляется огромное количество статей, посвященных этой теме. Активно развивается международное сотрудничество. Однако стоит отметить, что комплексных исследований по охране объектов культурного наследия проводилось крайне мало. В этой связи особый интерес представляет кандидатская диссертация А. А. Джамбатова по юриспруденции на тему «Гражданско-правовой режим объектов культурного наследия». В ней рассмотрены общественные отношения, складывающиеся между публично-правовыми образованиями, гражданами и юридическими лицами по поводу владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия [13].

Гражданско-правовые отношения, возникающие при ограничении и обременении права собственности, применимые в том числе и к объектам культурного наследия, раскрыты в кандидатской диссертации по юриспруденции А. А. Савельева по теме «Ограничения и обременения права собственности» [14].

Особенности гражданско-правовых отношений в Германии в российской научной литературе представлены слабо. Вместе с тем стоит отметить статью А. Н. Юновой «К вопросу о превентивных мерах сохранения культурного наследия в Германии» [15], где выделены различия в отношении России и Германии к вопросам сохранения объектов культурного наследия. В работе отмечено, что в Германии они нацелены «не только на сохранение, “голую” реставрацию и реконструкцию, но и на модернизацию и дополнение новых элементов в конструкции согласно “творческой охране исторических памятников”» [15].

Среди зарубежных публикаций интерес представляет магистерская диссертация в области искусствоведения «Модель государственно-частного партнерства в музейной сфере (на примере сотрудничества между Е.ON и городом Дюссельдорф)», подготовленная Э. Мир [16]. В работе раскрыты две основные темы – финансирование культуры через политику и финансирование культуры через экономику. Автор исследования подчеркивает, что богатство немецких культурных учреждений в значительной степени основано на гражданских и предпринимательских инициативах. Особенности возникновения, правовые основы, экономическая эффективность такого сотрудничества представлена на примере взаимодействия компании Е.ON и администрации города Дюссельдорф.

Работ, в которых проводится непосредственно сравнительный анализ гражданско-правовых отношений в сфере охраны объектов культурного наследия России и Германии, практически не наблюдается. Однако следует отметить статью Д. В. Чудных, В. В. Чудных и Р. Г. Абакумова «Зарубежный опыт и сравнительная характеристика законодательных аспектов охраны памятников культуры в России и Германии», в которой по результатам проведенного анализа предложена сравнительная таблица (табл. 1) [17].

**Сравнительная характеристика законодательных аспектов
в области охраны памятников культуры России и Германии [17, с. 168]**

Характеристика	РФ	ФРГ
Государственный орган по защите исторических объектов	Единый федеральный орган не создан, сохранение объектов культурного наследия осуществляется в рамках деятельности Министерства культуры РФ	Национальный комитет по охране памятников культуры (National Komitee für Denkmalschutz)
Единый реестр памятников культуры	Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)	Базаданных национального культурного достояния (Datenbank nationalwertvolles Kulturgut)
Ответственность за нарушение законодательства	Уголовная, административная	
Льготы для владельцев памятников культуры	Предусмотрены	

Таким образом, нормативно-правовые базы и в России, и в Германии складывались закономерно и поэтапно. В этих странах еще в прошлом веке сложилось достаточно однозначное отношение к объектам культурного наследия, что нашло отражение в законодательных актах. Вместе с тем в Германии в силу весомости законов, принимаемых отдельными землями, существуют определенные сложности в законодательстве, что будет рассмотрено ниже.

**Подходы к понятию «объект культурного наследия»
и полномочия органов власти России и Германии
по охране объектов культурного наследия**

Понятие «объект культурного наследия» в России и Германии имеет различную формулировку. В федеральном законе РФ дается определение объекта культурного наследия как недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, то есть своеобразного неделимого комплекса. В немецком же законодательстве к памятникам (Denkmal) относят не только недвижимое имущество, но и отдельное движимое. Возраст объекта, вносимого в единый государственный реестр объектов культурного наследия, в России должен быть не менее 40 лет, в Германии нет четкой границы, каждая земля имеет право устанавливать свои сроки или не устанавливать их вообще.

Общими признаками для объектов культурного наследия и в России, и в Германии будут историко-культурная ценность объекта (памятника) и особый статус.

Различаются и подходы к классификации объектов культурного наследия. В Российской Федерации, согласно Федеральному закону

«Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», действует единая классификация объектов культурного наследия. В Германии же классификация памятников будет зависеть от специального законодательства каждой из 16 земель.

В Российской Федерации исторические памятники искусства и культуры играют значимую роль для государства, соответственно оно делает все возможное и гарантирует сохранность этого наследия для нынешнего и будущего поколений страны. Распределение компетенций в сфере охраны и использования объектов культурного наследия зависит от уровня органов власти (федеральный, региональный, муниципальный) (табл. 2). Обязанности специальных охраняющих органов закреплены в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [18].

Охрана памятников в Германии — дело федеральных земель. Так происходит распределение задач между федеральным правительством и землями. По этой причине организационные формы и структура органов власти в области охраны памятников и сохранения памятников в отдельных федеральных землях различны. Земли выступают за принятие законов об охране памятников и действуют в качестве высших органов охраны — в регионах, муниципалитетах, а также в административных округах.

Высшим органом охраны памятников в странах является ответственное земельное министерство или орган сената. Министерство или департамент сената осуществляют технический надзор за назначенными ему властями памятниками и выпускают ежегодные программы субсидий с подчиненными органами.

Национальные законы о сохранении федеральных земель предусматривают специализированный орган — *Landesdenkmalamt* (Земельный отдел охраны памятников). Он отвечает за все вопросы, связанные с сохранением памятников, и подчиняется только инструкциям высшего органа охраны. В частности, задачи этого специализированного органа состоят в том, чтобы консультировать органы охраны памятников нижнего уровня (муниципалитеты, районы, независимые города) и владельцев памятников, а также составлять экспертные заключения по всем аспектам охраны и сохранения памятников. Как носители общественных интересов они представляют интересы охраны наследия во всех проектах общественного планирования и строительства. В некоторых землях они также несут ответственность за составление списков охраняемых памятников.

Поскольку это предусмотрено в законе об охране исторических памятников земель, высший орган охраны памятников (районные органы власти) обычно осуществляет технический надзор за подчиненными органами охраны памятников, находящимися под их юрисдикцией. Частично они также несут ответственность за памятники, финансируемые государством или землей, и за создание и пополнение каталогов памятников.

Подчиненные органы охраны памятников (муниципалитеты) обычно осуществляют охрану и сохранение памятников. Таким образом, они являются адресатами для запросов, заявлений, споров и т. д. Небольшие земли, такие как Заарланд, и такие города, как Берлин, Гамбург и Бремен, частично отказываются от вышеупомянутой административной иерархии.

**Распределение компетенций в сфере культуры
в Российской Федерации**

Уровень	Название компетенции	Содержание компетенции
Первый	Компетенция федеральных органов государственной власти и управления в области культуры, предусмотренная п. "е" ст. 71 Конституции РФ и ст. 37 Основ законодательства Российской Федерации о культуре	Обеспечение прав и свобод человека в сфере культуры, установление основ федеральной культурной политики, принятие федерального законодательства в области культуры и федеральных государственных программ культурного развития и др.
Второй	Совместная компетенция федеральных органов государственной власти и управления Российской Федерации, органов государственной власти и управления республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга в соответствии со ст. 38 Основ законодательства Российской Федерации о культуре	Обеспечение прав и свобод человека в области культуры; обеспечение сохранности культурного достояния народов РФ, памятников истории и культуры, историко-культурных территорий, включенных в Свод памятников истории и культуры Российской Федерации; осуществление федеральной культурной политики, разработка и реализация федеральных государственных программ культурного развития, их финансового и материально-технического обеспечения; охрана авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности, права наследования в области культуры; утверждение требований (стандартов) к профессиональному образованию в области культуры; создание условий для культурного развития всех народов и этнических общностей РФ; проведение государственной финансовой политики в области культуры, политики в сфере труда, занятости и оплаты труда работников культуры; финансирование особо ценных объектов культурного достояния народов Российской Федерации
Третий	Компетенция органов государственной власти и управления субъектов РФ в рассматриваемой сфере (ст. 39 Основ законодательства о культуре). Например, Министерство по культуре и туризму Калининградской области в сфере охраны объектов культурного наследия	Обеспечение реализации мероприятий в рамках ФЦП на всех этапах работ, включая архитектурно-строительное проектирование, строительство и реконструкцию объектов, в отношении которых Министерство в соответствии с нормативными правовыми актами Правительства Калининградской области исполняет функции главного распорядителя средств бюджета и субъекта бюджетного планирования и др. [19]

Окончание табл. 2

Уровень	Название компетенции	Содержание компетенции
Четвертый	Компетенция, согласно ст. 40 Основ законодательства РФ о культуре, органов местного самоуправления в указанной области. Например, мэрия города Калининграда	Статья 47 Устава города. Компетенция администрации городского округа. 1. В области планирования и исполнения бюджета, социально-экономического развития: 23) осуществлять полномочия в сфере муниципально-частного партнерства, предусмотренные ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в российской федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации» (п. 23 введен решением городского Совета депутатов Калининграда от 20.06.2016 № 173). 2. В области управления муниципальной собственностью, взаимоотношений с предприятиями, учреждениями, организациями на территории города: 2) определять порядок установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия местного (муниципального) значения; 9. В социально-культурной сфере: 2) в области культуры: сохранять, использовать и популяризировать объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), находящиеся в собственности города, охранять объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенные на территории города [20]

Источник: составлено по [21] с изменениями.

Задачи соответствующих учреждений подробно вытекают из перечисленных и исторических законов федеративных земель.

Подводя итог, можно отметить, что в Российской Федерации охрана объектов культурного наследия осуществляется и контролируется органами власти на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), в Германии же охрана памятников — это дело исключительно федеральных земель.

Государственно-частное партнерство как способ сохранения и использования объектов культурного наследия

Особенности функционирования механизма государственного-частного партнерства в России

В 2015 г. в РФ был введен в действие Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №224-ФЗ. Специальная глава закона посвящена вопросам финансирования мероприятий по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия (Глава III «Финансирование мероприятий по сохранению, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия»). В статье 14 указанной главы обозначены льготы, предоставляемые физическим и юридическим лицам, которые вложили свои средства в работы по сохранению объектов культурного наследия. Отдельные льготы предусмотрены при передаче в аренду объектов культурного наследия, находящихся в неудовлетворительном состоянии (статья 14.1) [22].

Однако механизм государственно-частного партнерства внедряется в практику достаточно медленно. С целью выявления причин, препятствующих его широкому распространению (особенно применительно к объектам культурного наследия), при участии авторов в 2013–2015 гг. в рамках реализации проекта «Перекрестки 2.0» Программы приграничного сотрудничества «Польша–Литва–Россия» на 2007–2013 гг. было проведено отдельное исследование. В частности, был проанализирован опыт использования объектов культурного наследия и их приспособления под общественные пространства. При этом были изучены механизмы функционирования приватизированных и арендованных объектов культурного наследия. Были выявлены сложности во взаимоотношениях между собственниками (арендаторами) и органами власти, а также проблемы, связанные с отдельными аспектами содержания и правоприменительной практики в сфере законодательства об охране памятников. Так, было установлено, что в ряде случаев требования нормативных актов заведомо невыполнимы, что усложняет использование объектов (например, требование содержать объект в первоначальном виде может являться абсурдным, поскольку по большей части объекты культурного наследия, передаваемые в пользование, находятся в плачевном состоянии, что противоречит требованиям охранных обязательств). В этом контексте необходимы консультации на экспертном уровне, в том числе с привлечением предпринимателей, ведущих бизнес с использованием объектов историко-культурного наследия, с целью формулирования поправок в существующие нормативные акты. Также важно уделять внимание правоприменительной практике в сфере охраны памятников.

В целом повышению интереса бизнеса к объектам историко-культурного наследия будет способствовать:

– юридическая помощь при оформлении объекта в собственность (аренду), которая была бы полезна со стороны, например, Фонда поддержки предпринимателей;

– согласование непосредственного предмета охраны (внешний облик, интерьеры, планировка здания, сохранение культурного слоя и т. п.);

– смещение акцентов в деятельности службы охраны памятников с контроля на консультативную помощь, так как все стороны заинтересованы не только в сохранении объекта историко-культурного наследия, но и в приведении его в должное состояние, и, как следствие, использовании в сфере туризма.

Можно позитивно оценить позицию официальных властей, которая заключается не только в сохранении объектов, но и в поиске путей их использования для вовлечения в туристическую деятельность в качестве комплексных объектов, сочетающих, например, музейные или развлекательные услуги, услуги по размещению, питанию. При этом источниками финансирования при проведении реставрационных работ для отелей и предприятий питания чаще всего выступают средства владельца и заемные средства, а в случае с музеями – государственное финансирование и гранты.

Основными препятствиями для более активного вовлечения историко-культурных объектов в туристическую сферу является потребность в инвестициях, превышающих возможности бизнеса, и нормативные ограничения. Значимой мерой, направленной на решение данной проблемы в Калининградской области, стала программа «Финансирование проектов по вовлечению объектов культурного наследия в хозяйственный оборот Калининградской области» (утверждена протоколом заседания Наблюдательного совета фонда «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области» №4/2021 от 24.03.2021). Главным инструментом программы является льготный региональный кредит. Уже в 2022 г. имеются первые результаты. В качестве положительного примера можно привести проект «Греза Хутор», реализуемый в пос. Тихомировка Озерского муниципального округа: инвестор получил 5,5 млн руб. из Фонда поддержки предпринимательства под 1 % годовых при общем бюджете проекта в 12 млн руб. [23]. Одновременно с процессом реконструкции в обустроенных помещениях и на прилегающей территории уже проходят культурно-массовые мероприятия.

Еще одним ограничивающим фактором, на наш взгляд, выступает повсеместное сооружение «новоделов». Для предпринимателя выгоднее вложить средства в стилизованный объект, который, как следствие, не будет иметь ограничений, связанных с законодательством об объектах историко-культурного наследия. Таким образом, недостаточная проработанность законодательства в этой отрасли повышает сумму вложений до нерентабельной и делает более целесообразным возведение новоделов, как, например, замок «Нессельбек», ресторанный комплекс «Резиденция королей» в Калининградской области. Реализацию упомянутой программы льготного кредитования, позволяющей вовлекать в хозяйственный оборот объекты культурного наследия и исторические здания, также повысит приоритетность использования уже существующих историко-культурных объектов.

Особенности функционирования государственно-частного партнерства в Германии

Государственно-частное партнерство (ГЧП) получило распространение в Германии в начале 1990-х гг. Во многом это связано с тем, что после воссоединения страны возникла необходимость реконструкции и восстановления ряда объектов культурного наследия, расположенных на территории бывшей ГДР.

ГЧП — это собирательный термин для любого вида экономического взаимодействия государственных субъектов с частными экономическими субъектами, закрепленного долгосрочным регулируемым договором сотрудничества между государственным и частным сектором, с привлечением необходимых ресурсов (например, ноу-хау, операционные ресурсы, капитал, персонал и т. д.). Механизмы ГЧП используются партнерами для взаимной выгоды.

ГЧП в основном рассматривается как особый вид функциональной приватизации. В отличие от материальной приватизации, государство в этом случае не полностью уходит от задачи, которая до сих пор выполнялась публично. В контексте функциональной приватизации частные экономические агенты участвуют в выполнении государственных задач. Суверенная ответственность за исполнение остается нетронутой. Здесь создаются договорные конструкции, которые могут быть выполнены в самых разных формах.

Проекты ГЧП могут принимать различные формы — от лизинга и модели оператора до передачи концессии частным компаниям. Стимулом для государственного сектора к участию в строительстве ГЧП, как правило, становится эффект притока или облегчения для соответствующего государственного фонда или государственного бюджета, который, однако, обычно происходит только в краткосрочной перспективе и с более долгосрочными потерями или обременениями для государственных бюджетов. Проекты государственно-частного партнерства в настоящее время в основном касаются инфраструктурных объектов (школ, дорог, коммунальных служб, больниц, спортзалов, спортивных площадок) и, в качестве отправной точки, целых административных комплексов. Особое место занимают объекты культуры, поскольку их восстановление и содержание требуют от государства больших затрат, но в то же время и для государства, и для частных лиц это в значительной степени имиджевое мероприятие. Участвующим частным компаниям также предоставляются налоговые льготы — так называемый «Закон ускорения ГЧП» [24]. Поэтому такая модель получила название налогово-экономической. При этом в ряде случаев имеет место и экономическая выгода. Прежде всего это связано с тем, что многие из объектов культурного наследия расположены в «центровых» местах. Соответственно, размещение в них общественно значимых объектов (банков, ресторанов, гостиниц и др.) может отличаться высокой доходностью.

В Германии значительное число памятников находится в частной собственности. Согласно данным статистики, по состоянию на 2016 г. не менее 36 тыс. человек выполняли задачи по сохранению памятников, что обеспечило сохранение множества памятников для будущих поко-

лений [25]. В рамках проекта «Национальная культурная статистика» по заказу Федерального государственного уполномоченного по культуре и средствам массовой информации (ВКМ) и Конференции министров образования и культуры (КМК) в разделе отчета о культуре строительства и защите памятников представлены всеобъемлющие статистические сведения по вышеупомянутым культурным секторам.

Например, на сохранение и содержание зданий, предметов искусства и памятников, дворцов и замков, имеющих художественное и историческое значение, и многое другое федеральное правительство, провинции и муниципалитеты в 2013 г. потратили в общей сложности 494 млн евро. Согласно отчету о финансах в сфере культуры, наибольшую долю здесь внесли федеральные земли (237 млн евро, или 48 %), за которыми следуют муниципалитеты (172 млн евро, 35 %). Федеральное правительство выделило 85 млн евро (17 %). В общей сложности это составило 5 % от общих государственных расходов на культуру (9,9 млрд евро) было потрачено на сохранение памятников и инвестировано в сохранение памятников в Германии (см. раздел 4.3 «Культурный отдел охраны памятников») [25].

В Германии насчитывается около 1,3 млн памятников культуры, включая как отдельные здания, так и целые исторические центры городов; 51 объект входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Треть из них считаются находящимися под угрозой исчезновения или нуждаются в срочной реабилитации. Примерно 63 % выявленных памятников в Германии составляют памятники архитектуры (отдельные здания, садово-парковые комплексы и памятные места – ансамбли); 37 % памятников – памятники археологии. Движимые памятники, на которые приходится 0,1 % всех памятников, играют соподчиненную роль [26].

Государственные расходы на одного жителя на охрану памятников и историческую консервацию в 2013 г. в среднем составили 6,12 евро. Эта цифра варьируется по федеральным землям: в то время как в Саксонии она составляет 12,27 евро на одного жителя, в Бремене – менее 1 евро.

В 2016 г. 531 муниципалитет был включен в программу предоставления субсидий на восстановление памятников по всей стране, 368 из них воспользовались этими возможностями. Общий объем финансирования на 2016 программный год составил 107,5 млн евро.

Наибольшая доля субсидий была предоставлена федеральными землями Саксонии (18,6%; 20 млн евро) и Саксонии-Анхальт (10,5%; 11,3 млн евро) [Ibid.].

Фонд памятников Баден-Вюртемберга предоставляет гранты частным владельцам памятников культуры в этой земле. Первоначальный бюджет фонда состоял из единовременной государственной вложения в объеме 26 млн. В настоящее время субсидии поступают ежегодно от доходов от основного капитала (вложения в ценные бумаги на рынке капитала), доходов от лотереи, а также пожертвований гражданских объединений и личных пожертвований граждан. Деятельность фонда позволила значительно увеличить расходы на техническое обслуживание и содержание памятников. Также заявки в фонд на покрытие допол-

нительных расходов, связанных с памятниками, могут подать заявку муниципалитеты и церкви. С момента основания в 1985 г. фонд поддержал 1400 объектов в Баден-Вюртемберге [27].

Еще один положительный пример — деятельность Баварского государственного фонда, который был основан в 1972 г. Одно из направлений его деятельности — сохранение памятников в Баварии. Каждый год на средства фонда проводится около 400 восстановительных мероприятий с общим объемом финансирования около 15 млн евро — в отношении прежде всего церквей, монастырей, дворцов, замков, исторических ратуш и подобных памятников [28].

В качестве примера успешной реализации проекта в формате государственно-частного партнерства можно рассмотреть сотрудничество между городом Дюссельдорф и энергетической компанией E.ON, ранее VEBA AG. Партнеры основали в 1998 г. фонд, целью которого была реконструкция и управление музеем — музейным дворцом. Этот комплекс очень важен для Дюссельдорфа — города традиционного искусства, который является резиденцией правительства земли, представляет собой важный промышленный и деловой центр и является местом приложения совместных усилий власти, культуры и бизнеса.

Другой пример — фортификационное сооружение в Шпандау. Этот объект во многом является градообразующим. Именно он привлекает туристов и способствует социально-экономическому развитию одного из исторических районов Берлина. В настоящее время в Шпандау успешно функционируют государственный и частный музеи, рестораны и кафе, сувенирные магазины, имеющие различных собственников и пользователей. Пример Шпандау приводят в качестве «наилучшей практики» ГЧП в Германии по восстановлению, реставрации и использованию объекта культурного наследия [29].

Функционирование механизма ГЧП в Германии стало возможно ввиду наличия законодательной базы, обязывающей лиц, которые имеют право распоряжаться памятником, поддерживать его в должном порядке. Данные обязательства, например, на территории Берлина закреплены в параграфе 8 «Сохранение памятников» закона «Об охране памятников в Берлине» (Denkmalschutzgesetz Berlin — DSchGBln) от 24 апреля 1995 г. [30]:

(1) Лицо, имеющее право распоряжаться памятником, обязано поддерживать и ремонтировать памятник в разумных пределах, правильно обращаться с ним и защищать от опасностей. О дефектах, которые угрожают сохранности памятника, следует немедленно сообщать в компетентный орган по охране памятников.

(2) Компетентный орган по охране памятников может обязать лицо, имеющее право распоряжаться имуществом, принять определенные меры по сохранению памятника. Если уполномоченное лицо не выполняет свое обязательство и тем самым создает неминуемую угрозу существованию памятника, компетентный орган по охране памятников может сам принять необходимые меры. Лицо, имеющее право распоряжаться объектами, может в разумных пределах возместить понесенные им расходы. Арендаторы и другие авторизованные пользователи должны следовать установленному правилу.

(3) Компетентный орган по охране памятников может дать распоряжение о подготовке плана охраны памятника лицу, имеющему право распоряжаться этим памятником, при условии, что это необходимо для поддержания памятника в стабильном состоянии, а также для передачи знаний о памятнике. Памятник должен сохраняться и поддерживаться в соответствии с этим планом в пределах разумного.

Параграф 9 «Использование памятников» того же закона гласит: «Памятники должны использоваться таким образом, чтобы их сохранение гарантировалось в долгосрочной перспективе» [30].

Можно сделать вывод, что одного законодательства недостаточно, поэтому нужно изучать опыт поддержки памятников. Также необходимо обеспечить увеличение и стабильность финансирования объектов культурного наследия. Налоговые льготы в России имеются, но и их, к сожалению, недостаточно. И поэтому именно программы финансирования способны обеспечить стабильность — возможно, через механизм фондов. В Германии существует много фондов поддержки культуры. Например, один из самых крупных — это Фонд дворцов и парков Берлина — Бранденбурга. Благодаря работе этого фонда были восстановлены дворцы и парки в Берлине и Потсдаме. Также велика роль частных спонсоров и инвесторов. Здесь примером может послужить восстановление Берлинского замка. Большая часть средств на создание Гумбольдт-форума была пожертвована фондами, фирмами и частными лицами.

В качестве еще одного примера можно привести Немецкий фонд охраны памятников. Это крупнейшая частная инициатива по сохранению памятников в Германии. Согласно отчету, приведенному на сайте фонда, в 2021 г. его доходы составили более 42 млн евро, в том числе за счет пожертвований — 25,7 млн евро, государственных грантов — 536,7 тыс. евро, прочих поступлений — более 15,8 млн евро (в том числе более 14,8 млн евро в результате лотереи-лотто *GlücksSpirale*). Всего фонд проинвестировал 1124 проекта для 961 памятников по всей Германии с общим объемом финансирования более 24 млн евро [31].

Можно сделать вывод, что необходимо подкрепить правовой механизм в России финансовым механизмом, способствующим привлечению частного сектора через фонды. Государственно-частное партнерство — это эффективное решение по управлению объектом культурного наследия. Но в случае реставрации, восстановления и сохранения объектов культурного наследия необходимо использовать помощь фондов и частных лиц.

Выводы

1. Культурное наследие в России и Германии определяется прежде всего его общественной значимостью. В обеих странах к культурному наследию относят как материальные, так и нематериальные культурные ценности. И в России, и в Германии именно объектам недвижимого имущества, относящимся к культурному наследию, уделяется особое внимание.

2. В Российской Федерации распределение компетенций в сфере охраны и использования объектов культурного наследия зависит от уров-

ня органов власти (федеральный, региональный, муниципальный), а в Германии памятники (Denkmal) относятся к компетенции соответствующих органов федеральных земель. При этом законодательство обеих стран учитывает требования ЮНЕСКО в отношении объектов культурного наследия, включенных в этот список.

3. Понятие «объект культурного наследия» в России и Германии имеет различную формулировку. В законодательстве РФ дается определение объекта культурного наследия как недвижимого имущества со связанными с ним произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, то есть своеобразного неделимого комплекса. В немецком законодательстве к памятникам относится не только недвижимое имущество, но и отдельное движимое.

4. В 2002 г. в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» была дана классификация объектов культурного наследия для всех субъектов РФ. В результате в Российской Федерации действует единая классификация объектов культурного наследия. В Германии же классификация памятников будет зависеть от специального законодательства каждой из 16 земель.

5. В части права собственности на объекты (памятники) культурного наследия в России и Германии необходимо разграничить два понятия — собственность и владение. Согласно российскому законодательству объекты культурного наследия находятся в основном в государственной собственности и передаются во владение частным лицам или организациям на правах долгосрочной аренды (как правило до 49 лет). Это влечет за собой некоторые проблемы — например, у государства не всегда имеется возможность восстановить, отреставрировать или даже просто содержать такое большое количество объектов культурного наследия. А владельцы этих объектов не всегда готовы вкладывать свои собственные деньги в ремонт и поддержание памятника, так как боятся, что государство в любой момент может лишить их права владения объектом. С другой стороны, стоит отметить, что с внедрением в РФ практики государственно-частного партнерства ситуация изменилась в лучшую сторону. Хороший пример — форт №11, переданный во владение частному лицу на 49 лет по договору долгосрочной аренды. Арендатор регулярно принимает участие в региональных и национальных грантовых программах, получает дополнительное финансирование и успешно развивает свой объект.

Что касается Германии, то тут наблюдается обратная ситуация: многие памятники находятся в частной собственности, а на правах владения принадлежат государству, музеям, фондам и т.д. Это способствует быстрой реставрации, восстановлению и сохранению объектов культурного наследия. Естественно, частное лицо охотнее вкладывает деньги в свою собственность. Также существует огромная поддержка в лице различных фондов, которые охотно финансируют мероприятия по сохранению объектов культурного наследия.

Вместе с тем следует констатировать, что российское законодательство с точки зрения юридических основ более полное и всеобъемлющее,

а самое главное — единое, в отличие от немецкого законодательства, где у каждой земли есть свой собственный закон об охране памятников, а также другие сопутствующие законы. Единые законы на всей территории страны облегчают контроль и взаимодействие между регионами, а в Германии достаточно часто возникают противоречия и разногласия, если партнеры из разных земель.

Кроме того, важно отметить, что Калининградская область является пионером по внедрению беспрецедентных мер по сохранению объектов историко-культурного наследия. Начиная с 2020 г. в регионе действует программа «Вовлечение объектов культурного наследия, исторических зданий и сооружений в экономический оборот», разработанная центром «Мой бизнес» [32]. Участники программы могут получить финансирование проектов по вовлечению объектов культурного наследия в хозяйственный оборот (объем финансирования до 1 млрд руб.) со сроком займа до 15 лет (возможность списания до 50 % при реализации проекта в срок до 5 лет).

Список литературы

1. Путин призвал к анализу работы регионов по сохранению культурного наследия // «РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20181215/1548042128.html> (дата обращения: 20.08.2019).
2. Агаев В. Германия: в борьбе с бюрократией памятники архитектуры побеждают, но не всегда // DeutscheWelle¹. URL: <https://p.dw.com/p/J3JR> (дата обращения: 20.11.2019).
3. *Новости культуры*. Эфир от 05.11.2019. (19.30). URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/352190/ (дата обращения: 20.11.2019).
4. Оснос Ю. Октябрьская революция и памятники художественной культуры // *Искусство*. 1940. №6. С. 62–66.
5. Булыгин И.А., Троицкий С.М. Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства (октябрь–ноябрь 1917 г.) // *Вестник мировой культуры*. 1958. №3. С. 169–174.
6. Гарданов В.К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // *История музейного дела в СССР*. М., 1957. Вып. 1. С. 7–36.
7. Брайчевский М.Ю. Сохранить памятники истории // *История СССР*. 1966. №2. С. 205–226.
8. Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // *Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры*. М., 1970. Вып. 22. С. 3–127.
9. Батов В.И., Панкратова Т.Н., Чернявская Е.Н. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960–1980 гг.) // *НИИ культуры. Памятники и современность. Вопросы освоения ИКН*. М., 1987. С. 133–149.
10. Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989.

¹ Телерадиокомпания DeutscheWelle признана Министерством юстиции РФ иностранным агентом.

11. Шулепова Э. А. О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры // Вопросы охраны, использования и пропаганды памятников истории и культуры : тр. НИИ культуры. М., 1979. Вып. 78. С. 6–26.
12. Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России // Вестник КемГУ. 2014. № 2 (58). С. 53–58.
13. Джамбатов А. А. Гражданско-правовой режим объектов культурного наследия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
14. Савельев А. А. Ограничения и обременения права собственности : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2007.
15. Юнова А. Н. К вопросу о превентивных мерах сохранения культурного наследия в Германии // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 176–180.
16. Mir E. Das Modell der Public Private Partnership im Museumsbereich (am Beispiel der Kooperation zwischen E.O N und der Stadt Dusseldorf) : Magisterarbeit. Düsseldorf, 2006.
17. Чудных Д. В., Чудных В. В., Абакумов Р. Г. Зарубежный опыт и сравнительная характеристика законодательных аспектов охраны памятников культуры в России и Германии // Инновационная наука. 2017. № 4-4. С. 167–169.
18. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. 18.07.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 10.10.2022).
19. Деятельность // Министерство по культуре и туризму Калининградской области. URL: <https://culture-tourism.gov39.ru/activities/> (дата обращения: 05.09.2019).
20. Устав города // Администрация города Калининграда. URL: <https://www.klgd.ru/docs/charter/> (дата обращения: 05.09.2019).
21. Андриухина Э. П. Законодательство Российской Федерации о культуре // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 36–43.
22. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 13.07.2015 № 224. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 10.10.2022).
23. В старинной конюшне в Озерском округе открылся туристический центр // Информационно-аналитический портал Калининграда. 18.05.2022. URL: <https://kgd.ru/news/society/item/100152-v-starinnoj-konyushne-v-ozjorsk-om-okruge-otkrylsya-turisticheskij-centr> (дата обращения: 10.10.2022).
24. Ruehl W., Klönne A. 1. Bertelsmann und Private-Public-Partnership // Netzwerk der Macht – Bertelsmann. URL: <http://www.meinepolitik.de/gesamtte.htm> (дата обращения: 01.12.2019).
25. Pressemitteilung Nr. 208 vom 13. Juni 2018 // Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2018/06/PD18_208_216.html (дата обращения: 01.12.2019).
26. Denkmalschutz. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/bundesregierung/bundeskanzleramt/staatsministerin-fuer-kultur-und-medien/kultur/kunst-kulturfoerderung/foerderbereiche/denkmalschutz-und-baukultur> (дата обращения: 10.11.2022).

27. *Denkmalstiftung* Baden-Württemberg. URL: <https://denkmalstiftung-baden-wuerttemberg.de/stiftung/> (дата обращения: 10.11.2022).

28. *Bayerische Landesstiftung*. URL: <https://www.landesstiftung.bayern.de/dienstiftung.html> (дата обращения: 10.11.2022).

29. «*Маршрут* по фортам Балтики» — “Baltic Fort Route” // Официальный сайт проекта «Программы региона Балтийского моря». URL: <http://www.baltic-fortroute.eu/> (дата обращения: 20.11.2019).

30. *Denkmalschutzbehörden*. § 8 // Gesetz zum Schutz von Denkmälern in Berlin (Denkmalschutzgesetz Berlin — DSchGBl) Vom 24. April 1995 // Berliner Vorschriften- und Rechtsprechungsdatenbank. URL: <http://gesetze.berlin.de/jportal/?quelle=jlink&query=DSchG+BE&psml=bsbeprod.psml&max=true&aiz=true> (дата обращения: 20.11.2019).

31. *Deutsche Stiftung Denkmalschutz*. Jahresbericht 2021. URL: https://www.denkmalschutz.de/fileadmin/media/PDF/Brosch%C3%BCren/DSD_Jahresbericht_2021_Web.pdf (дата обращения: 05.12.2022).

32. *Программа* «Финансирование проектов по вовлечению объектов культурного наследия в хозяйственный оборот Калининградской области» // Центр поддержки предпринимательства «Мой бизнес». URL: <https://mbkaliningrad.ru/okn/> (дата обращения: 10.11.2022).

Об авторах

Кристина Александровна Кропинова — магистр права, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kristakr95@gmail.com

Елена Геннадиевна Кропинова — д-р геогр. наук, доктор экономики (Франция), Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ekropinova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

*K. A. Kropinova, E. G. Kropinova*¹

CULTURAL HERITAGE PROTECTION IN RUSSIA AND GERMANY: CHALLENGES AND SOLUTIONS

¹Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 06 November 2022

Accepted 10 January 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-8

To cite this article: Kropinova K. A., Kropinova E. G. 2022, Cultural heritage protection in Russia and Germany: challenges and solutions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 83–101. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-8.

Cultural heritage sites play an important role both in terms of the study and preservation of the culture and history of a particular territory, and in terms of their importance in recreation and tourism as a “soft power” for shaping a positive image in the geopolitical arena. These two components are directly related: the maintenance of cultural heritage objects in proper condition

allows them to be used in economic activities, for example in tourism; and the economic well-being of their owners, in turn, allows them to seek funds for their restoration and reconstruction. Legal aspects have a key role to play in optimising the system of “protection-use”. Different countries have different laws governing this relationship. While both Russia and Germany are at the forefront of this issue, there are also differences, which, if identified and compared, would further optimise the legal framework. The aim is to compare the experiences of Germany and Russia in the preservation and use of cultural heritage objects. The methodology of the study is based on a study of the legal framework of these states in this field. The study compares the laws and provides concrete examples of the legal framework. Particular attention is paid to public-private partnerships. It has been revealed that Russian legislation is more restrictive in terms of protection of cultural heritage, while the legal provisions and their practical application have stimulated the development of public-private partnerships (PPP) in Germany, which in turn has helped to preserve and put into modern use a significant number of cultural heritage objects. This experience can also be applied to Russia.

Keywords: objects of cultural heritage, tourism, protection of monuments, public-private partnership, legal aspects of cultural heritage protection, Kaliningrad region, Russia, Germany

The authors

Kristina A. Kropinova, Master of Law, independent researcher, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: kristakr95@gmail.com

Prof Elena G. Kropinova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ekropinova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6971-7275>

Н. А. Комлева

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА,
ОСНОВЫ МОНИТОРИНГА**

Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем,
Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию 25.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-9

102

Для цитирования: Комлева Н.А. Геополитическая безопасность современной России: сущность, структура, основы мониторинга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 102–116. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-9.

В статье рассматривается сущность феномена геополитической безопасности, изучается специфика геополитической безопасности современной России. Выделяются основные угрозы и уязвимости, влияющие на состояние геополитической безопасности России. Определяется необходимость, содержание и структура процесса мониторинга геополитической безопасности нашей страны. В рамках мониторинга процесса формирования угроз и уязвимостей предлагается использовать такие социологические технологии, как контент-анализ и ивент-анализ. Цель исследования – изучение специфики феномена геополитической безопасности Российской Федерации и путей ее обеспечения. Применяются системный, компаративный и феноменологический методы исследования. Дано авторское определение понятия «геополитическая безопасность» как состояния защищенности геополитического пространства социума от угроз и уязвимостей для обеспечения беспрепятственного выживания и развития данного социума. Утверждается, что геополитическая безопасность – явление системное, и ее реализация также является системным феноменом, нуждающимся в постоянном мониторинге ее наличного состояния. Дано авторское определение понятия «мониторинг состояния геополитической безопасности», которое трактуется как изучение процесса формирования, изменения во времени и способов ликвидации и / или предупреждения угроз и уязвимостей для существования и развития данного социума.

Ключевые слова: геополитическая безопасность, угрозы, уязвимости, состояние геополитической безопасности, мониторинг состояния геополитической безопасности

Введение

В настоящий период наблюдается резкое обострение взаимоотношений Российской Федерации со странами Запада, прежде всего – со странами НАТО. Главным государством Запада и пока что единствен-

ной глобальной сверхдержавой являются США. «США и их союзники решают задачу не просто ослабления влияния России в мире, ограничения ее суверенитета и размывания идентичности, но и ликвидации той социальной общности, которая веками формировалась на территории Российской империи и СССР, превращения ее в конгломерат отдельных, зависимых от Запада, социально-территориальных образований» [19, с. 6]. В связи с этим чрезвычайную актуальность представляет обеспечение национальной и геополитической безопасности Российской Федерации, а также осуществление постоянного мониторинга состояния последней. Мониторинг геополитической безопасности позволит своевременно обнаруживать угрозы и уязвимости и находить адекватные пути их нейтрализации.

Необходимо отметить, что феномены и понятия национальной и геополитической безопасности различаются.

В тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации первый феномен определяется следующим образом: «Национальная безопасность Российской Федерации (далее — национальная безопасность) — состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [21]. Иначе говоря, национальная безопасность это состояние защищенности интересов личности, общества и государства¹ — именно такая иерархия интересов закреплена в Конституции Российской Федерации [11] (см. также: [3]).

Анализу сущности феномена национальной безопасности и специфики ее реализации посвящена обширная исследовательская литература, в частности работы А.Г. Арбатова, Е.М. Примакова, Б.А. Быкова, В.Н. Конкина, А.А. Куковкина, Д.Е. Свистунова, А.В. Степанова, Н.В. Прокудиной, П.В. Шамарова и др.

Однако феномен *геополитической безопасности* не получил должного исследовательского внимания. Научных работ, целенаправленно изучающих геополитическую безопасность как специфическое явление, практически нет. Исключением является статья И.Л. Морозова «Геополитическая безопасность современной России» [14], однако, как ни странно, определения понятия, вынесенного в заглавие, в тексте статьи нет. Имеются труды авторов, тесно связывающих национальную и геополитическую безопасность, — например, работы А.М. Зимичева [6], А.И. Зубкова [7], В.В. Москвитина [15] и др. При этом, как правило, определения феномена геополитической безопасности авторами не дается, а если оно

¹ Впервые понятие «национальная безопасность» употребил в 1904 г. президент США Т. Рузвельт в Послании к Конгрессу, а в России этот термин впервые прозвучал в Федеральном законе №24 «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. Определение сущности феномена национальной безопасности было дано в Послании президента Б.Н. Ельцина Федеральному собранию в 1996 г.

и приводится, то звучит следующим образом: «Геополитическая безопасность — это состояние защищенности геополитических интересов страны» [6].

Таким образом, определение сущности и специфики феномена геополитической безопасности представляет собой актуальную исследовательскую задачу.

Объектом исследования выступает феномен геополитической безопасности. Предмет исследования — состояние и мониторинг геополитической безопасности РФ на современном этапе.

Результаты исследования вносят вклад в теорию геополитики, а также имеют значение для прогнозирования геополитического поведения противников и союзников Российской Федерации в плане преодоления угроз и уязвимостей геополитической безопасности России.

104

Результаты и обсуждение

Мониторинг состояния геополитической безопасности современной России: сущность, структура, основные формы практической реализации

Отметим еще раз, что феномены и понятия национальной и геополитической безопасности различаются.

На наш взгляд, геополитическая безопасность — это состояние защищенности геополитического пространства социума от угроз и уязвимостей для обеспечения беспрепятственного выживания и развития данного социума. При этом, по нашему мнению, геополитическое пространство любого социума имеет четыре основные формы существования: географическое (основной актор — государство), экономическое (корпорации, производящие товары и услуги), информационно-идеологическое (СМИ, представители науки, искусства, литературы, преподаватели и управленческий состав системы образования), информационно-кибернетическое (разработчики программного обеспечения и компьютерных сетей).

Таким образом, геополитическая безопасность является одним из аспектов национальной безопасности — в части обеспечения благоприятного для данного социума хода и исхода борьбы за ресурсы его выживания и развития.

Ресурсы представляют собой главную опору и главный объект геополитической борьбы (подробнее об этом см.: [8; 9]). Геополитическое значение ресурсов состоит в том, что их качество и объем определяют возможности экспансии данного геополитического актора и, следовательно, потенциал его геополитической выживаемости и перспективы достижения доминирующего положения в определенном типе геополитического пространства или во всех их в совокупности (геополитической конкурентоспособности).

В данном случае под ресурсами понимается следующее.

В географическом пространстве:

- сырье (собственно природный ресурс);
- народонаселение в совокупности его количественных и качественных характеристик (природно-социальный ресурс).

В экономическом пространстве: экономическая система общества в совокупности доминирующей формы собственности и основного способа управления производством товаров и услуг (экономический ресурс).

В информационно-идеологическом пространстве:

- официальная и/или доминирующая идеология;
- технологии и технические средства обработки массового и индивидуального сознания с целью формирования системы ценностей, предопределяющей социальное поведение.

Указанные факторы представляют собой ментальный ресурс любого социума.

В информационно-кибернетическом пространстве: программный продукт, информационно-кибернетические технологии (кибернетический ресурс).

105

Национальная безопасность «работает» с феноменами безопасности личности, государства и общества как отдельными, но взаимосвязанными величинами [16], а безопасность геополитическая — с социумом как неделимой цельной сущностью.

Геополитическая безопасность — явление системное, и ее реализация также является системным феноменом. Для осуществления системного характера защиты геополитической безопасности современной России чрезвычайно важен постоянный мониторинг ее наличного состояния. Мониторинг (постоянное наблюдение) состояния геополитической безопасности социума, на наш взгляд, представляет собой перманентное изучение процесса формирования и развития угроз и уязвимостей для данного социума, а также исследование способов ликвидации и/или предупреждения каждой из них¹. По нашему мнению, угроза может быть дифференцирована как фактор полного или частичного разрушения геополитического пространства социума. По отношению к данному социуму угрозы делятся на внешние и внутренние. Внутренние угрозы выступают как уязвимости. На наш взгляд, мониторинг угроз и уязвимостей предполагает не рассмотрение всего их спектра по причине громадной сложности этой задачи, но вычленение трех наиболее важных феноменов каждого типа.

Вначале заметим: поскольку геополитическая безопасность является величиной интегрированной, относящейся к социуму как цельной системе, необходимо указать на интегральную, системную угрозу для всех четырех основных геополитических пространств России.

Системной угрозой геополитической безопасности современной России является тотальная гибридная война [13] со стороны так называемого коллективного Запада, то есть совокупность действий, направленных на разрушение и переформатирование всех основных геополитических пространств общества-соперника (географического, экономического, информационно-идеологического и информационно-кибернетического) [10]. Цель этого типа войны такая же, как и у любого иного типа

¹ «Осуществить мониторинг совокупности политических решений, принимаемых руководством страны, отдельными министерствами и ведомствами по поводу их полномочий в области обеспечения национальной безопасности» предлагалось еще в 2019 г. [5, с. 149].

геополитической агрессии: овладение ресурсами социума-противника — всей совокупностью средств его выживания и развития, а также обращение их к своей собственной пользе. Особенностью данного типа войны является то, что агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно и преимущественно в скрытой форме. При этом для акторов-агрессоров не существует никаких сдерживающих факторов морального или правового порядка в ведении боевых действий в любом типе геополитического пространства. Итогом успешной гибридной войны является абсолютное сокрушение и подчинение противника.

Одной из успешных доктринальных конструкций гибридной войны (установок на реальное действие, подкрепленных теоретически) является концепция, в основе которой лежат так называемые «пять колец Уордена — Бойда». Изначально доктрина строилась на чисто прагматически-военных параметрах сокрушения противника с воздуха, но постепенно приобрела гораздо более широкое содержание. Схематически она представляет собой пять концентрических окружностей, которые обозначают объекты поражения в гибридной войне с точки зрения их «жесткости»: 1) внешнее кольцо и самое прочное — армия, которая скреплена субординацией и дисциплиной, ее не так просто разрушить воздействиями как снаружи, так и изнутри; 2) второе кольцо — промышленность и экономика в целом, разрушаемые последовательно и постепенно, главное здесь — деиндустриализация и контроль финансовых операций либо со стороны лояльных агрессору структур внутри и извне страны, либо им самим; 3) третье кольцо — инфраструктура: связь и коммуникации в самом широком понимании этих феноменов; их разрушение или значительное ослабление сделает все пространства противника малоуправляемыми; 4) СМИ, сфера искусства и литературы, то есть структуры непосредственного воздействия на массовое сознание противника и слом его ментальной способности к сопротивлению; 5) управленческая элита, подчинение и ментальное переформатирование которой в наибольшей степени обеспечивает успех гибридной войны. Если традиционная война «идет» от внешнего кольца к внутренним, то гибридная начинается прямо с двух центральных с упором на пятое кольцо и распространяется в направлении внешних колец. Такой «ход боевых действий» неслучаен: именно политическая элита выступает основным комбатантом гибридной войны, поскольку обладает специальными знаниями и ресурсами для выявления операций данного типа войны и противодействия им — или, напротив, отказывается ее вести либо по некомпетентности, либо по причине сознательного предательства национальных интересов. Ценностное переформатирование применяется агрессором прежде всего к экономической, политической и культурной элите общества-мишени с помощью как прямого ее подкупа (гранты, премии, участие в крупных бизнес-проектах за рубежом), так и «подкупа славой» (неофициальное присвоение статуса выдающегося борца за общечеловеческие ценности и идеалы истинной демократии, великого писателя, выдающегося театрального или музыкального деятеля и т. п.). Тем самым часть элиты пополняет ряды комбатантов, воюющих против собственного Отечества

на стороне его врага либо «втемную», либо абсолютно сознательно, и активно участвует в разрушении совокупного геополитического пространства собственной страны.

Выгода гибридной войны в сравнении с войной традиционной состоит в том, что репутация агрессора остается нетронутой и даже прирастает, поскольку гибридная война ведется им под лозунгами защиты «общечеловеческих ценностей» и прав человека в обществе-мишени; в массовом сознании агрессия целенаправленно преобразуется в форму благожелательного поощрения к восходящему развитию, в цивилизационный стимул. Гибридная война сложнее в осуществлении, чем традиционная «горячая», но и неизмеримо эффективнее: результаты «горячей войны» обычно с течением времени оспариваются и размываются (мы можем это видеть на примере Первой и особенно Второй мировой войны), но результаты гибридной войны могут существовать веками — до того момента, пока не изменятся сами акторы-агрессоры и их коренные потребности.

Одной из базовых причин ведения гибридной войны против современной России является ее переход в статус великой державы (со статуса региональной сверхдержавы Северной Евразии) и предпринимаемые ею в связи с этим попытки возврата в свои прежние лимитрофы (контролируемые пространства), в настоящее время уже имеющие других «хозяев», которые и являются основными инициаторами и спонсорами гибридной войны против современной России.

В гибридной войне возрастает значение тыла, а именно: 1) содержания и качества экономической и политической коммуникации между органами власти/управления и подвластными (народонаселением), от чего во многом зависит степень материального благосостояния и социальной защиты подвластных и, соответственно, уровень их доверия к органам власти и управления; 2) состояния сфер здравоохранения, образования, науки и культуры, что непосредственно влияет на сохранение и развитие таких ресурсов, как рабочая сила и мобилизационный резерв, система ценностей и поведенческих установок населения. Прочный тыл важен в любой войне, но особенно — в войне гибридной. Разрушенная или ослабленная коммуникация между властью и подвластными, недостаточное развитие здравоохранения, образования и науки составляют благоприятную почву переформатирования всех геополитических пространств страны-мишени в интересах актора-агрессора.

В этом типе войны возникает феномен нелинейной (нетерриториальной) границы и необходимость особо тщательной защиты таких границ. В рамках постклассической геополитической парадигмы границу можно обозначить как предел допустимого (неразрушающего) проникновения во все виды геополитических пространств данного общества. Следовательно, любое общество имеет сегодня не только границу географическую, защищаемую государством посредством пограничных войск, но и границу экономическую, кибернетическую и идеологическую. *В экономическом пространстве* границей выступает количественное соотношение товаров и услуг, произведенных внутри данного социума по собственным технологиям, и товаров и услуг, приобретаемых по импорту. *В информационно-идеологическом пространстве* нелинейной грани-

цей выступает целостность системы базовых ментальных ценностей и приоритетов массового сознания, традиционной для данного социума. Разрушение этой системы (замещение ценностями общества-агрессора) ведет к добровольному подчинению данному агрессору, поскольку именно этот фактор обеспечивает адекватную социальную самоидентификацию на уровне как массового, так и индивидуального сознания. В информационно-кибернетическом пространстве нелинейная граница представляет собой количественное соотношение собственных и заимствованных программных продуктов/единиц компьютерной техники.

В каждом типе геополитического пространства способы ведения (технологии) гибридной войны различаются в соответствии с природой данного типа пространства. Каждая из этих технологий представляет собой угрозу для геополитической безопасности современной России.

Эти угрозы можно представить следующим образом:

– в географическом пространстве: 1) вовлечение страны-мишени в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру ее границ; 2) «цветные революции», то есть государственные перевороты (или неуклонно повторяющиеся попытки таких переворотов) в стране-мишени и в государствах, являющихся ее геополитическими союзниками; 3) поощрение сепаратизма в стране-мишени.

В результате страна-мишень утрачивает свой периметр и геополитических союзников, а вместе с этим и возможность эффективного контроля ближайшего и отдаленного географического пространства, где с высокой вероятностью размещаются военные базы и военные контингенты геополитического противника (противников). Такая страна также теряет свои ресурсные регионы (сепаратистские настроения никогда не поддерживаются извне, если отторгаемая территория не содержит значимых ресурсов);

– в экономическом пространстве: 1) санкции против отдельных отраслей экономики страны-мишени агрессии, в том числе закрытие для нее ключевых международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к определенным технологиям; 2) санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране-мишени; 3) предоставление стране-мишени так называемых «связанных кредитов», то есть займов, выделение траншей которых обусловлено выполнением руководством данной страны определенных экономических и политических действий, в открытой или скрытой форме направленных на разрушение промышленного, инфраструктурного и социального секторов экономики данной страны-мишени.

В результате экономический рост страны-мишени приостанавливается, направленность экономики на удовлетворение потребностей среднего класса и малоимущих слоев населения в значительной степени ограничивается, что ведет к напряженности в рамках политической коммуникации «государство – народонаселение» и даже к разрыву такой коммуникации, к росту социальной нестабильности, к озлобленности значительных слоев населения по отношению к органам власти и управления;

— в информационно-идеологическом пространстве: 1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны-мишени агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны-мишени; 4) имплантация и/или поощрение децивилизирующих социальных практик: гедонизма, ЛГБТ-практик, промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности.

В результате катастрофическим образом разрушается морально-ценностная составляющая развития социума-мишени, и он остается практически беззащитным перед информационно-идеологическими атаками противника.

Ключевым моментом в тыловом обеспечении противостояния актам гибридной войны в данном типе пространства является наличие в обществе официальной идеологии (при этом необходимо четко отличать идеологию официальную от государственной, признаком наличия которой являются репрессии в отношении инакомыслящих со стороны государства). Идеология — это оценочная мировоззренческая система, определяющая цели развития данного социума и механизм («дорожную карту») их достижения во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе — целеполагание и совокупность управленческих практик политической элиты как основного комбатанта гибридной войны. В этом плане тыл гибридной войны в России не обеспечен, поскольку: 1) реальной идеологией части российской экономической, политической и культурной элиты является идеология наших геополитических противников; 2) российская элита и российский народ существуют в «параллельных вселенных», их образ жизни и коллективное сознание резко отличаются. Кроме того, тыловое обеспечение войны в информационно-идеологическом пространстве предполагает наличие социально-гуманитарной компоненты системы образования, включающей целенаправленную подготовку «комбатантов информационно-идеологической войны». Подчеркнем еще раз, что образовательные практики такого рода не могут существовать в условиях отсутствия базы — официальной идеологии общества. Есть запрет на идеологию (ст.13, п. 2 Конституции РФ) — нет системной подготовки специалистов в сфере обеспечения информационно-идеологической безопасности, в том числе профессионалов в области пропаганды и контрпропаганды;

— в информационно-кибернетическом пространстве: 1) вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны-мишени агрессии с мировых и/или региональных рынков; 2) непрекращающиеся хакерские атаки против экономических и политических институтов страны-мишени; 3) использование «вирусов» и «червей», «логических бомб» и «закладок»; 4) создание интернет-платформ и аккаунтов с подрывным контентом.

В результате общество-мишень лишается части своих возможностей противостоять актам гибридной войны не только в киберпространстве самом по себе, но также и в информационно-идеологическом и экономическом пространствах.

Таким образом, гибридная война представляет собой системную угрозу геополитической безопасности общества, и, соответственно, отражение данной угрозы также является системным феноменом. Невозможно выиграть гибридную войну одним только совершенствованием вооружений, военной техники и собственно военных технологий. Необходимо развитие средств и технологий противостояния данному типу войны в основных геополитических пространствах в их совокупности и в соответствии со спецификой каждого типа геополитического пространства.

В связи с определением сущности геополитической безопасности современной России и специфики ее мониторинга предлагается следующая троичная схема рассмотрения угроз и уязвимостей.

Основные угрозы геополитической безопасности современной России, подлежащие мониторингу:

В географическом пространстве: военная агрессия стран НАТО и, шире, стран «коллективного Запада» против нашей страны, выражающаяся в военных действиях на Украине с использованием западного оружия, западных инструкторов и западных ЧВК, а также возможность расширения военных действий НАТО на территорию Союзного государства России и Белоруссии [12; 22].

В экономическом пространстве: санкционная политика стран Запада, применяемая против России.

В идеологическом пространстве: идеологические диверсии в сфере массового сознания с целью изменения системы традиционных ценностей и подготовки «цветной революции» в нашей стране, в том числе дезинформация по вопросу проведения специальной военной операции.

Системная угроза геополитической безопасности, то есть тотальная гибридная война против России, базируется на следующих **трех основных уязвимостях** российского социума, связанных прежде всего с тем фактом, что, как отмечалось выше, основным комбатантом гибридной войны является политическая элита общества:

1. Важнейшим элементом системы геополитической безопасности становится оптимальным образом выстроенная коммуникация между властвующими и подвластными, иначе говоря, между органами власти и управления, с одной стороны, и народонаселением страны – с другой.

Обеспечивает ли существующая политическая коммуникация ведение успешной контргибридной войны?

Система органов власти и управления в настоящее время в значительной мере замкнута сама на себя и не отражает реальных интересов подвластных, что ведет к деформации и даже разрыву политической коммуникации и утрате доверия части населения к органам власти и управления. С. А. Караганов в одном из своих интервью, обращаясь непосредственно к журналисту-интервьюеру, отмечал: «Такие, как вы или я раньше, не хотят или не хотели верить в менталитет большинства живущих в России... Такие, как мы с вами, всегда недооценивали глубинные настроения» [1]. Отсутствие адекватной политической коммуникации наблюдается и в регионах. Губернатор Омской области А. Л. Бурков привел следующий показательный пример из жизни вверенной ему области: «Могу откровенно сказать, что проведя первые встречи в муници-

пальных районах, начав работу, узнал, что народ не знает министров, не видел их, даже в том числе вице-премьеров. Я стал в приказном порядке засылать их в районы. Они возвращались оттуда с круглыми глазами: «Там такое творится!» При этом люди работают по пять лет и больше. Они проблем не знали, были далеки от народа» [2]. В современной России не только не выстроена оптимальная политическая коммуникация между подвластными и политической элитой, но и ментальные ценности этих социальных страт все более и более расходятся. «Поиск правды, истины, справедливости для России и русского народа всегда стоит выше первичных материальных импульсов человека» [20, с. 78], в то время как многочисленные примеры коррупции и «нецелевого расходования средств» внутри российского правящего класса свидетельствуют о преобладающей его ориентации на материальные блага. Соответственно формируется отрицательное общественное мнение о деятельности органов власти и управления и недоверие к ним. Состояние общественного мнения имеет определяющее значение для организации широкого фронта контргибридной войны.

2. Деформация политической коммуникации в связке «властвующие — подвластные» способствует и такой фактор, как деградация исполнительской дисциплины в органах власти и управления, а также их ориентация не на практический результат деятельности, а на имитацию такового.

В настоящее время система государственного управления России фактически «заточена» на производство различных программ стратегического и тактического уровня, и работа по их созданию ведется действительно весьма интенсивно с привлечением большого пула специалистов и экспертов со стороны как самих органов власти и управления, так и разнообразных вузов, НИИ и независимых *think tanks*. Однако системным недостатком этих программ является их малая реальная эффективность или же полное отсутствие эффективности как таковой. При этом «провалившуюся» программу просто заменяют следующей, которая имеет ровно такой же практический результат. В отчетах же — выполнение программ происходит исправно, а если провал скрыть нельзя, в качестве его причины указываются форс-мажорные обстоятельства. Органы власти и управления нацелены на производство бумаг, но не результативных действий. «Так, аудит госпрограмм показал, что только 25 % показателей направлены на получение конкретных результатов для экономики страны и наших граждан» [4]. Счетная палата в феврале 2020 г. проверила работу 53 министерств и ведомств за предыдущие три года (2017—2019). Положение в сфере планирования и исполнительской дисциплины ФОИВ¹, охарактеризованное в отчете палаты — без преувеличения, катастрофическое. Основные выводы, сделанные Счетной палатой: 1) работа министерств и ведомств неэффективна и разбалансирована: стратегические документы министерств и ведомств часто противоречат друг другу и не связаны с показателями нацпроектов и госпрограмм; 2) службы внутреннего аудита министерств и ведомств отличаются низкой компетентностью кадров; 3) между правительством и ФОИВ отсутствует

¹ ФОИВ — федеральные органы исполнительной власти.

управленческое взаимодействие. Из 2836 поручений, которые находились на контроле Кабмина, почти две трети (64 %) не были исполнены в срок [17]. Причина — в отсутствии какой бы то ни было реальной ответственности чиновников-исполнителей. В наихудшем для исполнителя случае дело ограничивается устным выговором «под телекамеру». Для преодоления сложившегося положения вещей необходимо применить реальную систему наказаний в отношении прощтрафившихся исполнителей многочисленных «программ развития» в различных отраслях и, что главное, в отношении руководителей соответствующих органов власти и управления: 1) выговоры с занесением в трудовую книжку, за которыми следуют лишение годовой премии или штраф в размере месячного оклада; 2) отстранение от должности с пожизненным запретом занимать аналогичные должности где бы то ни было в системе органов власти и управления; 3) возмещение нанесенного ущерба (если таковой имел место) из личных средств исполнителя. Реализация предложенных мер потребует соответствующего изменения правовых норм.

3. Аморальные телешоу и «произведения искусства» способствуют развитию асоциального поведения больших масс людей и в конечном итоге — дезинтеграции общества и его распаду. Поскольку основной фронт гибридной войны находится в информационно-идеологическом пространстве, абсолютно необходимо введение моральной цензуры в сфере литературы и искусства, а также в СМИ (включая блогосферу), то есть оценку соответствия конкретного произведения или журналистского материала нормам традиционной морали и традиционным для данного общества ценностям.

Известный журналист Владимир Молчанов сказал в одном из своих интервью: «...принципиально не смотрю ток-шоу... это верх непристойности... пример отупляющего, омерзительного и совершенно непристойного телевизионного дегенератизма и уродства, как кунсткамера в Санкт-Петербурге» [18]. Это одно из проявлений гибридной войны как в плане внешней агрессии, так и в плане внутреннего коллаборационизма. Материалы, не соответствующие нормам традиционной морали и традиционным ценностям, должны блокироваться либо на стадии их подготовки (необходимо возрождение художественных советов при творческих союзах и аналогичной структуры в Союзе журналистов), либо уже на стадии функционирования (блокирование со стороны соответствующего подразделения ФСБ РФ). При этом необходима адекватная правовая база.

В соответствии со сказанным выше предметом мониторинга уязвимостей, влияющих на состояние геополитической безопасности, являются: 1) действия органов власти и управления и возглавляющих их должностных лиц в плане укрепления или, напротив, разрушения политической коммуникации с подвластными; 2) отслеживание реакции как общества (мониторинг популярных социальных сетей, выступлений структур гражданского общества — прежде всего партий), так и вышестоящих органов власти и управления на изменения состояния политической коммуникации; 3) мониторинг процесса появления и функционирования в культурном пространстве произведений литературы и искусства, разрушающих традиционные ценности массового сознания россиян.

В каждом типе угроз и уязвимостей предлагается выделять и отслеживать такие их формы, как актуальные (уже осуществляемые); потенциальные (с высокой вероятностью будут осуществлены); преемственные (они могут сформироваться, а могут и не сформироваться, но все равно нужно отслеживать эту ситуацию).

В рамках мониторинга процесса формирования угроз и уязвимостей предлагается использовать следующие социологические технологии: 1) контент-анализ (отслеживание высказываний представителей официальных и оппозиционных структур в интервью, официальных выступлениях, личных соцсетях, СМИ, журнальных и монографических публикациях); 2) ивент-анализ (отслеживание политических практик и поступков представителей официальных и оппозиционных структур).

113

В плане акторов, чье социальное поведение подлежит мониторингу, отметим следующие:

1. Внешнее окружение: 1) явные государства-враги, постоянно и неизменно проводящие антироссийскую политику на протяжении длительного исторического времени (намерения и практические политические шаги по полному или частичному разрушению наших геополитических пространств); 2) государства-противники (политика «точечного», фрагментарного разрушения наших геополитических пространств); 3) государства, которые могут быть превращены в противников или врагов России при применении определенных геополитических технологий.

2. Внутренняя оппозиция: 1) наиболее активные главы оппозиционных партий и политических объединений; 2) «лидеры мнений» (блогеры и влогеры, имеющие наибольшее количество подписчиков); 3) видные деятели сферы культуры.

Выводы

Геополитическая безопасность представляет собой состояние защищенности геополитического пространства социума от угроз и уязвимостей для обеспечения беспрепятственного выживания и развития данного социума. Это один из аспектов национальной безопасности — в части обеспечения благоприятного для данного социума хода и исхода борьбы за ресурсы его выживания и развития.

Геополитическая безопасность — явление системное, и ее реализация также является системным феноменом. Для осуществления системного характера защиты геополитической безопасности современной России чрезвычайно важен постоянный мониторинг ее наличного состояния. Мониторинг (постоянное наблюдение) состояния геополитической безопасности социума, на наш взгляд, представляет собой процесс изучения формирования, изменения во времени и способов ликвидации и/или предупреждения угроз и уязвимостей для существования и развития данного социума.

Основные угрозы *геополитической безопасности* современной России, подлежащие мониторингу: *в географическом пространстве* — военная агрессия стран НАТО и, шире, стран «коллективного Запада» против нашей страны, выражающаяся в военных действиях на Украине с использованием западного оружия, западных инструкторов и западных

ЧВК, а также возможность расширения военных действий НАТО на территорию Союзного государства России и Белоруссии; в *экономическом пространстве* — санкционная политика стран Запада, применяемая против России; в *идеологическом пространстве* — идеологические диверсии в сфере массового сознания с целью изменения системы традиционных ценностей, в том числе дезинформация по вопросу проведения СВО. Мониторинг позволяет своевременно обнаружить угрозы и уязвимости геополитической безопасности современной России и выработать адекватные социальные технологии для их ликвидации и предупреждения.

Список литературы

114

1. «Авторитаризм России не навязан сверху». Диалог // Коммерсантъ. 04.10.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3752289> (дата обращения: 09.10.2022).
2. Александр Бурков: «Министры возвращались с круглыми глазами: “Там такое творится!”» // Коммерческие вести. URL: <http://kvnews.ru/news-feed/aleksandr-burkov-ministry-ponyatiya-ne-imeli-cto-tvoritsya-v-oblasti> (дата обращения: 09.10.2022).
3. Бабурин С. Н., Дзалиев М. И., Урсул А. Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М., 2022.
4. В ходе дискуссий на ВЭФ 2022 представители Счетной палаты обсудили вопросы устойчивости региональных бюджетов, инструменты поддержки МСП и актуальную экологическую повестку // Счетная палата РФ. Официальный сайт. URL: <https://ach.gov.ru/news/vef-2022> (дата обращения: 18.10.2022).
5. Егоров Ю. Н., Никитина Л. К., Хохлова О. М. Национальная безопасность России в современном мире в условиях глобализации // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 145 — 150.
6. Зимичев А. М. Геополитика и проблемы национальной безопасности России // Психологическая газета. URL: <https://psy.su/feed/3883/> (дата обращения: 16.10.2022).
7. Зубков А. И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. М., 2004.
8. Комлева Н. А. Геополитические ресурсы: попытка классификации. Часть 1 // Пространство и время. 2013. № 3 (13). С. 12 — 20.
9. Комлева Н. А. Геополитические ресурсы: попытка классификации. Часть 2 // Пространство и время. 2013. № 4. С. 29 — 34.
10. Комлева Н. А. Гибридная война: сущность и специфика // Известия УрФУ. Сер. 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 3 (167). С. 128 — 138.
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 10.10.2022).
12. Корсак Л. Описан сценарий жесткого втягивания Белоруссии в конфликт России и Украины. Польша может использовать повод «для защиты Незалежной» от агрессии» // Московский комсомолец. 2022. 11 мая. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/05/11/opisan-scenariy-zhestkogo-vtyagivaniya-belorussii-v-konflikt-rossii-i-ukrainy.html> (дата обращения: 10.10.2022).

13. Лавров заявил, что России объявили гибридную, тотальную войну // TASS.ru. URL: <https://tass.ru/politika/14182633> (дата обращения: 09.10.2022).
14. Морозов И. Л. Геополитическая безопасность современной России // Теория и практика общественного развития. 2015. №8. С. 156 – 163.
15. Москвитин В. В. Россия в зоне геополитической безопасности // Регионы России. 2021. 22 июля. URL: <https://www.gosrf.ru/rossiya-v-zone-geopoliticheskoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 16.10.2022).
16. Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. М., 2017.
17. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2020 г. // Счетная палата РФ. Официальный сайт. URL: <https://ach.gov.ru/upload/reports/2020.pdf> (дата обращения: 18.10.2022).
18. Полунов В. Владимир Молчанов: «Современные ток-шоу – пример дегенератизма» // Аргументы и факты. АИФ.ру. 2020. 14 окт. URL: https://aif.ru/culture/person/vladimir_molchanov_sovremennye_tok-shou_primer_degeneratizma (дата обращения: 09.10.2022).
19. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации. М., 2021.
20. Русская доктрина (Сергиевский проект). М., 2008.
21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ президента Российской Федерации от 02.07.2021 №400. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.10.2022).
22. Чернышева Е. Киев сообщил о вызове посла в Белоруссии из-за «планов нанести удар». URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/10/2022/634239d19a7947cd564e1eb0> (дата обращения: 10.10.2022).

Об авторе

Наталья Александровна Комлева – д-р полит. наук, проф., Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем, Екатеринбург, Россия.
E-mail: komleva1@yandex.ru

N. A. Komleva

GEOPOLITICAL SECURITY OF CONTEMPORARY RUSSIA: ESSENCE, STRUCTURE, FUNDAMENTALS OF MONITORING

Geopolitical analysis center in Academy of geopolitical problems,
Yekaterinburg, Russia

Received 25 November 2022

Accepted 10 January 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-9

To cite this article: Komleva N. A. 2022, Geopolitical security of contemporary Russia: essence, structure, fundamentals of monitoring, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 102–116. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-9.

The article examines the essence of the geopolitical security phenomenon, studies the specifics of the geopolitical security of modern Russia. The main threats and vulnerabilities affecting the current state of Russia's geopolitical security are highlighted. The author determines necessity, content and structure of the process of monitoring the geopolitical security of our country. As a part of monitoring the process of threats and vulnerabilities development, it is proposed to use such sociological technologies as content analysis and event analysis. The purpose of the study is to reveal the specifics of the phenomenon of geopolitical security of the Russian Federation and some ways to ensure it. The author employs systematic, comparative and phenomenological research methods. The author suggests definition of the "geopolitical security" concept as such a state of security of the geopolitical space of society from threats and vulnerabilities that it can ensure the unhindered survival and development of this very society. It is argued that geopolitical security is a systemic phenomenon, and its implementation is also a systemic phenomenon, for which constant monitoring of its current state is important. The author's definition of the concept of "monitoring the state of geopolitical security" is given as a study of the process of formation, changes in time and ways of eliminating and/or preventing threats and vulnerabilities for the existence and development of this society.

Keywords: geopolitical security, monitoring of the state of geopolitical security, state of geopolitical security, threats, vulnerabilities

The author

Prof Natalia A. Komleva, Geopolitical analysis center in Academy of geopolitical problems, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: komleva1@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

8. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150–250 слов). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов / словосочетаний). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм). Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office). Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержится рекомендация по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте или через личный кабинет онлайн-редакции журнала.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации. Текст рецензии направляется автору по электронной почте или через личный кабинет онлайн-редакции журнала.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2022

№ 4

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 21.03.2023 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,4
Тираж 300 экз. (1-й завод 37 экз.). Цена свободная. Заказ 35
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14